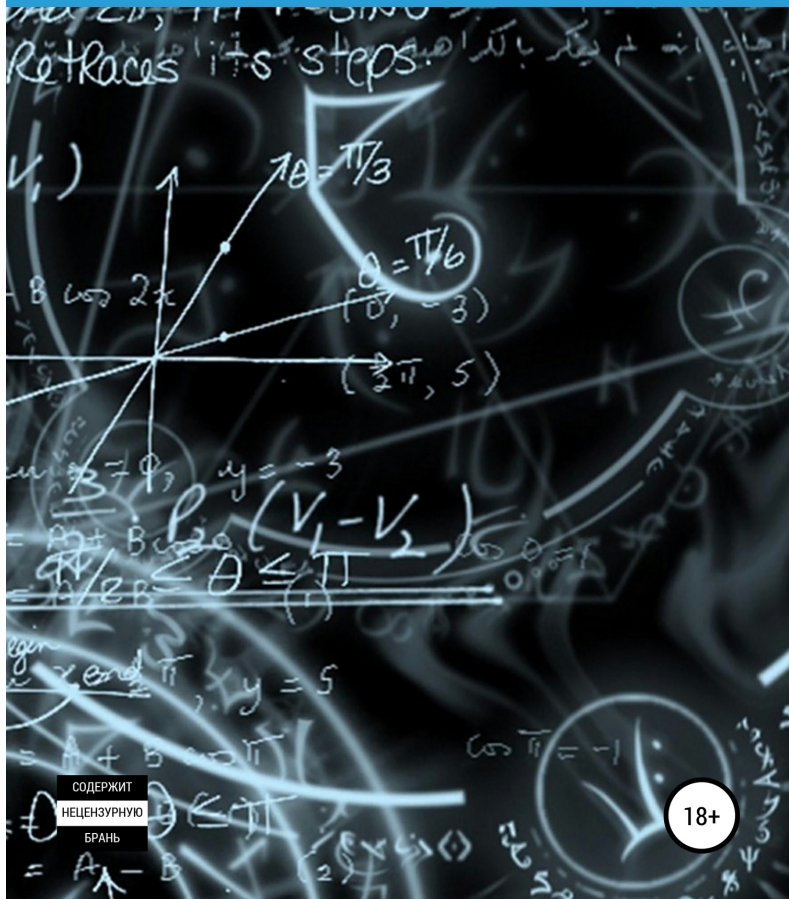

Муханов

Почтальон vs Редактор

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Муханов

Почтальон vs Редактор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47451015

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга – о том, как создается история людей и событий. Почему достаточно лишь одной невероятной случайности, которая в итоге вдруг определяет глобальный сдвиг? Есть ли неведомая сила, способная менять то, что, казалось, уже было предопределено человечеству? Герои романа, вымышленные и реально существовавшие, в трёх судьбоносных для России исторических эпохах (Война 1812 года, Великая Отечественная война, наше время), тесно переплетая свои действия, ищут ответы на эти вопросы. Способны ли они, слыша таинственный голос, идущий сквозь время и расстояние, только передать его послание власть имущим, или же готовы действовать сами, правя полотно истории? И могут ли они, зная будущее, изменить прошлое? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Отказ от ответственности	6
Эпиграф	7
Глава 1	8
2019 г., Максим Шмелев	8
Глава 2	12
1943 г., Евгений Соболев	12
Глава 3	20
1812 г., Алексей Берестов	20
Глава 4	27
2019 г., Дмитрий Лозинский	27
Глава 5	31
1943 г., Евгений Соболев	31
Глава 6	35
1812 г., Алексей Берестов	35
Глава 7	39
2019 г., Максим Шмелев	39
Глава 8	44
1943 г., Евгений Соболев	44
Глава 9	50
1812 г., Алексей Берестов	50
Глава 10	62
2019 г., Максим Шмелев	62
Глава 11	68

1943 г., Евгений Соболев	68
Глава 12	77
1812 г., Алексей Берестов	77
Глава 13	90
2019 г., Максим Шмелев	90
Глава 14	98
1943 г., Евгений Соболев	98
Глава 15	109
1812 г., Дмитрий Неверовский	109
Глава 16	119
2019 г., Максим Шмелев	119
Глава 17	131
1943 г., Евгений Соболев	131
Глава 18	142
1812 г., Дмитрий Неверовский	142
Глава 19	155
2019 г., Евгений Соболев	155
1812 г., Александр Кутайсов	166
Глава 21	186
1943 г., Константин Рокоссовский	186
Глава 22	195
1812 г., Александр Кутайсов	195
Глава 23	206
2019 г., Евгений Соболев	206
Глава 24	213
1943 г., Евгений Соболев	213

Глава 25	226
1812 г., Александр Кутайсов	226
Глава 26	235
2019 г., Максим Шмелев	235
Глава 27	245
1945 г., Евгений Соболев	245
Глава 28	259
1812 г., Александр Кутайсов	259
Глава 29	276
2019 г., Максим Шмелев	276
Глава 30	290
1812 г., Дмитрий Неверовский	290
Эпилог	306
30 г. нашей эры	306
2	

Отказ от ответственности

Все события и их участники, изложенные в произведении, являются плодом воображения автора, за исключением тех, которые безусловно известны в российской и мировой истории. Любое совпадение с реальными местами, адресами, людьми, организациями – совершенно случайно.

Эпиграф

«Действие даже самого крохотного существа приводит к изменениям во всей Вселенной»

Никола Тесла

Глава 1

2019 г., Максим Шмелев

Каждый раз, когда я смотрю на звезды – такие тусклые, и невидимо далекие в загаженном пепельном небе нашего гиганта-города Москва, я всегда думаю об одном и том же. Вот все, что пишут фантасты в своих опусах, что показывают нам в кино вроде Звездных войн, путей, крейсеров и так далее – все это ведь бесконечно далеко от любой возможной реальности! Вот летают корабли от одной звезды к другой просто так на сверхсветовой или через фантастическое гипер-пространство, люди в полете не стареют, не меняются, как будто и не было в свое время сказано добрым швейцарцем Эйнштейном, что быстрее скорости света никто никогда не разгонится, ну хоть ты тресни! И в Википедию люди не смотрят, не сознают, то в одной нашей солнечной системе триллион небесных тел, а звезд таких триллион в галактике Млечный путь, а галактик таких во Вселенной тоже триллион, а Вселенных, наверное, тоже триллион, и так далее. В общем, все так несоизмеримо, а мы в этом мире такие даже не песчинки, не атомы, не электроны и даже не кварки, а так бесконечно малы, что попасть даже до ближайших звезд нам не светит еще миллионы лет, и можно даже на эти все возможные дру-

гие цивилизации рукой махнуть и не верить. Вот и я не верил, пока в первый раз, случайно, не услышал Голос.

То есть, этот Голос, конечно сам меня нашел. Он пришел первый раз, когда я спокойно и грустно сидел в своей одинокой однушке и смотрел по ТНТ очередную «Битву Экстрасенсов». Это было вначале как выстрел в одиночной камере приговоренного к смерти, резко и громко до потери пульса, но одновременно величаво и раскатисто, как волна захлёстывает ноги на средиземноморском пляже. Я будто почувствовал, что кто-то стоит в пустой комнате и смотрит на меня как бы изнутри, и даже вдруг подумал, что это ощущение создал городской колдун, только что делавший пассы косматыми кистями прямо в ЖК-экран моего телевизора. Уже потом я понял, что все более-менее внятные деятели, те, кто сидит в этих телешоу, получают такие же вызовы, как и я. А дальше в микроскопической точке где-то внутри меня затрепетало, заколыхалось само пространство, как паволока на прекрасных женских глазах, и в мою голову по-змеиному вполз этот Голос.

При первом контакте они ничего не просили, не требовали, не хотели и не приказывали. Они еще ничего обо мне не знали, а кто был я для них – ничтожный пункт в бесконечности далекого пространства-времени. И они просто теперь были со мной, а зачем, я тогда не знал, конечно же. Я внача-

ле решил, что происходит какой-то сдвиг в моей интуиции: в один момент голос начинает звучать в мозгу и говорить то, чего ты не мог знать никогда. Это ясновидение, пророчества, сумасшествие – все, что угодно, то, чем человечество каждый раз в своей истории это называло, когда у очередного «контактера» обнаруживалось то же самое свойство. Впрочем, я не знаю, сколько таких было, как я. Пока еще не знаю.

Они начали с простой и понятной вещи – дали мне немного подзаработать. Вначале это выглядело, как вдруг родившаяся мысль: а если что-то произойдет именно так? Но мысль эта была подобна яркой сверхновой, которая, вспыхнув, моментально захватывала все пространство внутри меня. И она превращалась вначале в идею, а потом в полное, стопроцентное убеждение, сияющее так, что с ним нельзя было бороться, а только лишь следовать ему.

Например, мне сказали, как сыграют все команды в плей-офф чемпионата Европы по футболу, и когда я выбирал на сайте букмекерской конторы ставку на победу Исландии в матче с Англией¹, мне думалось, что я выкидываю в помойку 1000 рублей. Но через неделю я получил на карточку сто двенадцать тысяч, мне стало просто так хорошо, что я решил и дальше доверять своей поразительной интуиции.

¹ 1/8 финала Евро-2016. Исландия-Англия 2:1.

Теперь утром я протираю затекшие глаза и пытаюсь вспомнить, что они мне сказали ночью, иногда эта картинка эта стоит перед глазами как голограмма, полно и трехмерно, я представляю это как будто только что видел это и держал в руках, или как будто я был внутри, посередине всего этого, горящего и пылающего у меня в голове. Но что это именно – я до сих пор не в состоянии понимать....

Глава 2

1943 г., Евгений Соболев

Впереди и внизу ярко пылало, клубилось и полыхало оранжево-черное море огня, обрамленное дымом и летящими во все стороны комьями земли, щепами и обломками. Звено штурмовиков заходило на это море, отчаянно урча моторами и подсвечивая его трассирующими очередями из бортовых пулеметов. Внизу, куда не кинь взгляд, было нагромождение наступающей техники, копошащихся среди нее черных и зеленых фигурок солдат, тонких нитей окопов и проволочных заграждений, грязно-коричневых пятен огневых точек. Семерка ИЛ-ов² неудачно била бомбами, пушками и ракетами по тяжело ползущему вперед немецкому танковому клину, наступающему встык между позиций обороны двух советских дивизий. Несколько сделанных подряд заходов на цель обрушили вниз облака кипящего и шипящего железа и свинца, но кабанья голова из почти пятидесяти бронированных машин неуклонно продолжала движение вперед. Уже начинающее садиться солнце тускло просвечивало через пелену черных дымов, все вокруг ревело, трещало и рвалось на мелкие брызги осколков и человеческих криков.

Здесь, в районе севернее Курска, разворачивалось невиданное ранее в истории войн³: все самые современные технологии уничтожения человека человеком скопились в виде сотен новейших бронированных монстров-танков и самоходок, а также тысяч пушечных стволов, миллионов бомб и снарядов и сотен тысяч людей, пускающих все это в ход друг против друга.

У Женьки Соболева этот боевой вылет был всего вторым. Сам Женька, молодой белобрысый лейтенант со слегка кустистыми бровями и умным внимательным взглядом исподлобья считал его первым. Про реальный первый вспоминать особо не хотелось: три месяца назад совсем юный девятнадцатилетний летчик едва не сгорел, причем в него ничего не попадало, а заклинила и рванула при выпуске в люке фугасная авиабомба, и Евгений едва посадил объятую пламенем машину на открытую поляну где-то в лесу южнее Воронежа, но всего в десятке километров от полкового аэродрома и на своей территории, по счастью. Сам слегка обгорел, с левой руки кожа облезла как перчатка, но больше осталось обиды: в бой не вступил, пострелять-покидать бомбы с ракетами не смог за свою Родину, машину, хоть и не по своей вине, но

³ Действие происходит во время сражения на северном фазе Курской дуги, между войсками К.К.Рокоссовского (СССР) и В.Моделя (Германия), 5-18 июля 1943 года

загубил, сам на койку попал. Из полевого госпиталя, уже через три дня, оклемавшись, стал проситься обратно в полк. Все воюют, а он здесь на койке прохлаждается, хотя руки-ноги-голова целы и в порядке.

Вот и сейчас сразу же не повезло. На взлете не убралось левое шасси, и пока Соболев перекрикивался по радиии с комполка и инженером эскадрильи, все остальные ИЛ-ы уже ушли на линию боевого соприкосновения.

– Нагоняй их, штурмуй, и там как сложится! – приказал комполка Поварков, и Женька его прекрасно понял.

Конечно, начальству сейчас главное отбомбиться по противнику, а сядет или нет летчик после этого – дело десятое, учитывая обстановочку на фронте. Самолет ему дали самый старый в полку, еще одноместный, много раз латанный–перелатанный, уже дважды садившийся на фюзеляж, один раз даже с капотированием⁴. А что поделать – все новые машины в полку заняты, спасибо, что хоть эту выделили, а то вообще не летал бы. И Соболев, три раза плюнув через левое (старая привычка, еще бабушка в родной уральской деревне научила, от беды), бодро вскочил в кабину и задвинул фонарь.

А потом – уже привычное радостное ощущение взлета, привычная тяжесть самолета, до завязки нагруженного контейнерами с ПТАБами⁵, легкий набор высоты после отрыва

⁵ ПТАБ – советская противотанковая авиационная бомба, предназначенная

от земли и непривычный звук закрытия шасси, после горящая лампочка о том, что одно колесо так и не убралось. И полет до линии фронта в одиночку, без ведущего, как будто все эти 20 минут сам с собой размышлял и прощался: знал, что или не долетит, или если долетит, то собьют из зенитки, или если не собьют, то накроют «мессеры» в квадрате штурмовки, или если не накроют, то обратно не долетит, или если долетит, то не сядет.... В общем, в таком настроении он и подошел к указанной цели.

Своих самолетов уже в воздухе не было. Они, воткнувшись в израненную землю, догорали теперь дымными коистрами, раскинув крылья, как обгоревшие пальцы рук. Внизу Женька увидел два почти рядом, а примерно в километре от них и третье место падения, и сразу понял, что там лежат его боевые товарищи. Он летел без стрелка, но и стрелок ему не помог бы, будь он здесь всего 15 минут назад. А теперь он один, совсем один, и куда лететь, не знает. Наверное, подумал он, истребители прикрытия, как это часто бывало, бросив свои штурмовики вошли в воздушный бой, и ребята попали под атаку другой группы «мессеров» в момент захода на цели. Стало тоскливо. И тут как будто кто-то толкнул Евгения в самый затылок. Он удивленно повернулся, надеясь, что его не атакуют сзади, и вдруг почувствовал, просто ощутил, что ему надо на три с половиной километра

для поражения бронетехники с помощью кумулятивного эффекта, масса 1,5 кг.

на северо-восток, к вон тому куску леса, чернеющему вдали. Он глянул вперед, назад, повертел головой во все стороны – небо вокруг было на удивление чистым и пустым. Как будто и не шел здесь совсем недавно яростный воздушный бой, не пронизывали его цветные трассы выстрелов пушек и пулеметов, не срывались вниз, оставляя прощальный дымный след, самолеты, не гибли, крича от ужаса и паскудно ругаясь в последний раз перед ударом о землю, летчики. И тогда, закусив губу от нахлынувшей злости, Соболев направил самолет туда, куда кто-то ему только что подсказал.

– Снижайся до бреющего! – был следующий приказ. И опять, это не радио, это тот же тихий, но как будто не терпящий возражений голос у него в голове. Женька, убрав газ, аккуратно снизил свой ИЛ до ста метров. Слышался шум ветра, натужно гудел мотор. Кромка лесного массива быстро приближалась. И тут он увидел: внизу, как на параде, неумолимо рыча и поднимая облака пыли, к линии фронта шел танковый клин. Впереди, как огромные черепахи, двигались несколько новых «тигров» – их квадратные угловатые формы Евгений узнал сразу, накануне на инструктаже эскадрильи комэск Вася Попков показывал и все рассказывал про эти новые немецкие чудо-танки. Сверху они казались невероятно красивыми: грациозная мощь, помноженная на ужас от их появления здесь, готовых смять и растоптать в пыль нашу оборону. Чуть далее, будто прячась за колоссальную

«тигриную» броню, ползли другие танки, размером поменьше, но такой же внушительной мощи. Посередине и немного позади, прикрываясь, шли несколько тяжелых бронетранспортеров с взводами немецкой пехоты. Меньше чем через час вся эта грозная сила должна была добраться до позиций нашей обороны, прорвать ее и двигаться дальше. Но теперь на нее заходил всего один маленький самолет, несущий смерть в подвешенных к крыльям квадратных контейнерах.

Новой команды от неизвестного внутреннего голоса Жене не потребовалось: немцы были как на ладони, и от осознания этого он весь затрясся, завибрировал, руки, держащие штурвал, вспотели и задрожали в предвкушении атаки. Забыв обо всем, попытавшись собраться и сконцентрироваться только на цели, он повел свой ИЛ на первый заход, заранее спланировав атаку в два. Прочертив в воздухе диагональ к курсу вражеских танков и поравнявшись с ними, Соболев плавно нажал кнопку электросбрасывателя для выпуска бомб из всех 4-х контейнеров и сразу же бросил самолет в горку, поднимая его вверх для разворота и второго захода на клин. Внизу распускались бело-оранжевые цветы разрывов: почти 200 ПТАБов накрыли технику немцев, подобно огненному смерчу.

– Уходи быстро! – услышал Евгений тот же голос. – Лети, к своим!

Но азарт боя уже захватил сознание молодого летчика,

делая левый вираж в сторону от противника, он невольно глянул и увидел внизу просто невероятный результат своей штурмовки: два головных «тигра» горели с пробитыми сверху башнями, третий, кажется, крутился на месте с перебитой гусеницей. Чуть дальше поднимался дым из корпусов пяти или шести других танков, а за ними стояли превращенные в месиво остовы от трех бронемашин, вокруг которых суетились черные фигурки солдат. Самолет почти развернулся для второго захода, Евгений приготовился стрелять из бортовых пушек. В голове мелькнула уже собственная тщеславная мысль:

– Если подтвердят штурмовку, то этот вылет точно на Красную Звезду, а то и Героя дадут...! – но тут же сильнейший удар потряс весь корпус машины и огненные брызги от попавшего прямо в мотор зенитного снаряда полетели, казалось, прямо в лицо Женьке.

Вираж был почти закончен, и ИЛ-2 с уже остановившимся винтом, поврежденным осколками хвостом и полностью потерянным управлением на относительно небольшой скорости стал врезаться в лес, ломая верхушки берез и сосен. Плоскости и корпус самолета отскочили моментально, а бронекабина с откинувшимся назад Евгением пролетела вперед по инерции еще метров триста, и, кувыряясь, рухнула в небольшой овражек, покрытый густыми зарослями орешника. На мгновение перед глазами Соболева наступила чернота.

Но перед тем, как свет в глазах Евгения померк, он уже угасающим сознанием уловил непонятные слова: «Грядущее грядет», как будто произнесенные этим же странным голо- сом, только что отзвучавшим в его голове.

Глава 3

1812 г., Алексей Берестов

«Его превосходительству, генерал-майору Дмитрию Петровичу Неверовскому⁶, приказываю:

Вверенной Вам 27-ой Дивизии, надлежит, имея в тылу Красный, вести наблюдательные действия за неприятелем в течение ближайших двух дней, и, ежели оный начнет движение в направлении Смоленска, принять меры к извещению штаба Армии о сем событии.

Дано в нашем лагере близ Смоленска августа 1го дня, 1812го года,

Багратион».

Земля была сухая, твердая как камень, и каждый шаг коня отдавался в ушах легким звоном. Этот год нашествия вообще был странным по погоде: казалось, летняя природа сама противилась людям, желающим забрать у нее больше хлеба для крестьян, чем давала всегда, больше трав для лошадей, чем она взрастила. И вместо этого сама забирала кровь и

⁶ Неверовский Дмитрий Петрович (1771-1813) – генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года.

пот у сотен тысяч вооруженных людей, тяжело бредущих на восток от Вильно к Москве, и упорно избегающих прямого боевого столкновения. А он скакал от Смоленска к Красному, туда, где стояла в наблюдении за неприятелем 27-я дивизия, с важнейшим донесением, зная наперед, что это его самый последний вояж. И его каурый как будто тоже это знал, прядя ушами, останавливался, постоянно взбрыкивал, словно отказывался идти дальше. Адьютант князя Багратиона, поручик Берестов, спеша, постоянно представлял себе то, что сейчас происходило впереди, в конечной точке его пути: Бонапарт, собрав всего за пару суток все разбросанные по Среднерусской возвышенности корпуса своей Великой Армии в мощный кулак, бросил их прямо на Смоленск по единственной разбитой дороге, на которой стояли совсем молодые, необстрелянные полки, вчерашние рекруты, никогда еще не нюхавшие пороху, и поэтому катастрофа русских армий казалась неизбежной. Но теперь он знал, что он, только он, может еще что-то спасти: ему-то сказали, что от него все зависит. И он сам напросился отвезти приказ, хотя князь вроде бы как берег его:

– Куда ты, душа, хочешь? Оставайся в лагере, тебе дело еще найдется, отправлю лучше Муратова к Неверовскому, а ты будь при мне пока, видишь, какие дела затеваются!

Как чувствовал Петр Иванович, что не увидит более своего лучшего и любимого адъютанта, к которому прикипел за эти грозные годы. Но Берестов настоял на своем на сей раз:

– Ваше высокопревосходительство, отправьте меня, я места эти знаю больно, найду там, где любой другой потеряется, а время дорого сейчас!

Багратион было запротестовал, но тут к нему попросился Барклаев адъютант граф Лайминг, и князь, углубившись в письмо от командующего Первой армией, просто махнул рукой, а Берестов взял со стола уже запечатанный сургучом маленький конверт.

Неразлучен он был с князем, по совпадению, почти с того самого момента, как почувствовал глас грядущего в первый раз, лежа в луже крови на ужасном поле, у подножия Праценских холмов, там, где втоптана была в грязь гордость русских, доселе непобедимых. С тех пор он так и вел он Берестова в постоянных битвах и походах Багратионовых полков.

Дмитрий Петрович Неверовский, длинный как жердь и при этом слегка полноватый молодой генерал, сидел на траве рядом со своей палаткой и жевал травинку, одновременно пронзительно разглядывая разложенную рядом скомканную, а затем наспех расправленную карту окрестностей Смоленска. Он нервничал, он и так не понимал, зачем его необученную дивизию отделили от главной армии и отправили сюда. А теперь, когда к нему подвели Берестова, он занервничал еще сильнее. Прочитав текст донесения (поднеся при этом конверт почти к самому носу, ибо был слегка подслеповат), он яростно выплюнул травинку прямо на карту, а затем туда

же швырнул, просто швырнул лист письма и поднял глаза на адъютанта.

– Вы это читали? – спросил он, казалось, упавшим, даже испуганным голосом.

– Никак нет, ваше превосходительство, но то, о чем там написано, уже не имеет значения. Сюда идут французы.

– Это я понял. И что мне прикажите делать, поручик? У меня тут семь тысяч вчерашних крестьян, стрелять только научились, строй держать умеют, но в настоящем бою не бывали еще. Надо бежать к Смоленску, на соединение с главной армией. Иначе Наполеон нас проглотит, даже не поперхнется.

Стоявшие рядом старшие офицеры закивали и зашептались. Только один из них, седой и высокий полковник со шрамом на щеке стоял отдельно, и недоверчиво покачивал головой.

Но тут поручик сделал шаг вперед, и, нагнувшись к Неверовскому, слегка шепнул ему что-то в самое ухо, отчего генерал вначале резко отпрянул назад, затем вскочил, отбросив случайно сапогом в сторону и карту, и лежавшую рядом фирменную австрийскую подзорную трубу с золотой инкрустацией, речь и поведение его вдруг резко переменились. Дмитрий Петрович будто бы опомнился, обернулся вокруг, смешно взмахнул руками, но затем кинул своим адъютантам четким и твёрдым голосом приказ:

– Бить тревогу, лагерь свернуть, полкам строиться немедленно!

И, взяв невысокого Берестова под руку, пошел с ним в свою палатку.

Внутри было почти пусто, только стоял небольшой походный столик с картами, бумагами и гусиным пером в чернильнице, да два наспех сколоченных табурета. В углу свернуто валялся серый походный плащ, на котором Неверовский имел обыкновение поживать. Он кивнул Берестову на табурет, сам присел рядом и, казалось, на мгновение погрузился в глубочайшую задумчивость, даже глаза прикрыл.

По лагерю грянул барабанный бой, затем все вокруг окунулось в гул от беготни тысяч ног. Трещали свертываемые палатки, лязгали штыки, шипели заливаемые костры, пять барабанщиков били тревогу, не прекращая. Под эту какофонию военных звуков генерал и адъютант повели неспешную спокойную беседу, тем не менее, постоянно приходилось говорить громко, дабы слышать друг друга. Неверовский начал с мучившего его вопроса:

– Итак, поручик, вы из посланников, и пришли ко мне. Я следующий, стало быть?

– Нет, генерал, не вы. Следующий – это другой человек, и мое послание для него. Но судьба России сейчас от вас всецело зависит. А я здесь, ибо мое время пришло.

– Значит, среди неприятельских войск есть кто-то, такой же человек, как и вы?

– Да, есть, но и его время еще не пришло. Мы с ним встретимся здесь. Сегодня.

– Багратион пишет, чтобы только наблюдали неприятеля.

– Поздно. Если мы сейчас не дадим бой – Наполеон войдет в Смоленск раньше, и тогда обе наших армии, не соединившись, будут разбиты по частям. Если мы его здесь не задержим, Дмитрий Петрович!

Разговор прервался. Полог палатки распахнулся, и, пригнувшись, но, тем не менее, задевая ткань мохнатой папахой, внутрь буквально влетел запыхавшийся казацкий урядник с выпученными глазами. Еще не остановившись, он приложил и сразу убрал пальцы десницы от виска, отдавая честь, и выпалил почти нечленораздельно:

– Ваш... .. ство! Хранцуз...валят суда... Много!

Неверовский, а за ним Берестов и урядник, кинулись вон из палатки, бряцая железом от сабель и шпор. Генерал одобрительно окинул взглядом уже стоявший перед ним навытяжку зелено-красный строй его полков, принял рапорт от дежурного майора, пожал ему руку, затем поднял валявшуюся в траве трубу, отер ее обшлагом мундира и уставился на юго-запад, туда, где в низине лежал еще сонный, тихий и беззащитный городишко Красный. А затем чуть дальше и

выше, на холмы, очертания которых, казалось, слегка подрагивали в утренней дымке. Но эта дрожь была не туманом, не паром от земли, и даже не костровым дымом – то двигались, приближаясь, тысячи людей и лошадей, неся погибель всем, кто встанет на их пути. Еще неясные на дистанции более трех верст, очертания войск стремительно приближались, разворачиваясь, как гигантские пальцы, из походных колонн в боевые шеренги, под легкий, но уже слышный гул земли от топота десятков тысяч ног и приглушенное конское ржанье.

Глава 4

2019 г., Дмитрий Лозинский

Он все сидел в своей квартирке, в девятиэтажке, стоящей на засыпанном грязно-коричневым веществом, в которое превратился выпавший пару недель назад снег, проспекте Керамиков в мутно-пыльном подмосковном Голицыно, и мучительно думал, как бы еще поэффектнее отомстить этому миру. Его обрамленное сединами, грубое лицо с рязанскими чертами уставшего от жизни, ничего не добившегося за 47 полных лет человека, выражало крайнее раздражение с ноткой легкого смущения, но игры мысли в нем особой в этот момент не чувствовалось.

Чайник на плите натужно загудел, и Дмитрий Лозинский поднялся, чтобы выключить конфорку: чаевничать он не собирался, просто звук отвлекал его от тяжких размышлений. Он убил только три часа назад, и теперь прикидывал, правильно ли он все сделал, не осталось ли у того продавца какой либо зацепки на него, не записан ли где-нибудь его номер, не видел ли кто-нибудь его входившим или выходившим из той загаженной квартирке. Впрочем, скоро это будет неважно, совсем неважно. У него уже почти все готово.

Фамилия продавца, кажется, была Никитцов или Ники-

тов, точно уже не припомнить. Материал он украл с завода в маленьком городишке, где он когда-то или подрабатывал, или просто халтурил пару месяцев. Он сразу тогда, еще при единственном их разговоре, впившись взглядом в Лозинского пропито и недоверчиво, спросил: «

– Ты из ИГИЛа⁷ что-ли, а иначе зачем эта штука тебе?

– Надо, значит! – ответил Дима, и положил перед ним толстую пачку банкнот по 5 тысяч. Глаза торговца округлились, и он протянул свои заgreбушие руки к пачке, но Лозинский его оттолкнул в сторону.

– Вот когда принесешь кобальтовый стержень, тогда и поговорим, нужен он мне, пищу дезинфицировать буду. Понял!

– Ну-ну-ну! – насмешливо протянул этот Серега в ответ. – По тебе просто видно, что все нужно, дезинфицировать!

И пошел в соседнюю, заставленную всем, чем только можно, комнату, затем вернулся оттуда, немного покопавшись в рухляди, таща перед собой длинный черный тубус.

– Вот, уважаемый! Как договаривались. Там свинцом все выложено, но ты бабки давай и уноси его скорее, фонит же он, боюсь, что-нибудь отвалится у меня, хе-хе-хе! – глуповато пошутил продавец. Но на Лозинского смотрел просяще, чуть ли не умоляюще, а глазенки его при этом вдруг нервно забегали.

⁷ ИГИЛ – Исламское Государство, международная экстремистская террористическая организация, запрещена в Российской Федерации

Тубус открыли, боковая крышка была неестественно тяжелой, а внутри поблескивал торец металлической палки матового оттенка, и еще на крышке был желтый ярлык: «Со-60 Radioactive Material»⁸, и треугольный значок радиоактивности.

Лозинский закрыл футляр, навернув крышку, и молча, ни говоря не слова, протянул продавцу деньги. Серега, чуть отвернувшись, торопливо начал их пересчитывать. Жизни ему уже не осталось: Лозинский, расстегнув чехол у пояса, выхватил спрятанный широкий и короткий разбойничий нож-шип, и, пользуясь разницей в росте, ткнул его продавцу в горло сверху с правой стороны, одновременно охватив ему шею другой рукой. Тот даже не выронил деньги, но задергался, вначале попытавшись вырваться. Дмитрий молча держал его. Было тихо, умирающий не издал ни звука, только ногами топал. В глаза ему убийца боялся смотреть, просто ждал, когда тот молча сползет вниз, после чего ухмыльнулся. Кровью он не запачкался вовсе, даже капли не попало. Нож вынимать не стал, вытер его рукоять носовым платком, забрал деньги и стержень, открыл форточку в маленькой комнатке, где оставил тело, и, закрыв на ключ дверь, вышел из квартиры, предварительно убедившись, что никого на лестничной клетке нет.

В этом райончике Москвы было также грязно и мрачно, как в его Голицыно, людей на улице почти не видно. Садясь в

⁸ Со-60 – наиболее долгоживущий из радиоактивных изотопов кобальта.

свой белый «Фольксваген-Тигуан», Лозинский подумал, что даже если труп продавца найдут через два-три дня, то будет все равно поздно. Он все сделает раньше. Он уже готов!

Глава 5

1943 г., Евгений Соболев

Соболев не помнил ничего: ни как очнулся от резкой, пронизывающей и ломящей все тело боли, ни как, шатаясь и еле работая здоровой рукой, вылез из лежавших на боку смятых остатков кабины, ни как потом, с трудом скинув с себя парашют, куртку и шлем, стоная и трясясь, пополз куда-то по мягкой траве и мху, не осознавая ни направления, ни конечной цели. Лишь через час, когда боль чуть отпустила и туман в голове немного рассеялся, он понял, что не знает где он, где его упавший самолет и как далеко он отполз. Рядом была небольшая березка, ухватившись за нее правой рукой он слегка подтянулся, повернулся и сел.

Левая рука не работала, а висела как плеть, и, только коснувшись ее правой, Женька вскрикнул от боли. С ногами было еще хуже: они обе болели постоянно, будучи сильно зажаты искореженным металлом при падении. Около левого глаза был глубокий, до самого уха почти, порез от разбитого стекла пилотских очков, из которого сочилась кровь. Голова гудела, на лбу тоже была шишка. Евгения мучило и знобило, он сознавал, что уцелел просто непонятно как. Мысль работала ясно, но что делать теперь, он не знал. Вдалеке слыша-

лась приглушенная канонада, пару раз прямо над ним почти на бреющем полете что-то пролетало, но даже поднять голову и посмотреть, чьи это самолеты и куда летят, Женька не мог. В остальном в лесу стояла звенящая тишь, как будто нет войны и можно, вспомнив детство, бежать вместе с любимой тетей Нюрой за красной наливной земляникой или маленькими, крепкими, кривыми, еще не тронутыми червячками подберезовиками.

– Ладно, – отрывисто подумал Соболев. – Надо вправить руку и ползти к своим.

Иллюзий у него не было, он по-любому за линией фронта, если немцы найдут его, то непременно расстреляют. Но куда ползти? Направление он не помнил, компас остался в разбитом самолете, даже если он выползет из леса, то только на равнину, а там идет бой. До наших не добраться, наверное. Куда тогда?

Вправить руку. Болит жутко, но если не сделать сейчас, будет только хуже. Работая правой рукой, он аккуратно уложил левую в рогатину между двух маленьких осинок, и, зажмурившись, дернул. Боль пронзила мозг и опустилась вниз по всему телу, но рывок был слабый, и рука не ощущалась. Закусивши губу до крови, напрягая все мышцы, он дернул еще раз, и вот теперь почувствовался легкий хруст. Он аккуратно пошевелил пальцами. Двигались, по руке пошло тепло, но боль была такой, что он свалился рядом с этими осинами на сухую, мягкую траву и минут пять восстанавливал

дыхание. Затем встал и медленно, волоча разбитые ноги, побрел, шатаясь, в ту сторону, где, как ему казалось, слышалась канонада.

А всего в семистах-восьмистах метрах от него, в том же лесу, шеренга из десятка людей в немецкой полевой ферме и нескольких полицаев, растянувшись, быстро двигалась в его сторону, раздвигая сапогами густые заросли кустов. Искали сбитого и пропавшего русского летчика. По всем немецким тыловым службам за линией фронта непрерывно трезвонили телефоны и стучали телеграфные аппараты, сообщая о внезапной и незапланированной остановке только набравшего ход наступления, случившейся всего два часа назад. Еще бы! Резервная танковая колонна, на подход которой так рассчитывали командиры двух дивизий прорыва, была почти полностью уничтожена на марше всего с одного русского самолета! Одного! Тут же снятого зениткой. Дьявол бы побрал этих опоздавших зенитчиков, все равно уже ничего не поменять на сегодня! Войска на направлении главного удара остановлены и окапываются, график наступления сорван, пора докладывать командованию о результатах дня, а их нет! Прошли всего 2 километра и встали, увязнув в русской обороне! Танки подбиты, пехота лежит под очередями не смея приподнять каску, и нет обещанного резерва! Авиация русских продолжают утюжить подходящие к линии фронта войска, имеется превосходство противника на земле и в воздухе! Оберст-лейтенант Курт Йорих сдвинул с запотевшего лба

фуражку, вздохнул и обернулся к идущим позади него солдатам, коротко спросив:

– Ничего?

В ответ все молчали, насупившись, и, как Курт чувствовал, в душе чертыхаясь на него. Они уже более часа обыскивали березы, ели и кусты орешника вокруг сбитого русского штурмовика, ломаясь по всему лесу и дергаясь на каждый шорох рядом. Командование приказало ему найти этого чертова лётчика, не дав эсэсовцев и собак, а только отделение снабженцев из 110-го батальона и пятерых полицаев из местной деревни, во главе с этой странной женщиной по фамилии Киртичук, которая, вроде бы, была над ними главная....

Глава 6

1812 г., Алексей Берестов

Бой шел уже третий час, но уже давно закончились пушечные разговоры с обеих сторон, а батальоны русских неторопливо, но непрерывно, отходили под ружейным огнем. Все орудия были потеряны, Красный остался далеко позади, дивизия генерала Ледрю упорно насадала на ощетилившиеся штыками, как огромные ежи, нестройные каре Неверовского. Повсюду носились свои казаки, но их сумбурные действия не вносили никаких новых нот в симфонию боя, зато французские полки подходили и откатывались назад, сменяя друг друга подобно волнам на озере в солнечный, но ветреный день. Русские держались, каре стояли и не рассыпались, хотя людей теряли десятками, оставляя на дороге свалившихся убитых и отводя назад пораненных, разорванных пулями и картечью. Дмитрий Неверовский и Алексей Берестов находились рядом, в середине первого каре, наблюдая очередную атаку. Они молчали, делая свою работу, лишь генерал время от времени подбадривал своих воинов:

– Ребята! – говорил он. – Вы все знаете, как держать каре, я здесь с вами, держитесь и ничего не бойтесь.

Берестов с одобрительным восхищением смотрел как на

него, так и на действия его солдат: спокойно, не суетясь, задние ряды заряжали и передавали ружья вперед, каждый новый залп, казалось, останавливал атаку неприятеля, но совсем ненадолго. Французы упрямо шли на них, останавливались, смыкали ряды и шли снова, и, подобно движению гвоздя под ударами молота, вклинивались в русские позиции. Уже несколько раз гренадеры сходились врукопашную, штыки лязгали, поднимались и опускались, обгаренные лучами солнца и следами свежей крови.

Делать Берестову пока было нечего: вроде все шло так, как надо, глас он более не слышал, и это сейчас занимало его даже сильнее, чем кипящее вокруг сражение. Он все уже рассчитал и знал, что нужно всего полдня, чтобы две разрозненные русские армии вернулись в Смоленск и соединились, не дав Бонапарту разбить себя поодиночке. Пока все складывалось так, будто упорное сопротивление и медленный ход Неверовского под огнем давали это время. Давали кому: ему, Берестову, лично, или же Багратиону с Барклаем как командующим армиями, или Отечеству вообще – все это уже было не так важно. Главное, что каре 27-й дивизии пока колебались, но держались, хотя отбитых атак сегодня было уже... сколько? Семь? Девять? Четырнадцать?

– Вот же странно, – подумал было он. – Что было только – он еле-еле помнит, а что семь лет назад – до сих пор стоит перед глазами, как вечная, затянувшая их пелена.

Он каждый раз, как будто вновь и вновь, приходит в се-

бя на этом затянутом удушливой пороховой дымкой склоне, среди мертвых, умирающих, стонущих, покрытых кровью и грязью тел. Вот высоченный гренадер, одной рукой охватив ружье, другую тянется к нему, неподвижно, и в застывших открытых глазах даже нет страдания, только легкое удивление: ну как же так? Живот гренадера разворочен картечью, он лежит напротив, но кажется, будто он ползет вперед в стремительную последнюю атаку. Сам Берестов тоже тянется к нему – его ноги придавлены крупом, а белоснежный мундир почти весь забрызган теплой кровью убитого коня. Всего час назад Бонапарт решил судьбу Аустерлица⁹ и всей войны одним простым движением военного гения, бросив на слабый русский центр у высот возле деревеньки Працен свои отборные корпуса. Берестов медленно приподнимается на локтях, вдали отчетливо звучит гром орудий, ружейный треск и гортанные крики – там французы добивают разрозненных союзников по частям, под тусклый свет уже начавшего закат зимнего солнца.

– Как же так? – думает и он, будто соглашаясь с лежащими рядом в изумлении мертвецами. – Только что мы шли в атаку, безнадежно, желая лишь продать жизнь за последнюю честь армии, а теперь лежим, неподвижно, и жизнь угасает в остекленевших глазах, как лучи садящегося где-то рядом

⁹ Аустерлиц – решающее сражение войск Наполеона против коалиции России и Австрии (третья коалиция), произошло 2 декабря 1805 г., завершилось решительной победой французов.

светила.

Берестов почти теряет сознание от холода, боли и усталости, соглашаясь умереть здесь вместе со всеми, но тут странный далекий голос будто толкает его в затылок, приказывая ему встать и идти куда-то. Он долго, пошатываясь, перешагивая сквозь тела, поднимается обратно на холм и затем спускается вниз к небольшой речушке, туда, где остатки полка графа Каменского—Второго, отступая, с трудом сдерживают нападающих на них гренадеров дивизии Удино....

Глава 7

2019 г., Максим Шмелев

Итак, наконец-то мне все объяснили. Как обычно, это пришло в сознание ночью, ярко и настолько убедительно, я буквально взвился со своего пустого дивана, как будто бы стремясь вырваться из сна и желая действовать немедленно. Одновременно возникло понимание, что они делают и кем могут быть. Речь шла о судьбе страны, ни много ни мало. Кто бы мог подумать, что это за чушь, бред, разрыв замутненного сознания? Якобы в ближайшее время – но непонятно, когда, где-то здесь – а где именно, неясно, но точно в Москве, случится что-то грандиозное и ужасное – но что именно, неизвестно, и это повлияет на жизни большого числа людей, сдвинет, развернет историю, навсегда изменит что-то. И все это без подробностей – только то самое, невероятное ощущение железобетонного, нависшего над головой грядущего. Ничего себе задачка!

Ясность была только одна: это мощный теракт, крупная авиакатастрофа, или еще какое-то жуткое и неожиданное стихийное бедствие вроде падения метеорита на большой и густонаселенный город. Но почему они хотят сейчас, чтобы этого не произошло? Что оно меняет? Если те, кто вызыва-

ет меня в ночи, разрывая каждый раз мой разум, просят меня что-то изменить, значит это не запланировано природой, господом Богом, течением стрелы времени. Значит, инициация этого события тоже идет не из нашего времени, кто-то могущественный и для них недостижимый тоже хочет, как и они, изменить прошлое ради своего настоящего, значит, где-то у нас в непостижимом механизме Вселенной случился сбой, как будто песчинка попала между шестеренками. И все пошло по-другому, неосвященному сиянием временных струн пути.

А что же могу сделать я? Их вызовы неясны и нерегулярны, они не дают конкретного места и времени, не формулируют четко, что именно может случиться. Тогда, после нескольких первых сеансов с ними, а если точнее, после нескольких более-менее ясных предсказаний, на которых я потом заработал почти миллион, я вспомнил институтский курс физики и попробовал представить себе возможный принцип, на котором построено наше общение. Вышло, что мы разделены бесконечностью времени, возможно в десятки, сотни или даже тысячи лет, и поэтому связь, в том виде как она работает, может быть только через искривленное под действием сил гравитации пространство-время. Я не верил сам себе, когда я в первый раз вывел это для себя. Значит, это червоточины. Те самые, придуманные Хокингом и Торном¹⁰, поэксплуатированные в десятках фантастических

¹⁰ Стивен Хокинг (1942-2018) и Кип Торн (р.1940) – великие физики-теоре-

книг и фильмов. По которым, кстати, нельзя переместить ничто материальное, ибо любой материал, помещенный туда, будет немедленно разорван и испепелен чудовищными приливными силами. Но мысль, сознание, биополе, в конечном счете, душа – она нематериальна. И только она сможет там пройти сквозь пространственно-временную воронку и найти цель для передачи информации.

Как-то в детстве я смотрел за работающими муравьями в лесу. И думал: вот они ползут, трудятся, что-то несут на себе, оберегают свой дом. И не знают, даже не могут себе вообразить, что в любой момент я могу поставить ногу и разорить их муравейник, разрушить, раздавить их сотнями сразу. И это полностью вне их понимания. Они не могут даже осознать в своем малюсеньком мирке, как быстро он может быть сокрушен одним моим движением. А я стою рядышком, вне их мира, но постоянно смотрю на него. И также сейчас кто-то со стороны смотрит на нас. Кто-то может также обрушить наш мир, но сделает это более тонко. Не раздавит муравейник, а прикажет муравью проползти в другую сторону или принести другой груз. И тогда все изменится.

Итак, они посылают свой вызов через пространственный канал между двумя черными дырами. Одна у них, а другая каким-то образом создается у нас, возможно, где-то в глубинах наших мозговых клеток. Она диаметром в миллионы раз меньше атома, и ее сконцентрированная в одной точ-

ке гигантская масса не оказывает на нас влияние, настолько она ничтожна по сравнению например, с электроном. Но на уровне фемто-мира она рвет пространственно-временную ткань и тогда их мысленный приказ приходит ко мне, наверное, передаваясь через четыре измерения. Вот и все! Меня хватило на то чтобы прикинуть формулы, а далее любое понимание происходящего закончилось. Вызов был теперь нечеткий и неясный. Но он упорно приходил с одним и тем же несколько вечеров подряд, чего ранее не было никогда. И только, кажется, на пятый день, зафиксировав момент и глянув на время на экране АйФона, я, наконец, что-то понял.

Так, ну-ка, подумаем! – сказал я сам себе. – Я один, рядом никого уже давно никого нет. Семья распалась, любовница ушла, я сам по себе. Бывает, что одиночество иногда обостряет все чувства, червь уныния точит разум, иногда генерируя невероятное прозрение. И вот я уже весь такой умный, чтобы понять, что время 19:05:41 каждый раз – это неспроста. За все время контакта, они, отправляющие Вызов, еще никогда не посылали мне деталей, подробностей, точных цифр, имен, названий.

Выходило только одно: точное время каждый раз – это указание неких данных, вывод информации для моего понимания. Они передают их мне, руководствуясь общей логикой, которую я должен постигнуть. А что если это некое место или время, которое я могу определить? Итак, они вы-

зывают меня каждый раз в 19:05:41 и далее я понимаю, что скоро должна случиться катастрофа. Здесь, в Москве. Городе, который пережил за свою почти тысячелетнюю историю итак слишком многое: нашествия, разрушения, разорения, пожары, обстрелы и бомбежки, взрывы и заложников, разрушение домов, и еще много-много всего. И сейчас его ждет что-то небывалое. Я должен это разгадать. Я должен это предотвратить. Я выбран невероятной, непостижимой силой или разумом. И, похоже, только я один.

Глава 8

1943 г., Евгений Соболев

Деревня как будто выросла перед глазами: казалось, только что был этот бесконечный лес, и вдруг стоит рядок покосившихся, каких-то тусклых хат с соломенными крышами, а между ними – пара черных танков с крестами и туда-сюда снуют фигуры в серых касках и шинелях. По крайней мере, так это воспринял Соболев, когда, наконец вышел на первую по пути поляну, а может это его полу-угасшее от боли и усталости сознание такими образами передало это в мозг, который и дал телу команду:

– Стой! Падай! – и Женька свалился прямо рядом со свежей коровьей лепехой от деревенского выпаса, а затем, ужом, стараясь не шевелить траву, пополз назад.

– Стой! – вновь пришла команда от неизвестного голоса. – Ползи направо! – он даже обрадовался ее появлению, хотя и слышал недавно, но, тем не менее, был готов выполнить любое его указание теперь, как будто хватался за соломинку.

Ползти пришлось всего-то каких-то 20 метров: на краю поляны, утопая в траве почти наполовину, стоял кривой кирпичный остов небольшой церквушки, поросший изнутри мхом и небольшими деревцами. Остались только стены,

половина крыши и скелет маковки высотой всего метров 10, как будто опиравшийся на две высокие березы. Евгений аккуратно дополз до ближайшего проема в стене, приподнялся, стараясь не смотреть в сторону деревни, и тяжело перелез внутрь постройки.

– Вроде бы не заметили, – подумал он спокойно, и вновь прислушался.

Было тихо, танки не гудели, пушечный гром вдали почти стих, только немцы рядом в деревне неразборчиво переговаривались.

– Теперь в тот угол и вниз! – вновь голос давал не терпящий возражения приказ.

Евгений, пошатываясь и спотыкаясь о камни, подошел к указанному месту. Там, среди обломков кирпичей, у корней пробившейся через разрушенный фундамент к небу изогнутой осинки, что-то чернело.

– Когда-то здесь был алтарь и стояла стена с чудотворными образами, – подумал он, вспомнив опять тетю, которая, иногда тайком, в воскресный вечер, водила его в такую же маленькую, черную, но каким-то чудом еще действовавшую, церковку в родном селе на Урале.

Теперь ничего здесь не было, но, нагнувшись, он нащупал ржавую бурую ручку и с трудом поднял дверь небольшого люка, ведущую в подпол. Пахнуло сырым гнильем, он обернулся, боясь, что легкий скрежет от дверцы мог привлечь внимание немцев, ходивших по деревне, но было тихо. Уже

вечерело, он чувствовал страх, усталость, боль и голод, но больше идти было некуда, и, как будто по неведомо от кого полученному приглашению, он нащупал ногой земляные ступени, с трудом сделал несколько шагов вниз. Нагнувшись вперед, Евгений оказался в землянке размером метр на метр примерно, пустой, влажной и холодной. Через минуту его глаза привыкли к тусклому, идущему сверху от лаза свету от низкого, сажащегося за деревьями солнца, и он смутно различил небольшой предмет, стоящий почти посередине. Это был небольшой деревянный ящик, даже, скорее, короб-ка, слегка присыпанная сырой землей. Он потянул ее на себя, и, прижимая к телу здоровой рукой, осторожно поднялся наверх, снова осмотрелся и прислушался. Все также, но на сей раз он ясно услышал канонаду, как ему показалось, ближе, чем раньше, и легкий, но нарастающий гул в небе.

Теперь коробка занимала его внимание. Она была явно очень старой, сколотой из тонких досок, уже немного гни-лых и совсем грязных, из которых торчали ржавые и толстые гвозди. Соболев достал свой «ТТ» и аккуратно, рукоястью, подцепил крышку. Коробка развалилась, обнажив два засы-панных землей холщовых мешочка, стянутых грубой шну-ровкой. Он взялся за один из них, больший по размеру и бо-лее тяжелый, и растянул узел. Удивительно, но там были два небольших куска твердого вещества грязно-янтарного цве-та, которые он узнал сразу. Его дед держал пасеку и часто приносил внучку севший мед, затвердевший, но сохранив-

ший тогда вкус и аромат. Есть хотелось так, что он схватил меньший из кусков и засунул в рот почти целиком. Разжевать не получилось, но ароматный вкус ударил в голову, на секунду стало очень хорошо, и Женя, медленно перекатывая языком начинающий растворяться сгусток, обратил внимание на второй мешочек. Он был совсем небольшим, и, развязав его, он достал лишь небольшой, грязно-белый сложенный вчетверо лист бумаги с коричнево-бурыми, витиеватыми, крупными строками. В лесу темнело, а зажигалку Соболев потерял при падении своего ИЛа. Но, повернув лист к свету закатного солнца, еще пробивающемся сквозь листву, он начал, с трудом разбирая в темноте и читая непонятные слова, понимать их смысл. Текст был явно старый, с размашистыми завитками заглавных букв и со знаками «ять». Примерно через минуту стало ясно, что кто-то неизвестный обращается непосредственно к нему, Евгению Соболеву, ничего про него не зная, но, тем не менее, как будто стоит сейчас рядом с ним, как будто повторяет написанный им странный текст:

«Я пишу тебе эти строки, ибо Глас Грядущего попросил об меня этом. Я знаю, что ты сейчас болен, устал, ранен, страшишься и потерял надежду. Ибо не знаешь ты, что происходит, что ты видишь и что ты слышишь. Но само письмо сие есть свидетельство высшей мудрости. Мне сказали написать его для тебя, но не ведомо мне, когда ты его откроешь, через год, десятилетие или век. Я оставляю тебе свежий мед,

чтобы ты мог подкрепить тело, и эту бумагу, прочитав которую ты подкрепишь дух свой. Посему знай: то, что ты слышишь есть знак тебе и высшая благодать божия. Повинуйся этому Гласу всецело, ибо сие значит, что ты избран менять и творить историю. И в самый мрачный час, услышав сей Глас, выполни что велит он, ибо все это ты сделаешь во имя отчизны и во благо ее. А когда придет твой черед встать пред лицом Господа, ты это тоже знать будешь. Верь, ибо грядущее грядет.

Адъютант штаба 2-ой Армии, поручик Алексей Берестов, июня 7го дня, 1812 год».

– Хэндэ! – резкий и громкий приказ за спиной вывел Евгений из секундного оцепенения и осознания написанного.

– Все, вот и конец, – подумал он, и не выпуская это дурацкое, только что заставившее его потерять всякую бдительность и, вероятно, приведшее его к гибели письмо, он обреченно повернулся. Два немца стояли уступом, один позади другого, всего метрах в пяти, наставив на него свои винтовки. Казалось, они были не меньше него изумлены тем, как просто и глупо им попался этот русский.

– Хэнде хох! – повторил первый из них и повелительно качнул стволом. Евгений медленно начал поднимать руки, но тут резко грянул в голове тот же голос, почти крикнув ему лишь одно слово:

– Ложись!

Спустя секунду в уши врезался мгновенно нарастающий

знакомый гул от пикирующего где-то совсем рядом штурмовика, и, когда он начал падать на землю, заваливаясь вправо, все вокруг зазвенело от свистящего ракетного снаряда, и, показалось, что совсем рядом пространство буквально раскололось от взрыва. В глаза и лицо полетели комья, щепки, какие-то ошметки, а затем сознание отключилось. Но спустя лишь минуту Соболев пришел в себя и тяжело поднялся, отряхиваясь и откашливаясь, и смог быстро оглядеться. Там где только что стояли эти два немецких солдатика, теперь дымилась воронка от промазавшего по деревне ракетного снаряда, но чуть дальше уже было зарево – горели два деревенских дома, и гитлеровцы метались посреди огня, уже не обращая на Женьку никакого внимания. А того письма в руке у него не было....

Глава 9

1812 г., Алексей Берестов

– Отошли, отошли, братцы! – вырвал Берестова из оцепенения памяти веселый возглас кого-то из солдат передних рядов. Он вновь был на лугу возле дороги, сидел на своем кауром жеребце посреди сомкнутого каре, посреди пальбы, дыма и криков. Атака французов откатывалась назад по всей линии, очередная, но не последняя.

– А вот сейчас пойдут опять! – мелькнуло у него в голове.

Неверовский, бывший со своей небольшой свитой чуть позади, тронул коленями коня и подъехал к нему. Его лицо, слегка простоватое и спокойное, в пылу сражения, казалось, горело как костер.

– Удержали вновь, поручик! – тихо сказал генерал. И, обернувшись вперед, громко прокричал своим солдатам:

– Молодцы, ребята, так держать строй!

– Рады стараться...ваш...пре...ство! – отвечал нестройный, но дружный хор голосов. Каре стояло теперь неподвижно, пользуясь передышкой. От Красного прошли не более двух верст, но каждая сажень этого расстояния, наверное, уже стоила нескольких жизней. Рядом относили в тыл раненых, пронесли всего исколотого но бранно и весело ругаю-

щегося того полковника со шрамом, героически державшего первые ряды каре под огнем. Неверовский, качаясь в седле, посмотрел в подзорную трубу на позиции французов, а затем беспомощно опустил ее, словно весившую теперь несколько пудов. Он ждал момента, когда Мюрат¹¹ начнет наконец разворачивать для атаки свою отборную кавалерию, ждал с яснейшим пониманием, что это сейчас случится, и с едва теплившейся надеждой, что, может быть, этого не произойдет. Лучшая в Европе конница сейчас его сметет. Вдали строились эскадроны, слышались резкие гортанные крики людей и лошадиное ржанье. Берестов повернулся к генералу, теперь его лицо тоже пылало, он слегка трясся от предвкушения.

– Дмитрий Петрович, – сказал он, – мы выиграли армии три часа, а надобно нам еще столько же. Мюрат думает сильно удивить и испугать нас, но видит бог, мы русские, не убоимся же погибели в час, когда в наших руках судьба Отечества! Надо выстоять! – и крикнув солдатам каре расступиться, он выскакал вперед, остановившись в пяти саженях перед передней шеренгой. Там он слез с седла, выпустил уздечку из рук и опустился в слегка примятую солдатскими сапогами траву.

Наконец, раздался мерный гул от топота тысяч лошадей. Французы решили теперь сломить сопротивление непокорных русских таранным ударом своих отборных кавалерий-

¹¹ Иоахим Мюрат (1767-1815) – один из самых известных наполеоновских маршалов, король Неаполя, начальник всей французской кавалерии.

ских сил. Разъярённые, разгоряченные жарой и боем всадники на таких же разъярённых огромных конях понеслись лавиной на заколебавшийся от ужаса строй. Но Берестов уже почувствовал их смятение, их страх, их желание, еще вчерашних крестьян, ныне русских солдат, отвернуться и бежать прочь от этой надвигавшейся на них смертоносной массы. И обернувшись, он рывкнул им изо всех сил своего голоса:

– Всем стоять!

А сам, вынувши из ножен саблю, вонзил ее перед собой в землю, и приготовился бить из двух заряженных пистолетов. Маленькая фигурка, неподвижно стоявшая впереди каре, удержала остальных. Инстинктивно, еще испытывая страх, но как будто заколдованная безрассудным поступком офицера, первая шеренга вдруг шагнула вперед, и выставленные стальные штыки чуть ли не легли на плечи Берестова.

– А ну пригнись, ваш... бродь! – услышал он басистый рык за спиной, и чуть присев, прицелился в уже совсем близких, летящих на него гигантских французских кирасир. Вдали, там, куда указывали сейчас стволы его пистолетов, мелькнула синяя полоска неба, уже обрамленная аспидным оттенком приближающихся грозовых туч.

Его выстрелы одновременно с двух рук потонули в общем ружейном залпе, когда конница была всего в десяти саженьях. Громко закричали раненные лошади, кувыркаясь, покатились вперед передовые конники, смятенные свинцом. Бе-

рестов откинул бесполезные пистолеты, выхватил из под ног саблю, и буквально всадил ее в бок пролетавшему мимо кирасиру. Металл лязгнул о металл до искр, оружие вырвалось из рук, и в то же мгновение Берестова снесла громада другой летящей рядом лошади. Валясь вниз, он еле успел до крови закусить губу, чтобы не потерять теперь сознание. Вокруг летели щепы разбитых прикладов, черные куски сломанных палашей, кровавые ошметки отрубленных конечностей, кони ужасно ржали, вставая на дыбы, люди извергали стоны ужаса от боли и еще более ужасные проклятия на нескольких языках. Кошмарный, яростный рукопашный бой был везде вокруг! Вот упал, с лицом, рассеченным обоюдоострым палашом от уха до уха, тот уже седой, пожилой гренадер, всего пять секунд назад просивший Берестова пригнуться под его ружьем. Отлетела душа старого солдата, прошедшего пол-Европы походом еще со времен неистового Суворова и теперь вдохновившего молодых рекрутов стоять насмерть! Рядом лег его убийца, молодой, высокий и красивый черноволосый французский кавалерист, поднятый сразу на три русских штыка, но так и не выпустивший из уже мертвых рук свой покрытый кровью клинок. В траве перед русским строем, все еще сомкнутым, валялось несколько десятков тел, умирающих или корчащихся от тяжелых ран, а кони, потерявшие ездоков, разбегались кто куда. Волна вражеской тяжелой кавалерии вдруг схлынула назад, под крики и свист носившихся рядом в беспорядке казаков.

Алексей Берестов тяжело, как будто на каждую руку навесили свинцовые вериги, поднялся из мятой травы, еще не веря тому, что остался жив. Правая рука была рассечена от предплечья до локтя и весела как плеть, жутко болел бок там, куда врезался и отбросил его убитый чернявый кирасир, его мутило, мысли никак не могли прийти в порядок. Он посмотрел на каре, стоявшее всего в трех аршинах от него и казавшееся ему как будто окутанным молочным, рваным туманом. Там каждый занимался своим делом: рядом уса-тый старослужащий медленно курил, что-то тихо объясняя чистящему ружье молодому рекруту, еще один солдат быстро-быстро перевязывал окровавленную кисть руки (кажется, на ней не было пары пальцев), другой, опираясь на ружье, просто удивленно и молча глазел на Берестова.

Вдруг всплыло еще одно воспоминанье, странно, эти картины возникали в голове гораздо яснее чем реальность вокруг.... Пять лет назад, большое поле у прусского городишки Эйлау¹², валящий комьями ослепительный снег, бьющий в глаза и французским, и русским полкам, черные тучи низко-низко у земли, превратившие короткий зимний морозный день в мрачные кровавые сумерки. Кровь, пальба и крики везде вокруг, как сейчас. Огромное пространство, куда

¹² Эйлау (или Прейсиш-Эйлау) – ныне Багратионовск Калининградской области, город в Восточной Пруссии, возле которого 7-8 февраля 1807 года произошло кровопролитное сражение между русскими и французскими войсками. Итог сражения остался неопределенным, с обеих сторон было убито и ранено около 50 тыс. человек.

ни кинь взгляд, покрыто алыми и черными пятнами, затянуто дымом от орудий, заполнено воем картечи, ржаньем лошадей, стонами и проклятьями. Еще утром целый корпус неприятеля, наступавший в центре на русские позиции, сбился с пути в неожиданно упавшем с неба снежном бургане, вышел прямо на главную нашу батарею и был полностью истреблен огнем практически в упор. Берестов видел это жуткую и одновременно величественную мясорубку, скача вдоль фронта с донесением от князя к командующему барону Беннигсену. Его лошадь время от времени проваливалась в снег, хлопья, летящие со всех сторон, слепили глаза, лезли в уши и рот, любое движение давалось с трудом, скованное студеным ветром. В таких ужасных условиях генералы посылали своих адъютантов одного за другим, ибо потеря любого важного сообщения или приказа, могла означать судьбу всей баталии. Вот Берестов видит вновь, как и сейчас, несущуюся на русских массу мюратовой конницы, страшную колонну из пестро раскрашенных драгун и кирасир, сносящую все на своем пути, тысячи всадников врезаются в наш центр, и рвут на части полки только что наступавших вперед русских гренадеров. Они проскакивают мимо него, не обращая внимания, ведь что им одинокий русский, их цель – сомкнутые ряды пехоты, уже готовой все смять, растоптать, уничтожить и прорваться прямо к ставке их императора. Две волны сшибаются – и среди бескрайнего снежного поля, лишь кое-где разбавленного редкими холмами и полуразбитыми

постройками, начинается кровавая схватка. Берестов смотрит на этот ужасающе прекрасный бой со стороны, осадив своего коня, и инстинктивно откинув голову назад: только что он услышал Глас. И вот уже все, что происходит в центре, становится неважным – тем более, что кавалерия врага начинает медленно, но верно, откатываться назад, оставляя алый след из валяющихся на снегу убитых всадников и покалеченных лошадей.

Он скачет в обход, к стоящей на пригорке, наполовину уже засыпанной снегом конной батарее из десяти пушек, возле которой распоряжается еще совсем юный, явно моложе Берестова, невысокий и черноволосый генерал с лирично-серьезными карими глазами, в легком лисьем полушубке, небрежно накинутом на плечи поверх золотых эполет. Это артиллерийский начальник граф Александр Кутайсов¹³, и адъютант будто бы знает его, но непонятно откуда, ибо раньше они не встречались вовсе.

– Ваше сиятельство! – обращается к нему Берестов, стараясь перекричать шум идущего рядом боя. – Князь Багратион просит немедленно укрепить его позиции вверенной вам артиллерией!

Кутайсов оборачивается к нему, и, смотря как бы свысока, с раздраженным удивлением спрашивает:

¹³ Кутайсов Александр Иванович (1784-1812) – генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 года, начальник русской артиллерии. Убит в Бородинском сражении на батарее Раевского, его тело не было найдено.

– Неужто князь не видит, что эти пушки нужны нам в центре? Левый наш фланг не под ударом, что за глупости?

Мимо со свистом пролетает ядро, врезаясь в живую плоть где-то за спиной юного генерала, раздаются крики кого-то из адъютантов, но Кутайсов даже не реагирует на это, настолько сильно его возмущение этой ситуацией. И тут Берестов, собравшись с духом, делает шаг и чуть ли не в лицо выпаливает ему:

– Граф, грядущее грядет!

Генерал, слегка отпрянув, моргает, затем секунд пять очень пристально смотрит на Берестова. В людей позади врезается еще одно ядро, разворачивает и бьет в щепу лафет одного из орудий, отскакивая, рикошетом задевает двух канониров, которых тут же поднимают и уносят. Кутайсов медленно снимает левую белоснежную перчатку, рвет с одного из пальцев большое серебрянное кольцо с красноватым камнем, и протягивает его Берестову.

– Слушайте, подпоручик! – говорит он. – Если когда еще вам доведется передавать мне через кого-либо такое донесение, – он особо подчеркивает, выделяет интонацией слово «такое», – То приложите к нему этот перстень, и я буду знать!

Затем он поворачивается к горстке своих оставшихся офицеров, попрятавшихся от огня за лафеты пушек.

– Сдается мне, господа, что Бонапарт хочет нас обмануть сегодня! Сейчас он всей силой навалится на левый фланг

наш, снимайте пушки, едем туда!

И, обратившись лично к своему адъютанту, высокому курляндскому поручику с смешными усами примерно его возраста, громко, стараясь перекричать вой сражения, добавляет:

– Иван Карлович, неситесь на правый фланг к Ермолову! Пушай со своими пушками немедля скачет к нам налево, быстрее, быстрее!

Он хлестает нагайкой уже растворяющийся в снежной пелене круп коня мчащегося в огонь своего адъютанта. Еще одно ядро взрывает снег позади него, но это уже не интересно ни ему, ни Берестову. Все вместе начинают быстрое движение в сторону далекого черного дыма от селения Серпален, туда, где на левое крыло русских собирается налететь только что подошедший к Эйлау свежий корпус маршала Даву. Они оба, и Берестов, и Кутайсов, уже знают, что судьба битвы теперь зависит от их быстрых и слаженных действий, ибо таинственный Глас сказал им это....

Резкая боль в руке вернула Берестова к реальности. Он повернул голову: позади по-прежнему стоял развернутый строй русского каре. Шеренга расступилась, и Неверовский, казавшийся еще выше на своем боевом коньке, подъехал к поручику.

– Вот спасибо, голубчик! – просто и устало сказал он. И Берестов почувствовал себя так радостно и счастливо, как, казалось, никогда в жизни, а ведь знал он, что жизни этой

оставалось совсем чуть-чуть.

Вдали вновь разворачивались для атаки французские полки. Строилась пехота в темно-синих, выделяющихся на фоне окрестных лугов мундирах, а по флангам, уступами, пристраивались ровные ряды кавалерийских эскадронов. Во фронт выкатывали артиллерийские батареи, были даже слышны отрывистые, резкие, гортанные, как карканье ворон, приказы командиров. Все остальное вокруг, казалось, смолкло. Дмитрий Петрович, привстав в седле всего в аршине от Берестова, смотрел в трубу на разворачивающегося к смертельной атаке неприятеля, и одновременно слушал доклады полковых командиров:

Худо, уже потеряли много народу, 22 офицера и около 300 нижних чинов уже выбито огнем, посечено саблями, раздавлено бешено мчавшимися конями! Молодцеватый майор из свиты Неверовского закончил свой доклад общей, витавшей над всеми сейчас, мыслью:

– Ваше превосходительство, будь здесь сам Наполеон, он бы сразу взял нас в кольцо и раздавил в первой же атаке. А нынче, похоже, Мюрат это тоже сообразил сделать....

И вот вновь все молчат. Берестов уже начинает шататься от боли, кровь сочится по белым рукавам мундира, не переставая, голова кружится. Но глас по-прежнему звучит, кажется, как единственная нить, еще связывающая его с этим миром, не позволяющая терять сознание. Он вдруг поворачивается назад, и смотрит вдаль за спины солдат, туда, где

дорога петляет и уходит вниз, спускаясь с очередного холма. Там начинается ярко зеленая полоса молодых дубков, которыми еще при Екатерине обсадили с двух сторон старый почтовый тракт. Он здоровой рукой берет Неверовского за рукав и указывает на это место, до которого остается почти полверсты. Генерал глядит туда через свою трубу, потом понимающе кивает.

Со стороны французов раздается мерный звук барабанов. Неверовский вздрагивает, и вновь устремляет взор вперед, ожидая начало атаки. Но Берестов смотрит туда спокойно. От неприятельских позиций отделяется одинокой всадник на белой лошади, в белом же офицерском мундире, он медленно приближается к русскому каре, гарцуя, размахивая над головой белым куском ткани.

– Послушайте, Дмитрий Петрович! – начинает Берестов, вначале с трудом, заплетающимся от боли языком, но потом все тверже, тверже, и, наконец, не терпящим возражений голосом, которым, кажется, можно резать сталь. – Этот ко мне. Хочет поговорить. Вернусь ли я, нет ли, то не ведомо. Я задержу его, сколько можно, нам будут предлагать просить капитуляции, выслушаю его условия, потяну время. А вы отступайте пока к тем дубам. Там надо встать насмерть, ибо далее им пройти нельзя к городу. Кавалерию их только там и можно сдержать. Время мое, кажется, пришло. Вот это кольцо, – и он протягивает Неверовскому перстень с красным камнем. – Передайте его при встрече его сиятельству графу

Кутайсову, начальнику артиллерии Первой нашей армии. Он знает. Прощайте!

И, даже не слушая попыток Неверовского остановить, удержать, запретить, мягко высвобождает свою еще здоровую руку, которую генерал удерживает. Кивнув ему, он медленно, пешком, еле держась на ногах, оставляя за собой каплющую кровь на травинках, бредет навстречу белому французскому всаднику, стараясь только держать осанку ровно, отдаляясь все дальше и дальше от отходящего по дороге к деревьям русского каре.

Глава 10

2019 г., Максим Шмелев

Несмотря на конец апреля, в моем городе падает снег. Вначале изумительно прекрасный, ослепительно сверкающий, он сплошным ковром накрывает унылые дома, ползущие по дорогам машины, вечно спешащих куда-то людей. То, что в Америке называют снежной бурей и объявляют национальным бедствием, в Москве – обычный снегопад, коих бывает по десять-пятнадцать штук каждый год.

Но очень скоро этот снег станет грязно-коричневым месивом, наполненным и окрашенным автомобильными выхлопами, мусором, разбрасываемыми коммунальщиками въедливыми реагентами, собачьими экскрементами, и прочими отходами человека, нещадно выкидываемыми на все дороги и во все дворы. Москва, если глянуть на нее с птичьего полета, станет тем же скоплением унылых серых строений, между которыми врезаны бесконечные чёрные реки и ручейки городских коммуникаций. И даже скорое наступление любимых весенних праздников не отведит от мыслей, что я живу в самом загаженном городе земли, при этом ещё и плачу за это больше, и качество жизни здесь хуже, чем где-либо в Европе.

А страх приходит вместе с кружащимися в потоках фонарей снежными хлопьями: я знаю о грядущей катастрофе, до неё осталось очень немного времени, и у меня по-прежнему нет ни намёка, ни идеи о том, что и где это может быть.

Я понимаю, что их канал связи работает нестабильно из-за наличия рядом огромных масс металла: зданий, мостов, подъёмных кранов, тех же автомобилей, в конце концов. Поэтому даже те скудные данные, что я смог получить, в нынешних условиях – просто удача! Наверное, в старые времена, когда не было больших городов, дома строились из дерева и люди были не обременены нынешними проблемами, послания передавались им более точно, четко, да и принимало их несравнимо больше контактеров – тех, кто мог слышать далекий голос из будущего и, следуя ему, пытаться изменить ход истории. А что же сейчас? Да, наверное, его слышу не только я. Может быть, кто-то ещё знает о том, что произойдёт и может даже пытается это предотвратить. Ну, а может и наоборот: этот голос слышит тот, кто это все готовит и даже вдруг готовит именно поэтому. Я не знаю – и я ищу. Я должен сделать это даже не ради себя, а ради своих любимых детей, которых у меня отняли, увели после развода. Я должен их защитить, во что бы то ни стало.

Итак, что у меня есть? И что я знаю сейчас?

Скорее всего, это не что-то глобальное: наводнение, землетрясение, падение метеорита и прочая стихия, ибо человеку или группе людей, даже осведомленных, все равно не

под силу это изменить и предотвратить.

Это что-то техногенного характера: взрыв, заражение, выброс, авария – то, что может сделать человек и что поразит сразу большую территорию и тысячи, десятки тысяч людей. И это произойдёт здесь, в Москве, или в ближнем Подмоскowie, и так неожиданно, что никого не успеют, не смогут увезти, эвакуировать, спасти.

Наверное, это не теракт, ну или не теракт в классическом смысле слова, подготовленный некоей организацией – а иначе ФСБ и прочие сильно заботящиеся о стране службы уже бы давно его предотвратили, у них там точно есть те, кто слышат глас и следуют согласно его указаниям. Любая тайная организация привлекает к себе внимание сразу и не успеет, при эффективности нынешней государственной машины, предпринять какие-либо действия. Но это значит....

Это значит, что проконтролировать его обычными методами нельзя. Кто-то, либо одиночка, либо несколько человек, планируют что-то, ни будучи с кем-то связаны, не привлекая внимания. Их нельзя найти, отследить, обнаружить, в их действиях нет прямой корысти, у них нет заказчиков. Возможно он или они такие же, как и я – не реализовавшие себя, озлобленные на общество, в котором живут, не имеющие цели, не имеющие будущего. И поэтому они хотят все обрушить – им не за что держаться, им все равно. А я чуть ли не единственный, кто может попробовать понять их мотивы и остановить их, я такой же, как они, поэтому я услы-

шал голос. Но где и как?

Ну да ладно. Если нет явных зацепок, то надо их искать. Открываю на АйФоне Интернет, нужны новости Яндекс, Гугл, «Москва-24», любых экстренных служб. Любые странные события за последнее время. Любые, пусть даже без привязки, без смысла. Что-нибудь, что будет бросаться в глаза, но не привлекать много стороннего внимания, что-то незначительное, не важное на первый взгляд. Ищу.... Вот есть! Обычные сплетни и происшествия большого города, сопровождающие нашу жизнь на каждом шагу:

«Арестована преступная группа из нескольких бизнесменов и двух чиновников из префектуры ЦАО, подозреваемых в мошенничестве и коммерческом подкупе».

«В районе Грайвороново стая бездомных собак напала и укусила двух прохожих, один из них скончался».

«На Кутузовском проспекте «мерседес» протаранил два автомобиля на встрече и сам загорелся, погибли водитель и пассажир».

«В квартире найден труп бывшего судьи, торговавшего техническими материалами на чёрном рынке».

«В подмосковной деревне пропали пятеро...»....

Стоп! Вот здесь интересно. Явное несоответствие, но вроде ничего особенного, из ряда вон выходящего. Тем не менее, бывший служитель Фемиды, чём-то торговал на чёрном рынке. Чем, зачем? Посмотрим-ка повнимательнее, сайт life.ru, открываем статью:

«В Южнопортовом районе, в съемной квартире, найдено тело некоего гражданина Никитцова С.В., работавшего частным адвокатом. По заявлению экспертов, смерть наступила от ножевого ранения в шею около двух суток назад. В квартире также оперативниками был найден склад различного оборудования и материалов, в том числе радиоактивных.

Сообщается, что г-н Никитцов ранее несколько лет проработал в суде Московской области, но был уволен в связи с неподобающим поведением. Полиция ЮВАО проводит доследственную проверку, решается вопрос о возбуждении уголовного дела по статье «Убийство».

Вот возможно, этим стоит заняться, на безрыбье, более все равно ничего пока нет. Радиоактивные материалы! Ну вот зачем они понадобились бывшему судье из провинции, снимавшему хату в спальном районе! Открываю другие новостные сайты: на ту же тему больше ничего. Браузер Safari выводит одинокие пустые страницы, кроме Life никто не уделил внимание смерти маленького ненужного человека в огромном мегаполисе. Ввожу в строку поиска «судья Никитцов», так, ради интереса. Ничего особенного, был назначен и проработал пару лет в суде города Наро-Фоминска. Отдельное сообщение на пару строк, что Никитцов С.В. был в 2013 году уволен с должности судьи за неподобающее поведение. Наверное, за пьянство. Работа у них нервная, приговоры выносят, как им говорят, а не по справедливости, вот и бухают безбожно. Я, правда, недавно читал про одну судью, ко-

торуую уволили с должности за то, что она ездила на автомобиле с нарушениями правил, получала штрафы, а потом, пользуясь своим положением, сама себе их отменяла. Даже для их закрытого судейского сообщества это чересчур, бу-ча была на весь Интернет, когда вскрылось это! А тут дело совсем странное – похоже, что человек, потеряв должность, опустил и подторговывал чем-то незаконным. Что и кому он продал? Почему неведомая сила вдруг обратила мое внимание на этот случай? Возможно, кто-то из глубин Вселенной, из другого времени, подал мне сигнал. Значит, я должен с этим разобраться. Только бы хватило времени успеть. С даты новости прошла уже пара недель, и если там все серьезно, то может быть и изменить ничего нельзя! Но я попробую, сделаю все, что могу. Неужели это пришло только ко мне? Неужели все теперь зависит только от меня? Все оставить как есть... или, следуя голосу, попытаться все изменить? Будь проклят этот апрельский снег!

Глава 11

1943 г., Евгений Соболев

– Как называется твоя часть? – удар сапогом в лицо оглушил его, отбросил назад, на ту лавку, с которой его только что подняли двое дюжих крестьянских парней в немецкой форме, явно в жизни больше ничего не делавших ранее.

Соболев сплюнул кровью, помотал головой и приподнялся на разбитых локтях. Вокруг все гудело и кружилось, на несколько мгновений он перестал понимать, что происходит. Забыл, что всего три часа назад, под самый рассвет, когда он, наивный, заснул от усталости в разбитой воронке, полицаи все-таки нашли его. Нашли и, связанного по рукам и ногам, оттащили в ту самую дереvушку, возле которой он так неожиданно оказался и где нашёл церковь со странным посланием, смысл и суть которого теперь казались ему каким-то далеким и бредовым сном. Особенно теперь, на фоне реальности, вонзающейся в его тело сотнями иголок боли.

Раньше, ещё утром, его допрашивал средних лет, щеголеватый и смотревший ему в глаза даже, казалось, с некоторой долей уважения, немецкий офицер.

Курт Йорих действительно воспринял этого немного странного русского летчика как почти равного себе. В чёр-

ной, закопанной и закопчённой избенке, куда его привели для проведения допроса, в комнате с полом из кривых досок еле-еле горела масляная лампада, освещающая стол, два грубо сбитых табурета и небольшую раздолбанную, покрытую царапинами и трещинами деревянную скамью. Именно туда два деревенских полица, из местных крестьян, кинули связанного невысокого и чумазого парня в окровавленной гимнастерке, со смятыми погонами лейтенанта Красной армии, как их узнал Курт.

– Развязать и посадить! – приказал он, с трудом выговаривая сложные русские слова, и от этого растягивая фразу, казалось, на пол-минуты.

Полицаи переглянулись, затем посмотрели на стоявшую в углу и поэтому плохо освещённую, эту высокую и странную женщину с короткой стрижкой светлых волос и в удивительно подходящей ей гестаповской форме. Она властно кивнула и офицер, уловив мгновение её резкого тяжелого взгляда, вдруг неожиданно для себя передернул плечами, как будто от пронизывающего холода. Русского развязали и заставили сесть. Йорих подвинул к нему со стола гранёный стакан воды, достал свои сигареты и протянул пачку.

Русский лётчик молча, истерзанной грязной рукой с изломанными чёрными ногтями, взял стакан, отхлебнул из него и поставил на место. К сигаретной пачке он не притронулся, даже как-то брезгливо не обратил на неё внимания. Немец пристально посмотрел на него:

– Фамилия? Имя? Ранг? Номер полка? – проговорил он, также растягивая, но пытаясь чеканить, русские слова.

Соболев молчал, глядя как будто отрешенно и не воспринимаемая происходящее. Прошла минута в молчании, но она показалась всем почти часом.

– Я неправильно говорить? – спросил Йорих наконец, пытаясь поймать, проникнуть во взгляд русского. – Ты не понимать?

– Господин офицер, – неожиданно подала голос та женщина в углу. – Он не отвечает вообще. Я, мы... уже допрашивали его почти час, он только стонал, не сказал ничего..., он потому....

– Молчать! – резко, не оборачиваясь, крикнул Курт. – Я тебя не спрашивать, значит....

Полицайка замолкла и даже, как-то сразу, стала ниже ростом. Соболев спокойно смотрел, не двинувшись и не моргая, его взгляд был потухшим.

– Повторил! – ещё раз крикнул Курт. – Ты говорить?

Перед ним лежали найденные в самолете документы Евгения: его смятая и замызганная лётная книжка и старый летный планшет с полуобгоревшей картой. Йорих изучил это все уже давно и ничего не понял. То есть он вроде бы понял все, но не понимал как. Этот лётчик имел всего одну запись о боевом вылете, и это было почти полгода назад. Получалось, что молодой человек, почти не имевший боевого опыта, смог в один заход уничтожить мощную танковую

колонну, сорвать планы целого фронта и при этом уцелеть. Как он вообще на неё вышел, все движение было секретным? Именно этих танков не хватило вчера для прорыва, а истребительный полк весь день охранял квадрат от атак русских «цементных». Ничто не говорило о том, что этот ИЛ летел на цель специально, не было задачи атаковать именно там и именно тогда. Значит это или случайность, или.... Курт ещё немного подумал и решился:

– Лей...тенант Соболев, – выстрелил он вопросом, произнося с трудом русское звание и фамилию летчика. – Вы слышать голос? Голос в голове, команды..., – уточнил он, пристально глядя в глаза допрашиваемому. Показалось на секунду, что в ответ у русского как бы проснулся интерес, он слегка наклонил голову в сторону немца, но затем опять принял прежнее равнодушное положение. Йорих кивнул.

– Я понятно! – сказал он, и, услышав из угла удивленный вздох этой русской стервы, увидев как недоуменно хлопают глазами эти два верзилы-полицая, слегка выдохнув, начал говорить монолог на родном немецком с шипяще-певучим баварским выговором, совершенно не заботясь, понимает ли его кто-нибудь ещё в этой трижды проклятой чужой вонючей избушке:

– Послушайте меня, русский летчик лейтенант Соболев, ведь вы все равно не знаете, о чем я говорю, и, по-видимому, указующий глас пришёл к вам недавно и смысл его вы не осознаете, равно как и то, к какому секрету мироздания вы

сейчас прикоснулись. Вам приказали, ваш дьявольский самолёт вывели на нашу наступавшую на Ольховатку¹⁴ колонну, сорвали нашу операцию и тем самым, наверное, изменили всю историю. Вам может и неизвестно, что, когда и как происходит, ибо даже мне, уже дюжину лет изучавшему тайны Ананербе¹⁵, это неведомо до конца. Вы, возможно, думаете, что вы герой, что выполнили боевую задачу и вас должны наградить, но в плену вы уже не станете таким героем, а если вернётесь, вас посадят в ваш же советский лагерь. Вы это знаете, я это знаю, но это все равно. Теперь вы молчите, хорошо же! Пусть они сказали вам молчать! Это неведомые, но могущественные силы, они заставили Германию начать большую войну, теперь они же хотят, чтобы мы её проиграли. Они привели наш доблестный вермахт здесь к Москве, Сталинграду и Ленинграду, и они же сделали так, чтобы нас отбросили обратно. Что же, ладно, если они так хотят, но мы не покоримся их воле, мы высшая раса, нам никто не может ничего диктовать! Пусть мы здесь завязли теперь надолго, мы ведь почти выиграли эту войну! Все время, все время нам что-то мешает, какая-то мелочь, случайность, вот как ваш чертов вчерашний налет, она не даёт нам сделать последнее усилие, последний штурм, разгромить вас окончательно, за-

¹⁴ Ольховатка – деревня, один из ключевых оборонительных советских пунктов во время сражения на северном фазе Курской дуги.

¹⁵ Ананербе, или «Наследие предков» – тайная оккультная организация в фашистской Германии, изучавшая таинственные явления для их использования в целях германской расы.

хватить нужное нам селение, город, область, страну, наконец! Это все они! Черт бы их побрал! И вот сейчас опять... они связались с вами, чтобы сорвать наши планы, не дать нам победить!

Он как будто осекся, затем прислушался, смотря в сторону от Евгения, затем повернулся к нему. Русский смотрел на него немигающим взглядом, пристально и заинтересованно, но не понимая ни слова. Эта Киртичук в углу как будто застыла, слушая его, скривила рот в какой-то уродливой усмешке, Курт не знал, понимает ли она по-немецки или нет, но ему уже было все равно: коротко и устало он приказал:

– Еще допрос, завтра утро стрелять! Понимать? – он обратился к полицейке, она как-то мелко-мелко закивала. Йорих поднялся. Ноги как будто не слушались, он думал, что делает все неправильно, ведь этот чумазый измученный русский на самом деле близко прикоснулся к тому же, что и он. Но вместо того чтобы сказать что-то ещё он просто коротко кивнул Соболеву, и, отвернувшись, вышел из избы вон, на улице его ждал мотоцикл с веселым и вечно пьющим шнапс водителем-денщиком Вилли.

Все это было, кажется, сегодня днём, а утром и вечером его грубо и жестоко допрашивала эта полицейка со своими двумя подручными. Ему не дали поспать не минуты, с того момента как подняли его полусонного из той самой, сделанной нашим ИЛом, воронки от Эр-Эса рядом с полуразрушенной церковью и оттащили в избу. Эта баба, сверля его

глазами, сразу сказала ему, даже не дав присесть или приклониться к стенке комнаты:

– Меня зовут Марина Дмитриевна Киртичук, я унтерштурмфюрер СС и староста этого района, я здесь самая главная. Я десять лет была судьей, со мной лучше сказать все сразу, иначе тебе будет очень плохо. Будешь ты отвечать, гнида? – и с этого момента Соболев не проронил ни слова.

Когда его били по лицу и по почкам, зажимали пальцы между скамьей и стулом, загоняли ржавые гвозди под ногти на ногах, надевали на голову грязную мешковину и он два раза терял сознание от недостатка воздуха, все для него было уже как в тумане. Откуда-то издалека, из этих белых пыльных клочьев пелены, приходили задаваемые визгливым криком вопросы:

– Где твоя часть? Какое у тебя было боевое задание? Это ты атаковал танки при Ольховатке? Женька падал, поднимался или его поднимали, вытирали ему кровь и пот с лица мокрой засаленной тряпкой, и все начиналось вновь.

Приход Йориха, несмотря на то, что Соболев так и не понял, зачем это все было, дал ему лишь небольшую передышку. Как только немец вышел из избы и тарахтенье его мотоцикла затихло вдали, двое тех самых селян вновь, подхватив его под руки, поставили перед занявшей за столом место немца Киртичук.

– Тварь! – процедила она. – Ты, сука, будешь говорить, или будешь молчать?

Удар по рёбрам пришёл одновременно с двух сторон, выбил моментально только что восстановившееся дыхание, и Женька, кашляя от боли, вновь повалился на пол.

– Поднять его, поднять! – орала эсэсовка. – Ты, мразь, о чем он говорил, какие это были голоса?

Все опять заволокло туманом, его сознание как будто отключилось, ещё один прямой удар в лицо почти выбил из него дух. Он ещё раз слабо помотал головой, пытаясь хоть как-то восстановить прерывающееся, пульсирующее кровавыми сгустками дыхание.

– Молчи, держись ..., – пришёл в мозг голос, и сразу оборвался, ибо прямой удар кованым сапогом в грудь ещё раз бросил его назад, он ударился головой о лавку и все в глазах вдруг стало ярко-красным....

– А, жоа, он вообще немой? – протянул один из детей-полицаев, переворачивая бессознательное тело Соболева, скрюченно лежащее на дощатом полу.

– Идиотина! – заорала в ответ Киртичук. – Как бы его немного за самолёт посадили? В погреб его, к тому танкисту, допросим ещё раз завтра, как очухается, гадина!

И смачно сплюнув на пол, она потянулась за стоящей в углу матово-зеленой бутылью с самогоном.

Им не пришлось в голову полностью его обыскать, и поэтому никто не мог заметить листок старой смятой бумаги, который Соболев практически неосознанно спрятал под рваную гимнастерку в самый момент начала того авианалета у

црквушки.

Глава 12

1812 г., Алексей Берестов

Берестов не пошёл далеко навстречу мюратову парламентару. Желая дать Неверовскому лишние минуты для отхода на неудобную для вражеской кавалерии позиции, он, как и раньше, тяжело воткнул окровавленную саблю в глинистую землю, и остановился, держась за эфес и осматривая все вокруг. То тут, то там, в мятой траве мелькали яркие пятна и шевелились тела: синие, зеленые, чёрные, алые. Везде валялись щепы, разбитые палаши и штыки, глухо и где-то далеко стонали раненые, хрипели умирающие кони. Как ему это было знакомо, сколько раз за последние годы он озираал поле боя, на которое его забрасывал незримый глас! Но теперь его била и шатала лихорадка от сабельной раны на плече, нестерпимо грызла боль от сломанной правой руки, пот лез в глаза, разум начинал холодеть.

– Думай! – приказал он себе. – Вот перед тобой враг, с которым ты раньше не сталкивался, такой же, как ты, и одновременно чуждый тебе! Ты должен задержать его, больше ничего не надо. Хотя бы ещё час. Господи, дай мне этот час!

Он завистливо глянул в уже начинающие темнеть перед скорым дождем небеса, быстро, наспех, трижды перекре-

стился, и обратил взор на французского кавалериста. Тот был уже рядом, в сияющем белом мундире, и с двадцати шагов Алексей заметил его заинтересованное и при этом слегка надменное выражение лица. Остановив прекрасную белую арабскую лошадь, офицер как-то брезгливо отбросил грязно-белую тряпку, которой он махал в знак переговоров, и спешился. Берестов спокойно ждал, не говоря ни слова, но француз торопливо приблизился, задорно глядя в глаза, и, сняв белую длинную перчатку, протянул руку.

– Шевалье Пьер де Кроссье, – представился он с легким гасконским, немного каркающим, но едва уловимым акцентом. – Второй адъютант его неаполитанского величества. Уполномочен вести переговоры с представителем русского командования.

Берестов нехотя и медленно, неожиданно для себя с трудом выговаривая французские слова и только пытаясь воспроизвести их характерный носовой тембр, назвал себя в ответ. Но более ничего не сказал, ожидая.

Французский офицер был почти на голову выше русского, его обрамлённое кудрями лицо с неожиданно тусклыми светло-синими глазами делали смешным усы, свисавшие двумя линиями строго вниз, как у казака-запорожца. В остальном он выглядел образцово, поражал молодцеватой осанкой и статью, а на белоснежном, без единого пятнышка, мундире, красовался орден Почетного Легиона, маленький белый крестик, обрамлённый дубовыми ветвями. На вид ше-

валье было лет 35.

– Вы уполномочены вашим командованием вести переговоры? – спросил он, с любопытством оглядывая раны Берестова, его заляпанный кровью мундир, залитое потом лицо, сжатый рот и торчащую в земле перед ним саблю с золочением на эфесе.

– Командования здесь нет, шевалье. Я уполномочен начальником русских войск, против которых вы сражаетесь, более ничего не нужно, – медленно, растягивая слова и вновь как бы нехотя ответил Алексей.

– Ладно, поручик. Я думаю, мы оба знаем, зачем мы здесь. К дьяволу формальности! Скажу вам коротко. Мы должны здесь пройти. Вы на нашей дороге. Предлагаю вам почетную, самую которую только можно, сдачу на милость Великой Армии. Но прямо сейчас! Что скажете?

Берестов немного подумал. Ровно столько, чтобы потянуть время и не вызвать подозрения.

– Мне тоже чужды формальности, – ответил он. – Но я не осведомлён о том, что вы подразумеваете под почетной сдачей. Вам известно – за два месяца этой войны мы ещё никогда не просили пардону. И сейчас....

– Все просто! – поспешно и даже невежливо перебил его де Кроссье. – Вы прекращаете сопротивление! Строитесь вдоль дороги, сдаёте все боеприпасы и пропускаете наши корпуса. Вам остаются все знамёна, пушки, оружие, форма и регалии. После прохождения Великой армии Ваша часть

будет сопровождена до указанного вами лагеря. Довольно, своим сопротивлением сегодня вы уже заслужили себе славу! Хватит крови, ее ещё будет много! Ради Вас, ради ваших отцов, матерей, жён и детей! Решайтесь, другого предложения сегодня уже не будет!

Шевалье говорил все с возрастающим жаром, подчеркивая свои аргументы интонацией и выражением загорелого лица. Берестов невольно залюбовался его молодцеватым пылом. Однако, и у него был свой план. Ненароком обернувшись на долю секунды, он увидел: вдалеке, там, где грязная коричнево-серая лента дороги сливалась с могучей буйной зеленью, уже был виден стройный край русского каре.

– Успели! – подумал поручик, и вновь обратил взор к французу. Тот уже смотрел ему в глаза, пытливо стараясь прочесть в них ответ.

– Нет! – твёрдо и коротко сказал Берестов, давая понять из последних сил, что любое обсуждение закончено.

Шевалье повернулся к своему коню, думая уехать, но затем остановился, и подошёл к русскому почти вплотную.

– Послушайте, – начал он, уже более дружеским, участливым тоном. – Мы оба знаем, кто мы. И мы оба слышим Глас. Мне он повелел помочь моему императору пройти здесь, вам же, видимо, поручил этого не допустить. У каждого из нас своя истина. Мы пришли сюда по велению нашего великого вождя, а вы защищаете свою землю. Я сегодня шёл на встречу с намерением убить вас, просто зарубить или застрелить.

Но вам, очевидно, и так ясна ваша участь. Что вы знаете?

– Я знаю немного, – отвечал Берестов как можно более убедительно и медленно. – Да, я знаю, что сегодня я умру. И это не страшит меня, ибо я всегда повиновался тому, что слышу. Он направлял меня, в мире и войне, очевидно, как и вас, монсеньор де Кроссье. И вы правы, мы должны остановить вас здесь. Это все что мне сказали, и более мне ничего не известно. Я заканчиваю свой земной путь и готов с достоинством встретить мою смерть. Но пока я жив, вам здесь не пройти, знайте это!

–Когда впервые глас пришёл к Вам, поручик? – спросил француз после некоторого раздумья, явно, потрясенный словами Алексея.

–На Аустерлицком поле, во время тяжелого ранения.

–О да, то была славная битва. Гений нашего императора даровал нам победу. Но позвольте, я вижу, что вам совсем неведом истинный смысл. Послушайте меня, глас не создан для слепого повиновения. Он лишь адъютант, передающий вам мысленный приказ. Но вы можете не передавать и не исполнять его, или исполнить по-своему. В момент, когда вы получили его, история уже изменилась, и вы теперь ее творец! Вот и сейчас – я вижу, вы тяжело ранены, истекаете кровью. Прошу вас, передайте своему командиру мое предложение. Вы останетесь в живых. Как знать, какой следующий приказ придёт вам от гласа грядущего. Неужели вы не хотите узнать это? Мы можем менять историю. За нами будущее,

если мы не обратимся в прах. Прошу вас, поручик! Я ведь знаю более Вас, глас уже почти двадцать пять лет со мной. Он помогал мне, ещё 12-летнему гаврошу, рушить стены Бастилии. Вёл меня вслед за генералом Бонапартом под пули на Аркольском мосту. На том же поле у Аустерлица, когда ваши кавалергарды поскакали на нас в отчаянную атаку, он, сделал ее безнадежной, приказав бросить навстречу наших великолепных кирасир! Вы подумайте, скольким людям на Земле ведома тайна гласа? Уверяю Вас, очень многим. Сотни, тысячи людей, получив его, начинают усердно работать, дабы изменить ход истории. Вы и я – лишь малая толика этих усилий. Помните, нам предопределено пройти здесь, и, что бы вы не делали, мы пройдем и победим. Во имя Франции! Во имя мира! Сдавайтесь, прошу Вас! Не нужно вам умирать сегодня!

Берестов, уже не мог четко слушать и воспринимать все, о чем говорил француз: слабость от раны охватила его, закружилась, как в омуте, затуманенная голова, ноги начали подкашиваться. Отпустив эфес сабли, он начал оседать в траву, Шевалье бросился к нему и подхватил его за подмышки, но, собрав последние силы, Алексей здоровой левой рукой выхватил из-за пояса заряженный пистолет, и приставил дуло прямо ко лбу француза. Де Кроссье замер на месте, медленно опуская руки. Берестов стоял перед ним на коленях, жилы на лбу вздулись, рука с оружием тряслась, но взгляд его был твёрдым.

– Шевалье! – прохрипел он, сбиваясь на коверкание французских слов. – Если мы... если... только песчинки в механизме истории, значит, я могу..., да, убить вас прямо сейчас, здесь..., и ничего, ничего не изменится. И да...! Другие, слышащие глас, придут и довершат мое и ваше дело!

– Нет, – ответил де Кроссье, не моргнув глазом. – У вас не выйдет. Я восхищён вашей храбростью..., и твердостью. Но глас сказал, что мне не суждено умереть. Не сейчас!

Берестов выпустил из слабеющих рук пистолет, и, теряя сознание, повалился, утопая во влажной траве. Де Кроссье, обернувшись к русским, вдруг стал махать обеими руками крест-накрест, пока не увидел, как от далекого строя отделились три конных фигуры и быстро поскакали ему навстречу. Сзади, под оглушающий барабанный бой, приближался строй французских полков. Мюрат бросил своих гранадёров вперед вдоль дороги, а кавалерия уже охватывала оба прикрытых лесом фланга русских. Неверовский и два казака из его свиты подскакали к месту, где стоял шевалье, в ту самую секунду, когда до французской линии оставалось не более сотни саженьей.

– Забирайте его, генерал. Он ранен, но ещё жив! – крикнул де Кроссье русским, силясь перекричать барабаны и указывая на тело Берестова.

Французы позади, как заворожённые, наблюдали невиданную картину, не стреляя: адъютант их маршала, спешившись, помогал русскому генералу уложить русского же офи-

цера на круп коня одного из помощников-казаков. Затем двое противников вскочили в седла, обменялись почтительными короткими салютованиями и, на миг задержавшись и глянув друг на друга, поскакали каждый к своим войскам. Шевалье промчался вдоль наступающего строя и подъехал к стоящей чуть позади свите Мюрата. Боевые линии противников уже были так близко, что когда Неверовский въезжал в строй своего каре, он отметил про себя напряженные, вжавшиеся выражения лиц передовых бойцов, готовых к схватке. До французов было уже менее пятидесяти сажений.

– Пли! – закричал он, поворачивая коня, и увидел, как первые шеренги врага валятся в траву. Ответный залп французов и второй залп русских грянули одновременно. Затем, с дикими криками, на всём участке каре почти в двести пятьдесят сажений, справа и слева из густой зелени стали выскакивать французские кирасиры. Бой закипел по всему периметру. Посаженные вдоль дороги дубы ослабляли таранный удар кавалерии, то тут, то там, всадники валялись, кувыркаясь, пронзённые русскими штыками, вместе со смертельно ранеными конями. Рядом, крича от боли, падали русские солдаты, получив длинные кровавые разрезы от головы до пояса от вражеских палашей, но их моментально сменяли воины из следующих рядов. Отборная мюратова кавалерия домчалась до дальней стороны каре, выскочила на дорогу и ударила там, завершая окружение русских, но узкий участок не позволял им развернуться во всю ширь и мощь. Эти ки-

расиры были почти сразу отброшены, и, повернув, унеслись к своим основным силам. Неверовский, сидя на коне посреди своих рядов, что-то кричал и махал шпагой. Его лицо пылало, стихия боя полностью захватила его. Две вещи только были сейчас ему интересны: стойкость его солдат и расстояние между так удачно прикрывавшими его фланги могучими деревьями, он боялся быть вынужденным отступить на более открытое место, где кавалерия раздавит каре как яйцо. Но русские даже не колебались. Через пять минут упорного штыкового боя, стоившего обеим сторонам несколько сотен жизней, французы начали уставать и останавливаться. Их атакующие шеренги отхлынули, но вместо них теперь уже со всех сторон полетели новые массы кавалерии. Неверовский закрыл глаза, вокруг него туда-сюда сновали адъютанты, выкрикивали команды офицеры, трещали штыки и приклады, стонали раненные, ржали кони. Вот теперь русские шелохнулись назад, под давлением непрестанно врезавшихся в строй огромных всадников каре начало пятиться вначале медленным шагом, затем все быстрее, теряя убитых и раненных, и вырванные из рядов промежутки уже нечем было заполнять.

–... Не удержим! Все! Не удержим! – мелькнуло в голове у Дмитрия Петровича.

Он на секунду зажмурил и сразу приоткрыл глаза – прямо ему в лицо, стоя рядом на нетвердых ногах, смотрел пришедший в себя Берестов и улыбался последней в жизни, ка-

кой-то кроткой и одновременно ободряющей улыбкой.

– Мы задержали их, генерал! – сказал он, и глаза его, казалось, были наполнены слезами радости. – Мы победили, мне сказали... – и осекся, как будто испугавшись, что сболтнул лишнее. Неверовский посмотрел вдоль линии каре: в одном ее месте разрыв был большой, туда влетели, гортанно крича и рубя палашами направо и налево, несколько бешеных кирасир. Какая к черту победа! Вот на его глазах, с рассеченной от макушки до рта головой пал передовой знаменосец дивизии, роняя, но так и не выпуская из рук, забрызганное кровью и заляпанное грязью полотнище на древке.

– Расскажите графу Кутайсову о том, что было здесь, Дмитрий Петрович, обязательно расскажите, и прощайте! – отрывисто сказал Берестов, повернулся, и неожиданно быстро устремился к тому месту.

– Вперёд, за мной! – кричал он, и голос, мгновение назад слабый и срывающийся, теперь был подобен раскату грома. Несколько десятков гренадёров из задних рядов понеслись за ним. Добежав до внешней шеренги каре, поредевшей и нестройной, он левой рукой подхватил с земли упавшее знамя и, высоко подняв его, бросился правее, туда, где огромные французские всадники рубили пехоту, уже прорывая бреши в ее построении. Пять или шесть солдат, увлекаемых им, рванулись туда же, выставив вперёд штыки. Ведомые бьющимся на ветру бело-красным, с орлом в золотом поле, полотнищем, они налетели на прорвавшихся ки-

расир, сбивая их с коней и размахивая ружьями, отбиваясь от сабельных ударов. В образовавшейся на краю каре свалке Неверовский видел только, как знамя дернулось, осело вниз, но затем снова поднялось. За какие-то секунды шеренга русских выровнялась, кавалерия отхлынула назад, но затем еще одна волна всадников налетела на каре. Бой закипел с новой силой, теперь Мюрат, поняв, что с прикрытых лесом флангов атаковать бесполезно, обрушил таранный удар кавалерии вдоль дороги, спереди и сзади, пытаясь хоть так раздавить этих непокорных, сопротивляющихся вопреки всему русских.

... Спустя два часа маршал со свитой, где был и де Кроссье, под неприятным, вдруг зарядившим дождем объезжал место, где так упорно билась ушедшая теперь к Смоленску русская дивизия. Трупы и раненые с самой дороги были уже убраны, но вдоль неё, попеременно, валялись растерзанные тела русских гренадёров, французских кирасир и их лошадей. Убитых было много, некоторые мертвые гиганты-кавалеристы даже свисали с нижних ветвей дубов, окровавленные и поломанные, всюду были лужи крови, смешанной с грязью. Несмотря на то, что мимо по дороге уже маршировали на город главные силы Великой Армии, все молчали, удрученные зрелищем поля сражения. Де Кроссье не находил себе места, глас, столь явно звучавший утром, теперь затих, словно разочарованный его неудачей. Все, они не успели, русские соединились в Смоленске, и за город, почти

лежавший на блюдечке, только схвати, предстоит упорная борьба. Никто не знает теперь что будет дальше, война, которую можно было закончить одним успешным маневром, становится затяжной и тяжелой. Не на то они рассчитывали! Он, пребывая в мрачных раздумьях, подъехал к месту, где в огромной куче были сплетены более десятка мертвых тел: несколько кирасир, пара мертвых лошадей, растерзанные русские солдаты, все лежали вповалку на небольшом окровавленном пяточке, среди обломков ружей, сабель и палашей, среди смятых киверов, разбитых железных кирас и патронных сумок. Вдруг, приглядевшись, де Кроссье соскочил с коня, и, приблизившись, не снимая белых перчаток, как-то грубо отодвинул в сторону тело одного из французов.

Мертвый Берестов, с открытыми, но окаменелыми глазами смотрел на него и сквозь него гораздо выше: в небеса, туда, где как будто таился Глас. В груди его, прямо над сердцем, зияла рваными краями сабельная рана, в правой руке он держал обломанное древко. Лицо было спокойно и не тронуту убийственной сталью. Этот человек, сделавший так, чтобы они здесь не прошли пару часов назад, теперь казался шеваље как бы стоящим над ним, несмотря на то, что лежал у его ног мертвым. Подъехавший Мюрат, весело улыбнувшись и показав ряд жемчужных зубов, желая зачем-то обратиться к своему адъютанту, вдруг остановился, увидев, куда тот смотрит. Казалось, все зрелище поля боя, заваленного разорванными кусками тел и разбитым оружием, не тронуло его

так, как гибель лишь одного вражеского офицера.

– Это тот самый их человек? – спросил король Неаполя.

– Да, это он, и, похоже, бог войны теперь повернется лицом к русским, – тяжело, после паузы, ответил де Кроссье. Мюрат расхохотался в ответ:

– Ну-ну, не унывайте, де Кроссье. Похоже, что вы и вправду вымотались, если гибель одного из врагов вас так впечатлила! Впрочем, эта дьявольская война, которая должна вот-вот кончиться, извела уже всех. Но ничего, завтра его Величество возьмёт этот чертов Смоленск, и после мы все славно отдохнём! Догоняйте нас!

И маршал, со своей многочисленной свитой, поскакал вперёд по той самой дороге, которую так отчаянно защитили русские. Де Кроссье ещё минут пять понуро стоял у тела Берестова. Затем он подозвал к себе четырёх вестфальских гренадёров из проходившего в этот момент корпуса генерала Жюно, и приказал им тоном, не допускавшим возражений, похоронить этого русского возле дороги, указав место у подножия одного из дубов, рядом с которым ещё валялся убитый французский кирасир и предсмертно хрипела его лошадь. Пока удивленные вестфальцы освобождали труп под завала других убитых, де Кроссье, медленно, но уверенно, снял с груди свой орден Почетного Легиона, аккуратно возложил его на шею Берестова, и, взглянув на убитого в последний раз, поскакал вслед за мюратовой свитой.

Глава 13

2019 г., Максим Шмелев

Я долго, наверное, минут 20, крутился по этому району, пытаюсь где-нибудь запарковать свой корейский кроссовер: все уличные парковки были забиты такси, прокатными машинами и старыми раздолбанными «газелями», а в большинстве глухих дворов въезд загораживали ненавистные шлагбаумы.

У тех, кто водит свой автомобиль в Москве, весь последний год есть стойкое ощущение, что власти хотят от них избавиться, как от класса, пересадив на столь любимый ими и приносящий огромные доходы каршеринг. А возле тусклых коробок домов везде лежит грязь, весна в этом году была очень поздней и поэтому еще кое-где валяются ошметки снега, обильно присыпанные разным мусором и собачьими экскрементами.

Участковый, к которому я решил зайти, сидел в загаженном цокольном помещении жилого дома, в комнате, где кроме компьютера, стола и двух хлипких стульев не было более ничего, а папки с делами валялись прямо на полу, покрытые пылью.

– Я из Наро-Фоминского интернет-издания, – я гово-

рил, стараясь убедительно передать придуманную мною историю. – Гражданина, который ранее работал у нас в городе судьей, недавно убили в вашем районе, вот мне и поручили сделать про это материал, хочу, если возможно, квартиру ту посетить, ну и со свидетелями пообщаться.

Участковый капитан полиции Харин Михаил Юрьевич был лысеющим, грузноватым и от всего уставшим человеком с немного оплывшим лицом, полностью зарывшимся в свою кабинетную работу. Да и вообще, ему даже бумажками заниматься не хотелось, мечтал он только чтобы от него все наконец отстали и дали спокойно проводить рабочее время с любовницей – судьей мирового участка его района Василиской Бороховой, дамой приятной наружности, с соломенными волосами и глуповатыми деревенскими глазёнками, которую он просто трахал пару раз в неделю. Случай с убитым в квартире на 5-й Кожуховской, дом 18, корпус 1, квартира 111, непонятным человеком, он, слава Богу, даже не успел начать расследовать: как только выяснилось, что там были некие опасные то ли материалы, то ли реактивы, сразу приехали ФСБшники и перерыли все вверх дном, даже ходили с разными датчиками и счетчиками по всему микрорайону, радиацию замеряли, но ничего, конечно же, не нашли. Начальство его тогда, естественно, обругало, что, дескать, «не контролирует проживающих на вверенном ему участке», Харин, с умным видом, покивал и торжественно пообещал всем усилить свою работу с населением.

Я заявился к нему в момент, когда он после приятно проведённого времени с любовницей раздобрел, расслабился, уже собираясь ехать домой, к жене и детям.

– Документ-то есть у вас какой-нибудь с собой? – уныло спросил он меня, смотря на разложенный перед ним протокол осмотра – единственное, что осталось от дела, которое забрал себе Следственный Комитет. – Видите ли, это уже расследует не наше ОВД, убийство гражданина Никитцова передали в вышестоящую структуру, вам надо туда обращаться, я ничем помочь вам не могу.

– Послушайте, капитан, – я старался быть убедительным. – Ну там, наверняка, уже все давно осмотрели, отпечатки все сняли, никому это уже не нужно. А я статью про этого товарища пишу, материально заинтересован туда попасть, вы же меня понимаете?

Знал ведь, на что давить. Участковый вздохнул и что-то быстро накалякал на клочке бумаги, протянул его мне, и как бы ненароком спросил: «Вы, случайно, не курите?»

На бумажке было написано: «10,000». Многовато, я рассчитывал на пятерку максимум, но что поделать. На улицу мы вышли вместе, через минуту в обмен на 2 оранжевых купюры я получил от Харина точный адрес, ключи от квартиры, а также полную уверенность, что кроме названия, изменённого несколько лет назад с милиции на полицию, в работе наших доблестных органов с населением более ничего не поменялось.

Ну ладно, и на том спасибо. Дом был почти рядом, я решил пройтись пешком по старым московским дворам, где раньше каждый друг друга знал, а теперь селились массово мигранты, приезжие торговцы с находящегося поблизости авторынка и прочая, не милая сердцу коренного москвича, шантрапа, с присутствием которой приходилось лишь тихо, скрепя сердце, мириться. Дома вокруг стояли старые, кирпичные, максимум в 5-6 этажей, построенные в середине прошлого века, было полное ощущение, что планы мэрии по избавлению от прошлого, не технократичного облика Москвы в этот район ещё не докатились. Подъезд был неудобным, с потрескавшимися ступенями и облезшей краской, по старой неосвещенной пропахшей куревом лестнице я поднялся на пятый этаж, и, найдя нужную квартиру, снял пластилиновую печать и осторожно повернул единственный ключ в скрипучей скважине, отпирая дверь.

В двухкомнатной квартире было также неудобно, как и в подъезде, одна из комнат была почти пустой, там стоял шаткий стол с табуреткой, изъеденный молью платяной шкаф, на старом линолеуме было мелом отмечено положение лежавшего тела, пятна крови бурого цвета никто даже не подумал затереть. Вторая комната и прихожая были заполнены каким-то старым хламом: непонятными мне частями механизмов, корпусами и платами компьютеров, пыльными стопками книг.

– Где же он спал? – подумал я, тоскливо рассматривая все

помещение квартирки.

Что и как искать я не имел представления. Голос, вещавший мне из другой точки пространства и времени через червоточину, более не был слышен. Я был совсем один, среди огромных зданий и миллионов людей обреченного города, и только я знал, то есть, нет, просто предчувствовал его будущую участь.

А, нет же, все-таки голос как-то повёл меня, какое-то из внедрённых мне убеждений вдруг указало правильный путь. Эта была стопка старых, с истлевшими от времени корешками, запылённых книг в углу комнаты у окошка, и в одной из них быстро нашёлся вложенный конверт с пожелтевшим листком старинной бумаги. Текст был полустертым, некоторые слова не читались вообще, но потратив почти десять минут, я все-таки сумел разобрать большую часть понятных, наверное, только мне одному во всем мире, написанных, как выяснилось, уже более двухсот лет назад странных строк:

«... неизвестный путник! Приободришь, ибо глас что ты слышишь ... истину ... ты ищешь. Вверяю тебе ... числа ... распорядись ...

...7.05.2019.1905.4.1.

... мне не ведом. Но верю ... ешь защитить сей город от грядущего и изменить ...

...ов, 1812»

Последняя строка, перед датой, заканчивалась символом «ять», и, по-видимому, была именем и фамилией неизвест-

ного мне посланника, разобрать которые я не мог. Непостижимо и удивительно было то, как и откуда оказался в комнате этот конверт с письмом. Ясно только одно: кто-то из другой эпохи давал мне подсказку, шанс, возможность что-то изменить и предотвратить неизбежное, то, что уже начертано на скрижалях будущей истории, но ещё не вырезано на них.

Более ничего интересного в комнате не было. Окинув беглым взглядом помещение, где недавно убили судью-неудачника, ставшего таким же торговцем-неудачником, я попытался представить, что он здесь хранил и из-за чего расстался с жизнью.

Можно предположить, что он продал что-то, представляющее опасность для всех. Какой-нибудь яд, вещество или материал для создания оружия или орудия, способного поразить этот город. Сам того не осознавая, в стремлении заработать как обычно, на халяву, он обменял на денежные знаки свою никчемную жизнь. Никаких следов более не было, убийца Никитцова не оставил ничего, только вот не нашёл эту непонятную мне сейчас записку. И мне придётся идти по этому единственному следу, по одной подсказке, только мне доступной и понятной. Если только неизвестный сигнал не пробьётся ко мне вновь.

Я вышел, дошел до своей машины, завел двигатель, и спокойно задумался. Мне дали дорожку и четкий явный маршрут. 7 мая 2019 года это через 3 дня. Другая последователь-

ность тоже похожа на дату, только перевернутую. Вряд ли я даже при всем желании могу что-то изменить 1 апреля 1905 года. Значит, может быть, это координаты в пространстве, некая точка, в которой 7 мая должно случиться что-то, что повлияет на ход всех последующих событий. И я должен быть там. Но где же?

Я представил, как неизвестный посланник в 1812 году получал эту важнейшую информацию. Вот он, сидя за столом у тлеющей лучины, гусиным пером осторожно, но с нажимом, выписывает непонятные ему цифры, внезапно возникшие у него в голове, готовя письмо для того, кто ещё только родится много лет спустя, ибо некий его далекий потомок решил применить могущественную технологию, дабы изменить все в прошлом и посмотреть, на что будет похоже это изрезанное заново полотно бытия. Что он пытался мне сообщить? Итак, 1905.4.1. Это пространственные или временные координаты? Ведь каждый день, ровно в 19:05:41 ко мне пытается пробиться сигнал. И что это может означать? Как будто некая двойная подсказка, это странное совпадение цифр. А что, если это...?

Красный головастик «Яндекс Карты» привычно мигнул на экране, открывая сплюснутый по бокам овал контура МКАД с сетью дорог внутри, горящих темно-алым цветом постоянных 8-бальных пробок. Под нажатием пальца карта замерцала на экране смартфона, раскладывалась, приближалась и удалялась, выдвигая и убирая новые объекты, дома,

магазины, парки, длинные проспекты и извилистые переулки. Мысль металась туда и обратно, пока не пришла к самой простой и непосредственной идее.

Да, это было бы слишком просто и наивно, но такой адрес действительно есть. Москва, улица 1905 года, дом 4, строение 1.

Глава 14

1943 г., Евгений Соболев

Танкист был такой же белообрый и щуплый, как и Евгений, его половина лица, спины и весь бок обгорели, и, частично кожа, частично рваная одежда висели клочьями, только глаза смотрели как-то задорно, даже несмотря на то, что левый сильно заплыл. Его взяли в районе той же Ольховатки, идя в контратаку наша «тридцатьчетвёрка» напоролась на перекрестный огонь «тигра» и «пантеры» с двух направлений и потеряла башню. Экипаж погиб на месте, кроме водителя, этого старшего сержанта, который, обгоревший и ослеплённый, выскочил из машины и был пленён раньше, чем успел потерять сознание. Он стонал громко все ночь от жуткой боли, всю эту ночь, которую они с Соболевым просидели без еды в грязном и вонючем погребе, время от времени чиркая чудом сохранённой зажигалкой и смачивая губы тухлой водой из стоявшей рядом баклажки. Чтобы унять боль танкиста, Женьке пришлось пару раз с огромным трудом, забыв про брезгливость, помочиться в собственные ладони а затем помазать зловонной жидкостью обгорелые места на его коже. Тогда страдания чуть затихали и сержант, приоткрывая даже левый глаз, начинал говорить, смотря на

Соболева с легким уважением и благодарностью.

– Откуда ты?... Браток? – спросил танкист вначале, еле ворочая языком и кусая ссохшиеся губы.

– Младший лейтенант Соболев, 621-ый штурмовой авиаполк, зовут Евгением, – он отвечал шепотом, как бы прислушиваясь к тому, что творилось в снях над ними.

– Старший сержант Петро Мацкевич, 23-я танковая бригада. Это не твои фрицев у Ольховатского леса вчера покروшили, часом? – танкист смотрел с такой спокойной искренностью, что Женька решил не таится. Понимая, что выдаёт себя с потрохами, он все-таки коротко кивнул и, облизнув кровь с растерзанной губы, ответил:

– Это был я, один, и не знаю до сих пор, как это вышло у меня.

Танкист изумленно смотрел на него, мигая измученными глазами.

– Я атаковал их один, мою эскадрилью сбили, как, не знаю, будто бы по какому-то наитию их нашёл, накрыл ПТАБами на первом заходе, дальше сбили меня, – пояснил Соболев.

Мацкевич хотел что-то ответить, но вместо этого промолчал, и так они сидели, ничего не говоря, почти час. В погребке стояла тишина, но они слышали и гулкие, тихо пробивавшиеся через дерево и грунт стен звуки артиллерийской канонады, как будто возрастающие, и пару раз знакомый стрекот мотора от пролетавших где-то недалеко «Уточек», наших ночных самолетов-разведчиков, сопровождавшийся да-

лекой руганью на немецком и даже стрельбой, и более громкие, ибо шли из избы над ними, пьяные мужские и женский голоса, визгливый смех и ритмичный скрип половиц и мебели, когда, по-видимому, эта тварь Киртичук совокуплялась наверху с кем-то из своих полицаев-подручных. Затем, наконец, снаружи все стихло.

– Бежать надо, браток! – вдруг тихо, но твёрдо, сказал Пётр. – Нас порешат завтра иначе тут.

– Куда бежать нам сейчас? – обреченно спросил Женька. – Мы же ранены оба, не пройдем и десяти шагов, нагонят нас и все. Брат, мы даже вверх не поднимемся. У меня руки переломаны, вся грудина болит, ты обожжен. Лучше просто броситься на них как придут завтра, так хоть убьем пару гадов. Отлетали мы своё, Петя!

– Не знаю, Женя, как, но побежим! – прохрипел сержант. – Пусть и сил нет, но дешево я не продам свою жизнь им. Подумай сам, браток, у кого мы в плену. Ладно бы немцы, так нет, это наши гады конченные, свою страну предавшие. Мне стыдно им сдаваться. Нет, стыдно!

Он вздрогнул, осекся, дернулся. Боль пришла вновь. Евгений вновь стал прикладывать к его лицу, плечу и груди мокрый вонючий лоскут, оторванный от гимнастерки. Танкист отключился....

Он очнулся вновь только под утро, и не спавший всю ночь Соболев понял, что ни у него, ни у лежавшего рядом на сырой земле человека не осталось никаких сил, энергии, жела-

ния, а вместо них только боль, голод, холод и страх неминуемой гибели. И именно в этот момент, когда уже не оставалось никакой надежды и жажды жить, Женька услышал это вновь. Снова, неумолимым ввинченным в затылок ударом, пришедший голос напомнил о себе.

– Беги! – не терпящим возражений повелением буквально разорвало ему мозг. – Беги, вы сможете!

Соболев устало закрыл глаза, стихло все: голос, боль от истязаний, надрывное дыхание лежащего рядом искалеченного танкиста. Он на мгновение погрузился в тишину, тут же прерванную близким рокотом моторов: судя по всему, где-то рядом двигались танки. Затем, очнувшись, как будто вынырнув из белесого тумана, он вдруг понял только одно: тот немец, который его допрашивал, сказал что-то важное, как будто он тоже знал про эти звучавшие у Женьки в голове далекие приказы. Значит, это не бред и не галлюцинация, как он думал, и значит....

«Тигров» было всего восемь. Они вошли в деревню рано утром, посеченные осколками и покрытые копотью, чтобы ждать здесь своих заправщиков. Это было все, что осталось от батальона в 32 машины, весь прошлый день безуспешно атаковавшего русские позиции. У одного танка попаданием снаряда заклинило башню, и он так смешно выглядел, со свернутой влево пушкой, ещё у одного пушку вообще сломало пополам, выгнув вниз. Порядка сотни немцев собрались вокруг, сновали туда-сюда и, ничего особо не делая, нерв-

но поглядывали на юг. Оттуда все ближе и ближе, казалось, что уже всего в паре километров, раздавался гром и какой-то непрерывный гул, нарастая медленно, но неуклонно. Три раза в воздухе, справа и слева, но ещё далеко от деревни, стрекотала авиация, и каждый раз хаос среди солдат только усиливался. Два парня-полицая стояли тут же, тоже ничего не делая, только смотря на все раскрытыми глупыми зенками, один из них нагнувшись к уху другого что-то постоянно шептал, причём одно слово слышалось отчетливо и было повторено несколько раз:

—...Титькать, ...титькать....

— Чего здесь ошиваетесь, вашу мать? — из хаты вышла заспанная Киртичук в помятой гестаповской форме и с хмельным выражением на лице. — А ну быстро, тащите из погреба летчика, его допросить еще надо и потом в расход, шевелитесь, бляди поганые, — закончила она, и, пошатываясь, вернулась обратно в избенку.

Мысль бежать тоже приходила ей в голову постоянно. Она с ужасом думала о том, что с ней будет, если вернуться Советы и она им попадётся. Ещё в 1936-м она работала окружным судьей в городке Почеп Брянской области и выносила приговоры местным вредителям и шпионам как на конвейере, особо не разбирая дела и не вдаваясь в бумажки: десять лет без права переписки, двадцать лет, высшая мера наказания — такова была линия партии и она ее проводила с удовольствием, решая судьбы людей. На них ей, естественно, было на-

плевать, она жила в казенной квартире и потихоньку копила ценности, которые часто перепадали ей через местное НКВД за приговор против нужного человека. Пока в 38-м не приехала ревизионная комиссия и не вскрыла обычную кучу нарушений в местном обкоме, суде и прокуратуре. Шишки повыше отправились сразу в лагеря и в расстрельные подвалы, а Киртичук неожиданно повезло: ее только сняли с должности и распределили старостой в одно из окрестных сел – за это, а также за то чтобы пропало ее личное дело, пришлось отдать новому назначенному прокурору Почепского района все накопленные кольца, браслеты и часы. Там, в деревеньке, она и сидела тихо и озлобленно на всех почти три года, пока не пришли немцы.

Сразу оказалось, что такие люди как она, ранее наделённые властью и на эту же власть сильно обиженные, им очень и очень нужны. В обветшалом деревянном здании бывшего почепского суда, который теперь стал немецкой комендатурой, оплывший жиром эсэсовский полковник, вызвавший Киртичук на разговор, даже не стал ее расспрашивать, а, вместо этого перебрал несколько засаленных листков с показаниями местных жителей о ее судебском прошлом, просто предложил ей должность старшего полицая, зарплату, форму и сухой паёк. Она сразу же рьяно взялась за дело, уже в первую неделю арестовав и повесив трёх партработников, оставленных в городке для организации местного подполья. Ещё одну, совсем молодую девушку, бывшего секре-

таря комсомола, которая под легендой местной учительницы работала горничной у гауляйтера, передавая информацию партизанам, Киртичук уже на третий день сама лично забила до смерти солдатским ремнём по оголенной спине, при каждом ударе приговаривая:

– Так тебе, сука! Так тебе, блядь сталинская!

Девушка не сказала ей ничего, перед тем, как испустить дух, она поглядела на свою палачиху с непреклонным выражением превосходства и ненависти, мысли ее, казалось, были где-то далеко и в одном ей ведомом диалоге, а на губах играла легкая улыбка. Разъярённая Марина приказала повесить ее уже мертвое тело на городской площади, и местные жители с ужасом смотрели на это ещё почти десять дней, и, проходя мимо, украдкой крестились. Фашистское начальство было очень довольно ее работой, и даже отправило ее в месячную командировку для обмена опытом в осажденный Stalingrad, но продолжалось это недолго. Уныние, наступившее в оккупационных частях и комендатурах после катастрофы армии Паулюса на Волге совпало на Брянщине с решительными успехами партизанских отрядов. Взрывались дома, летели под откос поезда снабжения, ночью в городке слышалась стрельба, немецкие офицеры боялись углубляться в лес даже группами, не то что поодиночке. Прагматичное эсэсовское начальство требовало от неё результат: успешную поимку или уничтожение партизан, но лесные мстители быстро научились воевать и стали практически неуловимы-

ми. Несколько организованных Киртичук карательных акций пришлось в пустое место: каждый раз эсэсовцы натыкались на опустевшие, всеми покинутые лесные лагеря или землянки, а по возвращавшимся из леса грузовикам из чащи неожиданно открывался плотный пулеметный огонь, летели гранаты и один раз целый взвод фашистов был даже уничтожен в небольшой роще, попав на искусно поставленное партизанами минное поле. Сама она еле уцелела, получив ранение в руку и после ещё попала под военный трибунал: пришлось откупаться всем, чем можно, дабы начальство, только припомнив прошлые заслуги, разжаловало ее и отправило вместо виселицы на новый участок работы – во фронтовые части, как раз готовившие новое наступление на Курск. Работа там была просто адовой и Киртичук сильно пристрастилась к выпивке – подготовка немцев к наступлению была настолько секретной, что в ответ на любое упоминание партизан или разведчиков Советов в указанный населенный пункт отправлялся взвод СС и уничтожал всех жителей без разбора. По ночам, после проводимых ею допросов, пыток и заполнения бесконечных бумаг, она выпивала пол-бутыли самогона и жестко, по животному ублажая своё рыхлое тело, совокуплялась с одним из своих подручных молодых полицейев. Но долго это тоже не продолжилось. Сейчас Марине было реально страшно, и даже хмель не снимал это безумное внутреннее напряжение. Похоже, что операция немцев на равнине захлебывалась, а ненавистные ей Советы как буд-

то сами переходят в наступление, и если так, то скоро всем, а ей в первую очередь, придётся, как выразился тот дурачок Митько, отсюда «титкать».

Соболев с трудом разлепил затёкшие веки – похоже, под самое утро он машинально уснул буквально на несколько минут, сморенный усталостью и болью. Крышка погреба со скрипом, подобно лязганью винтовочного затвора, резко отворилась.

– Живы, подонки? – раздался далекий, но громкий женский голос, который он, казалось, слышал ранее, уже наверное лет сто назад.

– Тащите сюда летчика! – повелела Киртичук, и Женька вдруг сам подался вперёд, но ребра и ноги отозвались на это резкой болью, в глазах потемнело, и, почти проваливаясь, он вдруг снова почувствовал тот голос в затылке.

– Держись, немного ещё, сядь левее! – почему и куда левее он не понял, но когда две пары сильных рук втащили его вверх и проволокли через сени в ту комнатуху, он чисто инстинктивно, будучи грубо брошен на допросную лавку, слегка подвинулся и завалился влево. Сознание почти не работало, только в мозге пульсировал, как отголосок эха, этот странный приказ:

– Левее, левее!

Соболев сместился ещё чуть и глянул на сидящую перед ним эсэсовку. Ее лицо заплыло от хмеля, чёрная униформа была сильно помята, воротничок гимнастерки, кажется, чем-

то заляпан.

– Ну, ты, сука, падла, будешь мне отвечать или тебя, мразь советская, сразу к стенке ставить? – проговорила она скороговоркой, даже не глядя в лицо Евгения. Он хотел было принять то же выражение угрюмого молчания, вдавив голову в плечи и приготовившись к побоям, но тут в сенях у него за спиной послышалась какая-то возня, а сразу за ней резкий вскрик.

Женька тяжело, тратя последние силы, выпрямил спину, и вперил уже угасающий, затуманенный взгляд в Киртичук, видя как на ее размазанном лице выражение крайнего удивления вдруг сменяется животным страхом, ужасом и отчаянием. Если бы он мог глянуть назад, то еще увидел бы, что в дверном проеме прямо его за спиной появился тот самый полицай Митька. Бледный, как смерть, он встал у порожка, держась обеими руками за шею, затем его глаза закатились и из горла уже падающего на пол тела хлынул фонтан алой крови, заливая маленькую комнатушку. За его спиной стоял, блестя глазами и скаля обгорелое лицо, танкист Петр, а в обеих руках у него была кривая, немного ржавая, но все ещё острая, как бритва, крестьянская коса. Эсэсовка, опустив руки вниз к кобуре, неловко попыталась вскочить из-за низенького стола, но Мацкевич, перешагнув лежавший у его ног труп, сделал резкое движение вперед, и в воздухе, прямо перед лицом Евгения, что-то тихо просвистело, обдав дуновением его волосы. Он как раз сидел левее, поэтому

убийственное оружие не задело его. Раздался полный отчаянно-ужасающей боли крик, через мгновение перешедший в хрип и резко оборвавшийся, и затем под ноги Соболеву что-то упало, мягко стукнувшись о земляной пол. Осознав, что это отсеченная голова с короткими светлыми женскими волосами, он на секунду поднял взгляд напротив, туда, где валилось на бок широкое окровавленное тело, заливая чёрную гимнастерку и все вокруг солено пахнущей красной жидкостью, и затем машинально отвернулся. Танкист подскочил к нему и схватил за плечи:

– Браток, ты как, живой? Нет-нет, не падай, ну же!

Женька еле заметно потряс головой.

– Вот это тварь была! – Петр кивком головы указал в сторону стола, где ещё пять секунд назад сидела живая, а не мертвая уже Киртичук, и, спокойно, но твёрдо, обратился к Соболеву:

– Браток, ты, это, приди в себя! Давай, мы уходим отсюда, бежим к своим!

Глава 15

1812 г., Дмитрий Неверовский

Город пылал ярко-ярко, его могучие каменные бастионы были частью обрушены, а частью практически раскалены. Ядра били почти непрерывно, и среди ужасающего грохота носились люди, лошади и едва уцелевшие повозки.

Сила войск, брошенных императором Франции на Смоленск, была огромной, даже в сравнении с двумя успешно соединившимся несколько часов назад армиями русских. Наполеон, желая генерального боя за город, атаковал его сразу тремя мощными колоннами, стремясь снести и прижать к стенам, где ворота были слишком узкими для отступления, стоявший на переднем крае обороны корпус генерала Раевского.

Неверовский, приподнявшись в удобном мягком седле, тяжело вглядывался в ещё далекие, но упорно приближавшиеся неприятельские порядки. Остатки его дивизии, поредевшей и не отдохнувшей после десятков позавчерашних атак, были утра с поставлены не в первой линии, но, тем не менее, неминуемо должны были вступить в схватку уже скоро. Заветной подзорной трубы с ним уже не было – потерял ее в горячке сражения где-то среди дубов, но даже без

неё было отчетливо видно, что огромная, изрытая холмами и балками, лежавшая перед городом низина Днепра была заполнена плотными рядами в сине-белых мундирах, и их количество было просто колоссальным!

Дивизия стояла под непрерывным пушечным огнём: время от времени прилетевшее ядро вырывало под горестным взглядом Дмитрия Петровича двух-трёх его солдат из общего строя, они валились, подоспевшие санитары относили их в лазарет, и несколько гранадёров из задних рядов немедленно занимали освободившееся место. Солдатушки топтались на месте хмурые, недовольные и утомленные, под ногами некоторых хлюпала свежая кровь, но теперь, после недавнего первого для многих из них боя, никто не желал более отходить.

– Ничего, братцы, стоим! – гаркнул Неверовский, уже наверное раз в седьмой за последний час объезжая свое каре. – А песенники мои ещё в строю? Где Мамыкин, Саблев, – а вот он, голубчик, а ну, всем выйти вперед...! Запевай нашу, матушку, солдатскую! – и первым, стараясь перекрычать канонаду, затянул свою любимую:

– По-старинному, да по-суворовски;

Мы закричим «ура» и пойдем вперед!

На штыках пройдем силы вражие,

Перебьем мы их, переколем всех!

Трое вышедших из строя гранадёров звонко подхватили родной каждому сердцу мотив, и вот уже хором запели все

шеренги, обессиленные солдаты вдруг разом повеселели, и даже, казалось, ядра французов перестали долетать, как бы боясь потревожить это людское единение в горниле ожесточенного боя.

К середине долгого дня корпус Раевского, потеряв до половины людей, все еще продолжал сдерживать превосходящего противника, почти прижавшись к горящим крепостным стенам, но не отступив от них далее ни на шаг. Шевалье Пьер де Кроссье носился по фронту идущих в атаку, но застопорившихся мюратовых дивизий, и везде получал ответ от начальников, что солдаты устали, идти дальше не могут, а эти чёртовы русские падают, но не хотят отходить.

Страх и понимание неизбежности, возникшие у шевалье ещё два дня назад, когда на глазах у него так самозабвенно погиб этот русский поручик, утром только усилились. Он среди свитских офицеров Мюрата ехал на позиции к городу, когда из группы невысоких скрюченных на берегу реки деревьев грянул ружейный выстрел. Скакавший рядом с ним молодой красавец Растиньяк как-то вздрогнул и свалился на шею своему коню: пуля пробила ему грудь прямо под сердцем. Пока поражённые кавалеристы осматривались, ещё один из них упал навзничь с пробитой головой. Подоспевшая пехотная рота из дивизии Ледрю бросилась к берегу, но остановилась и залегла в траву, потеряв ещё троих под метким огнем. Лёжа, они по команде обрушили на чахлые деревца целый град пуль, дав несколько залпов, но в ответ раз-

давались лишь редкие выстрелы, точно поражая то одного, то другого французского стрелка. Солдаты отказывались идти дальше, стоило кому-то приподнять голову, и можно было немедля ее лишиться. Полковые командиры стояли поодаль, разводя руки, де Кроссье отчаянно ругался с ними, но продвижение войск вперёд застопорилось – и все лишь из-за одного русского егеря. Наконец прискакала вызванная кем-то конная батарея и четыре пушки в несколько залпов превратили в щепы все деревья, среди которых скрывался стрелок. Шевалье, не таясь, подъехал, и несколько сопровождавших его гренадёров растащили упавшие сучья и ветки, освободив от листвы искалеченное тело русского унтер-офицера, совсем ещё молодого, безусого и светловолосого. Он лежал с тем же безмятежным и одновременно торжествующим выражением, что де Кроссье видел у мертвого Берестова, и это напугало шевалье больше всего: как бороться с врагом, способным так спокойно принять смерть, жертвуя собой в безнадежной ситуации, не приемля ни почетный плен, ни возможность отступления!

И вот сейчас они стоят у этого города, и опять русские сотнями умирают, но не отходят ни на шаг! Что же это? Что это такое? Неужели судьба ныне не благоволит Франции, поставив против них столь неудобного и упрямого соперника? А ещё де Кроссье сильно беспокоило то, что он уже давно, более суток, не слышал глас. Как будто в отместку за невыполненную под Красным задачу, за неудачу, связанную с неверо-

ятной стойкостью русских, помешавших осуществиться планам императора, звучавший в голове зов затих. Он был с ним всегда во времена больших битв, но не здесь. Не здесь и не сейчас! Чёртовы русские стояли также непоколебимо, как и громоздящиеся за ними могучие крепостные стены этого трижды проклятого Смоленска!

Шёл уже пятый час пополудни, когда двадцать седьмая дивизия, прождав под орудийным огнем, наконец вступила в битву. Опять перед ними был старый знакомый – Мюрат со своей пехотой и кавалерией. По рядам русских пронёсся веселый говор, смешки: опять, дескать, Мюратка к нам идёт, недополучил на орехи, ещё хочет. И хотя на сей раз на позиции не было таких естественных укрытий, солдаты смотрели на ряды приближавшихся синих французских мундиров уже без прежнего страха: Неверовский, несколько раз проносившийся вдоль строя на своём гнедом, видел радость близкого боя в глазах тех, кто стоял здесь: все были готовы задорого продать свою жизнь. По его команде, отчеканенной взмахами шпаги, гренадёры дали несколько залпов на пятьдесят шагов и тут же кинулись вперед со штыками наперевес. Две линии, синяя и зелёная, столкнулись под непрерывные крики и нарастающий барабанный гул, началась страшная рукопашная штыковая свалка.

Дмитрий Петрович, неустанно следя за боем, вдруг краем глаза увидел справа от себя небольшую группу конных офицеров из пяти-шести человек, возглавляемую невысоким и

совсем ещё юным черноволосым генералом, прекрасно державшимся на своей бледно-белой лошадке. Тот вдруг проскакал вдоль шеренги второй линии аршин на сто в сторону, и, выхватив шпагу, резким, но звучным голосом подал какую-то команду. Весь ряд, все триста штыков, неожиданно повинувшись его приказу, рванули вперёд и врезались в самую гущу схватки с фланга, подкрепляя русских и опрокидывая французов. Неверовский был одновременно восхищён и разозлён: он и сам думал подать команду к такой же атаке и то, что какой-то мальчишка, пусть и высокого звания, сделал это вместо него, сильно уязвляло. Но, подскакав к остановившемуся генералу и встретив его открытый и пристальный взгляд, Дмитрий Петрович сразу унял свой порыв, резко осадил уже готового наскочить на оппонента коня, и, переведя дух, обратился к молодому человеку, стараясь перекричать гром пальбы и близкое лязганье штыков.

– Клянусь вам, генерал, первым желанием моим было накричать на вас, что вы не на своём месте вмешались. Но ей-богу, приказ ваш к атаке был весьма своевременным и много пользы принёс нам. С кем имею честь?

– Начальник артиллерии армии граф Кутайсов Александр Иванович, – слегка подбоченясь и глядя прямо на Неверовского прекрасными чёрными глазами, ответил генерал. – Моё место – везде, и прошу ваше превосходительство на меня не держать обиду, ибо мы делаем здесь общее дело и во имя России. И....

– Я Неверовский, командир дивизии, – перебил его Дмитрий Петрович, ошеломлённый столь неожиданной встречей, и стремясь теперь быстро-быстро передать то, что сказал ему покойный Берестов. – Мне нужно поговорить с вами, граф...– и, стараясь удержать взбрыкивающую от грохота боя лошадь, Неверовский достал из-за пазухи тот перстень.

Кутайсов сразу изменился в лице, незаметно показалось, что волнение от боя сменилось каким-то другим, более глубоким погружением в себя. Он, задумчиво и одновременно с интересом, глядя на Неверовского, как будто оглянулся, не слушает ли их кто-то ещё, а затем подъехал почти вплотную.

– Генерал, – тихо спросил он, как будто даже слегка запнувшись. – Г-генерал, эту вещь дал вам адъютант его высокопревосходительства командующего второй армией?

– Да, граф, поручик Берестов, сделал это перед своей геройской гибелью два дня назад в бою на Смоленской дороге. Граф, я был давеча свидетелем вещей, мне не совсем понятных....

Отдаленный, но усиливающийся барабанный бой прервал его речь и оба повернулись на запад, в сторону Днепра. Неверовский посмотрел, прикрывая взгляд приложенной ко лбу ладонью, щурясь и стараясь высмотреть что-то вдаль, на равнине, покрытой легкой дымкой из марева, орудийного пара и уже начавшего спускаться вечернего тумана, и тут Кутайсов протянул ему свою зрительную трубу. Поредевшие русские шеренги тем временем были приведены в порядок, раненые

отнесены в лазарет, убитые оттащены назад, знающие своё дело офицеры штаба дивизии ловко сновали между рядами, выкрикивая команды.

– Генерал! – сказал Кутайсов многозначительно. – Эта сволочь опять готовит атаку на вас. Решено сегодня, по крайней мере, Смоленск Бонапарту не сдавать, а вашу дивизию скоро сменят. Как их снова отобьёте, встанете на бивак – милости прошу ко мне. Найдите меня через штаб его высокопревосходительства генерала Баркляя. Я жду вас, да сохранит вас господь! – и, повернув своего низенького жеребца, сопровождаемый свитой, он медленно двинулся в сторону объятого пламенем центра города.

Де Кроссье остановился на окраине, за небольшим леском, куда не так сильно доносился удушливый дым от пылающих строений. Он был раздосадован и бледен, белоснежный ещё утром мундир стал грязно-серым от пыли и копоти, один эполет сбит осколком картечного ядра, каким-то чудом пролетевшим по касательной и его плеча не задевшем. Великая армия, весь день штурмовавшая этот треклятый городишко, не продвинулась ни на шаг. Русские, которых он видел в этом сражении, были просто ужасны: он был свидетелем, правда, издали, как одного их офицера с оторванной по локоть правой рукой, несколько солдат пытались вывести из кипящего вокруг рукопашного боя. Так этот русский, в изгвазданном, покрытом свежей кровью мундире, продолжал рваться вперёд, размахивая шпагой в левой здоровой ру-

ке и выкрикивая команды, пока его не утащили силой назад трое дюжих гренадёров. Его отважное и отчаянное упрямство вновь напомнило шевалье про смерти, которые он уже недавно видел: русского адъютанта на лесной дороге и того офицера-егеря на берегу Днепра. Де Кроссье почему-то вдруг показалось, что все они, и этот раненый тоже, все слышали глас в миг перед своей геройской гибелью. А он не слышит! В тот самый момент, когда это более всего нужно!

И тут он резко дернулся и остановился, в затылке, к его вящей радости, появилось знакомое тянущее чувство. Он постарался сконцентрироваться, прислушаться, понять приказ или команду. И сразу же резко обернулся: всего шагах в двадцати на него летел казак на низенькой приземистой лошадке, с пикой наперевес. Это было так необычно, ибо он знал, что эти полудикие русские конники никогда не атакуют поодиночке, но, видимо, де Кроссье показался легкой добычей. Лица противника было почти не видно, голова, закрытая волосатой шапкой, качалась из стороны в сторону, и издавала легкий присвист и цоканье. Все это шевалье осознал всего за несколько секунд, пока казак доскакал до него, он был уже готов и успел уклониться от пролетевшего над головой остря, одновременно выхватывая пистолет из-за пояса. Ещё через пару мгновений он выстрелил в спину удалявшемуся противнику и тот, резко вздыбив коня, рухнул на землю. Де Кроссье подъехал и соскочил со своей лошадки. Русский был убит пулей в затылок наповал, он лежал ничком,

раскинув руки, как в последний раз обнимая землю, перевернув его, француз увидел на губах ту же легкую безмятежную улыбку, только подчеркнутую стекавшей с уголка рта струйкой алой крови. Вот опять! Вздохнув, де Кроссье начал снимать с казака его широкий балахон и папаху. Через несколько минут, облачившись поверх мундира в эту жаркую степную одежду, и подняв с земли оброненную тяжелую казачью пику, он уже медленно ехал по направлению к русским позициям.

Глава 16

2019 г., Максим Шмелев

Я тихо сидел в небольшом узком коридорчике, слушая уже полчаса перепалку за стеной. Казённое учреждение по адресу улица 1905 года, дом 4, корпус 1, оказалось участком мирового суда, и сейчас там всюю шло заседание.

Голос судьи Величко Ольги Васильевны, строгий и властный, никак не вязавшийся с ее миловидной внешностью чисто русской деревенской бабы, высокой, с длинными русыми собранными в косу вокруг головы волосами и васильковыми глазами (я рассмотрел ее буквально за минуту, войти и послушать заседание она мне не позволила), ее речитативное зачитывание документов постоянно прерывало и заглушало доводы истца и ответчика. Истец, представитель собственника, чья квартира, судя по всему была повреждена вследствие прорыва канализации, тоже имел чисто рязанскую внешность: высокий и седоватый мужчина лет пятидесяти с как будто вылепленными хлебным мякишем чертами одутловатого лица и прямым носом. Ответчика я сразу не увидел: судя по всему, это был очень пожилой человек. Он отвечал тихо, невпопад, я его практически не слышал, ибо любая его попытка заговорить тут же заглушалась громкими

окриками рязанского юриста и чеканными репликами женщины-судьи.

Других вариантов, собственно, у меня не было – в доме, помимо судебного участка, находился ещё магазин «Магнит» и сотни две квартир, поэтому искать какое-либо другое место не имело смысла. Если на какое-то событие 7 мая мне указала таинственная записка, то оно должно было случиться именно здесь. А ошибаюсь я или нет, понять сложно, голос из другой точки пространства-времени больше не приходил, канал связи не работал по какой-то причине или просто так: возможно оттуда не хотели вмешиваться, оставив все идти своим чередом. Я просто сидел и смотрел, что будет дальше – по опыту я чувствовал, что будет какая-то подсказка, некий намёк, который должен направить мои дальнейшие действия.

За стенкой судья продолжала монотонным речитативом зачитывать решение: я в него особо даже не вслушивался. Вроде бы как ответчику Соболеву присудили заплатить компенсацию истцу Алехину за повреждённую в ходе потопа квартиру в сумме трёхсот с чем-то тысяч рублей, и компенсацию услуг представителя в сумме сто двадцать тысяч, и компенсацию стоимости экспертизы, и компенсацию госпошлины – все вместе почти на полмиллиона. Судья, наконец, закончила, из комнаты вышел довольный рязанский юрист, а ответчик, похоже, все сидел на месте. Прошло минуты две, и я, наконец, решил подняться и заглянуть внутрь.

Там, на потертой деревянной лавке, сторбившись и смотря в пол, сидел худой старик, весь седой, как лунь, с костылем и в старом пыльном поношенном пиджаке, на котором, к моему удивлению, сиял начищенный до блеска маленький разноцветный прямоугольник – я знал, что это были орденские планки, своего рода информационная табличка, на которой раньше указывались награды ветерана войны.

– Неужели он воевал, сколько же ему лет? – подумал я, а старик вдруг поднял голову и впечатал в меня пронзительный взгляд прищуренных глаз, которые горели живым огнём на его высохшем, почти безжизненном и бледном лице.

– Вам... вам плохо? – я спросил первое, что пришло в голову, даже не подумав, насколько глупым казался этот вопрос. И удивительно было услышать в ответ тихий, но по-мальчишески бодрый голос, в котором явно чувствовалась военная выправка:

– Молодой человек, плохо мне было лет двадцать назад. А сейчас мне обычно. Так что не волнуйтесь, это обычное мое самочувствие, – и старик усмехнулся краешком сухого рта.

– Вас они... засудили? – и вновь я задал не очень умный вопрос, пришедший в голову спонтанно.

– Они меня уже не засудят. То, что мне тут эта ... курва ..., – он указал на дверь судейского кабинета, – ... присудила, того все равно у меня нету. Единственное жильё не отнимут, пенсия у меня нищенская. А остальное – только ордена да лекарства, а более никого и ничего не осталось. А судить ме-

ня теперь может только бог, если он есть, да глас грядущего, который....

Он прервался, увидев, как я весь подался вперёд, моментально осознав смысл его последней фразы.

– Да, молодой человек! – сказал старик спокойно глядя на меня. – Глас грядущего, Я его тоже слышал.

... Мы сидели за низким полуразбитым столом в одинокой стариковской квартире, в пятиэтажном старинном доме без лифта и ремонта, спрятанном в одном из узеньких пресненских переулков. Даже удивительно, что загребушие руки московских чиновников сюда ещё не добрались и модный термин «реновация» не обрушил ещё это маленькое здание ради строительства на его месте очередного суперэлитного жилого комплекса. Сама квартирка, кстати, была малюсенькой. Майор в отставке Евгений Иванович Соболев (так звали моего нового знакомого) получил ее с женой ещё в 1960 году, после того, как уволился из армии в запас.

На столе стоял мясной пирог, коробка конфет, маленькая бутылка армянского коньяка – все, что я сам купил по дороге в подвальном магазинчике, когда шёл вместе со стариком к нему домой. Разговор предстоял долгий, мне очень хотелось услышать его историю, собственно, я первый раз за два с лишним года встретил в реальной жизни человека, как и я знающего про голос.

Дед, несмотря на возраст (а ему было 94), оказался бодрым и говорливым. Рассказывал про войну, про яростные

воздушные сражения, в которых он бился под Курском, в Белоруссии, Польше... Как брал Берлин и Прагу, как потом почти год стоял под Веной, восстанавливая местные аэродромы. Он был летчиком-штурмовиком, я слышал, на первом этапе войны это были практически смертники, атакующие с малой высоты и без какого-либо прикрытия наступающие немецкие войска, и поэтому очень часто погибавшие.

– Вот, молодой человек, сейчас даже ваше поколение про войну не знает и помнит, а уж те, кто ещё младше... – говорил он, попивая чай с несколькими влитыми туда каплями коньяка. – До ветеранов, понятно, что никому дела нет, ну раз в год на 9 мая нас поздравляют, конечно, даже надбавку к пенсии давали. Но что нам с того, если вся она только на лекарства и уходит! Так что от кого пришла – тому обратно и ушла.

Он помолчал, тяжело вздыхая, потом хлебнул ещё чаю, осторожно положил в беззубый рот маленький кусочек пирога. Он был очень жалок: больной, сторбленный, наверное, медленно умирающий старик, но в его взгляде чувствовалось не обреченное желание держаться за эту жизнь изо всех сил, как у многих старых людей в этом городе, а спокойная холодная уверенность, не страх перед неизвестностью, а ясное принятие действительности.

– Расскажите про голос, который вы слышите, Евгений Иванович, – попросил я и подлил ему ещё чаю в красивую фарфоровую, хоть и немного треснутую, чашку с посвящён-

ной 30-летию Победы надписью. – Как так получилось, что вы его слышали?

– Я-то слышу его уже больше семидесяти лет, с большими перерывами, конечно. Ещё с войны..., ещё тогда..., в первый раз, – начал он вспоминать, но потом вдруг резко остановился и взглянул на меня. – Максим, – спросил он, – а когда вы впервые с ним столкнулись? И вообще, что вы про него знаете?

Я рассказал. Ему было особенно интересно послушать мое обоснование того, что происходит с точки зрения физики. Понял он все слабо, про сигнал, идущий через червоточину объяснять пришлось долго, взяв свернутый в трубочку лист бумаги и, протыкая его тонкой иглой, как бы изображая искривлённое пространство-время. Но с тем, что некая могущественная сила, зная наперёд ход событий, пытается его изменить, Евгений Иванович согласился сразу.

– Вот, смотри, – сказал он мне, открыв старую, еще советскую тетрадь в клетку. – Как я понял для себя: вот одно событие, вот другое, из него образуемое.

Замусоленным огрызком старого карандаша, аккуратно, стараясь унять легкую старческую дрожь в руках, Евгений Иванович нарисовал два кружка и ведущую от одного к другому стрелку.

– Вот, – сказал он, – маршрут от одного события к другому, также через целую цепочку самых разных второстепенных событий.

На листе появилась ломаная линия, нарисованная между кружками.

– И вот, где-то на середине пути, к примеру, некая сила..., подсказывает, показывает путь к новому событию, факту, действию – которое все меняет!

Он нарисовал третий кружок, в стороне от двух первых.

– Да, – сказал я. – Мы можем уйти с уже предопределённого маршрута и повернуть туда. Но..., при этом..., все изменится. Все, что было определено будущими событиями, теперь пойдёт по-другому.

За третьим кружком появилось еще несколько, соединенных с ним стрелками.

– Конечно, – старик отхлебнул ещё чаю. – Может быть, кто-то таким образом старается поменять, как бы отредактировать историю, сделать ее лучше..., или хуже..., мы же не знаем их намерения.

– А может, – подхватил я, – проводит некий эксперимент. Меняет прошлое и смотрит, что случится в его настоящем, что поменяется.

Соболев помолчал. Я тоже, пытаюсь осознать то, что было только что сказано. Здесь, на старой закопченной кухне, я наконец-то начал понимать, что со мной происходит, и, возможно, зачем.

– Я изучаю это... явление... очень долго, уже годы..., – сказал вдруг старик. – Ведь вполне ясно, что есть простые люди, такие, как вы и я, которые слышат эти послания, к

которым они приходят. И они должны их передать куда-то дальше, сообщить о них другим. И сообщали! У каждого властителя, оставившего след в истории человечества, я думаю, были свои советники, тайные, которые говорили им, что надо делать. Рекомендовали, объясняли, возможно, не рассказывая более ничего. Я называю их...: почтальоны! Многие из них были на слуху: Нострадамус, Вольф Мессинг, Ванга и прочая шв..., – он оборвался на полуслове, вперил в меня по-стариковски молодой взгляд и задорно спросил:

– Знаете про таких?

– То есть, они только передавали то, что сами слышали? Как почтальон вручает письмо адресату? Не более того?

– Да, в подавляющем большинстве случаев так и было. Путь цивилизации изменялся, но незаметно. Его поворачивали цари, короли, императоры, вожди и прочие высокие особы. Ну и ещё ученые, литераторы, полководцы, путешественники.... Но... есть и другие... да, другие.

Я замер, не желая прерывать старика, буквально затаил дыхание.

– Есть те, кто, получив послание, никому его не передают, а начинают сами действовать. Часто неосознанно, по наитию, или будучи вынужденными делать это. Это обычные люди, вроде нас с вами, но они меняют историю сами! И иногда... эти изменения очень резкие и неожиданные.

Евгений Иванович замолчал, тяжело вздохнул.

– Вам плохо? – спросил я. – Прилягте, вам надо отдохнуть,

я уберу со стола все.

– Максим, я вам сказал, мне не плохо, а обычно. Дослушайте меня, есть что-то очень важное! После войны, после того, как я ушёл в запас и стал работать на гражданке, появилось много времени. Вы может знаете... жизнь тогда была..., Гагарин, космос, целина, фестиваль..., мы все верили в светлое будущее..., знали, что страна самая лучшая..., врачи лечили, учителя воспитывали, ученые творили, военные защищали. Была уверенность в завтрашнем дне, в силе государства, не то, что сейчас. Детей оберегали, стариков уважали....

Он опять замолчал, я смотрел на него и понимал, как ему тяжело, как он, заслуженный ветеран, чувствует себя обделённым и обиженным сейчас, на закате жизни.

– Я не жалею, Максим! – вдруг сказал он более спокойно. – То время все равно прошло, и я счастлив, что его видел. Но дело не в этом. Тогда, в шестидесятые, я много сидел в архивах, искал что-нибудь о почтальонах. Вы же хотите узнать, как и когда я услышал этот глас грядущего? Так вот, во время сражения на Курской дуге, в 43-ем, у меня был боевой вылет. Этот глас, что я впервые почувствовал тогда, он вывел меня прямо на немецкую танковую колонну, подходившую из их резервов к линии фронта. Если бы эти «тигры» туда дошли, то, скорее всего, наша оборона на Моделе была бы прорвана, и вся битва сложилась бы по-другому. Вы понимаете, что это значит? Проиграй мы тогда Курск,

весь ход войны мог измениться. Может, мы бы с вами сейчас здесь не говорили. Так вот, в архиве указано, что резервы 20-й немецкой панцер-дивизии под Ольховаткой 11-го июля были уничтожены в ходе совместной атаки штурмовиков от нескольких авиаполков. Но это было не так, не так! Только я сейчас это знаю! Это я тогда подорвал их колонну, я один, а все остальные наши ИЛы, шедшие на боевое задание, были сбиты на еще подлёте, даже далеко от того места. Меня тоже потом сбили, и я попал в плен. Но я знаю, что я получил это послание и я сам начал действовать. В ЦАМО¹⁶ про это, конечно, ничего нет, но я нашёл там много, очень много другого, интересного....

Он тяжело поднялся, подошёл к пыльному, потрескавшемуся книжному шкафу, и достал оттуда пару нетолстых широкоформатных книжек. Сгорбившись, он вновь сел рядом, открыл одну из страниц, отмеченную истлевшей и замусоленной картонной прокладкой, морщинистым пальцем указал мне на иллюстрацию слева сверху, дополнительно обведённую в рамку жирным карандашом. «Адъютант русской армии. Неизвестный художник, ок. 1812», – прочитал я подпись под картинкой.

На карандашном рисунке был изображён молодой человек лет 30-ти, в белом офицерском мундире с эполетами, темноволосый, безусый, с пронизательным взглядом. Он задумчиво стоял на фоне какого-то деревенского пейзажа,

¹⁶ ЦАМО – Центральный Архив Министерства Обороны.

опираясь одной рукой на эфес опущенной вниз сабли. Для своего времени портрет мне показался несколько необычным.

– Этот портрет я искал довольно долго, а нашёл вот не в архиве, а в обычной популярной книжке, – сказал Соболев. – Предполагаю, что он из старинного альбома, что наверняка хранился раньше в какой-нибудь дворянской усадьбе.

Он отпил свой чай, закашлялся, явно волнуясь.

– Фамилия этого офицера Берестов, он адъютант командующего Второй русской армией князя Багратиона. Был его адъютантом. Упоминаний о нем очень мало, я нашёл только пару документов, на самом раннем этапе войны с Наполеоном, до взятия Смоленска. После – ничего нет, и я могу предположить, что он погиб. Адъютанты часто гибнут в сражениях, такая у них участь, что поделать. Ну, так вот, он абсолютно точно был таким почтальоном. Поверьте. Я это точно знаю.

Он посмотрел на меня, будто боясь увидеть мое недоверие, даже просяще, как бы говоря:

– Нет, я еще не выживший из ума старик, ну поверь же мне!

Но, видимо, встретив мой взгляд, отхлебнул снова чаю, и, успокоившись, продолжил:

– Этот человек, поручик Берестов, в те времена, судя по всему, слышал глас отчетливее и яснее, чем мы с вами сейчас. И он... ещё тогда, в 1812 году, стал оставлять письмен-

ные послания, в тайных местах, но там, где их могли, нет, где их должны были найти. Другие люди, которые знают про глас грядущего. И их находили... я знаю минимум о двух таких записках, и...

Из кармана пиджака я достал маленький, для верности упакованный в прозрачный файл, найденный мной в квартире убитого адвоката листок, и положил его перед Евгением Ивановичем. Тот отшатнулся, и, как мне показалось, схватился за сердце, но тут же совладал с собой, выпрямившись.

– Это третья записка, – сказал я спокойно. – Фамилия написавшего ее мне была неизвестна.

Глава 17

1943 г., Евгений Соболев

Они сразу решили выходить из избы, не таясь. Изначально понимая, что шансы не попасть под немецкую пулю у двух искалеченных, истерзанных людей невелики. На двоих у них было две взятых у полицаев старых винтовки-трёхлинейки и пистолет этой пытавшей их эсэсовки. Когда Женька попытался взять винтовку в обе руки, нахлынувшая боль заставила его уронить тяжелое оружие и со стоном упасть на окровавленную лавку: левая рука, похоже, была сломана в нескольких местах. Танкист, тяжело покачав обожженной головой, протянул ему пистолет, ещё забрызганный каплями свежей крови: Соболев осторожно вытер его о свою загвазданную гимнастерку. Сам Мацкевич сумел поднять винтовку, решительно, хоть и со стоном, передернул затвор и осторожно выглянул в маленькое треснутое окошко.

– Слушай, брат, – сказал он. – Шансов у нас мало. Но эти гады не ожидают, что мы выскочим. Поэтому: выходим, стреляем, берём у них «шмайссеры», стреляем. Идём к третьему «тигру» – он вроде на ходу и люки открыты, значит, думаю, никого там внутри нет – проветривают. Если сильно повезёт и есть горючка – тогда попробуем завести. Подстре-

лят тебя – беги все равно к танку со всех ног, как можешь. Семи смертям не бывать – а здесь мы ещё повоюем!

По сениям шли, осторожно ступая на половицы, приноравливаясь к шагам друг друга. В углу ещё тяжело дышал и хрипел второй полицай – ему первому танкист распорол косою грудь. Выскочив из избы окровавленные, измученные люди вначале ощутили дуновение свежего лесного воздуха, заполнившего легкие после почти двух суток нахождения в замкнутом пространстве. Спинай к ним, у самого крыльца, стояли двое немецких солдат в полевой форме, удивленно обернувшись на шум. Соболев с танкистом выстрелили одновременно, почти не целясь, в упор, и подскочили забирать их автоматы раньше, чем тела убитых фашистов тяжело повалились на землю. Ещё двух подбегавших к калитке немцев Петр спустя пару секунд срезал из «шмайссера», те отлетели назад, словно освобождая дорогу.

Бегом, вперёд! – крикнул танкист Соболеву.

Нужный танк был всего в каком-то десятке метров. Немцы не понимали, что происходит и откуда пальба, один из них, спрятавшись за гусеницей, полулёжа строчил вслепую короткими очередями в сторону леса.

На, гад! – с криком Мацкевич разрядил в него сбоку почти всю обойму, и, пригнувшись, схватив Женьку за рукав здоровой руки, потащил к танку. Ещё секунд восемь ушло, чтобы, вопя от боли, забраться на броню и подлезть к открытому люку башни. Оттуда было видно что немцы наконец

догадались: к «тигру» с разных сторон уже бежало человек десять с криками и стрельбой, но Соболев и танкист вместе ввалились вниз головой в железное нутро танка и Петр из последних сил, подтянувшись, еле-еле успел захлопнуть люк буквально перед носом у залезшего на башню первым немецкого обер-лейтенанта, командира этой машины, и повернул неожиданно плавно двинувшийся один из трех запорных замков, а затем, метнувшись, также закрыл люки заряжающего и механика-водителя, прежде чем Женька отдышался и пришел в себя.

Внутри был полумрак, но свет пробивался уже свежими прямыми лучами через две боковые щели. Снаружи поначалу послышался топот ног по броне, затем все стихло. Немцы, собравшись возле танка, тихо совещались. Пётр приставил ещё горячее дуло «шмайсера» к одной из амбразур, затем зафиксировал автомат у спинки сиденья и осмотрелся.

– Черт, как здесь все... непонятно, – он, спустившись к водителю креслу, пытался взглядом окинуть все имевшиеся перед ним рычажки, рукоятки и колесики управления. – Браток, я, я..., не знаю что делать. У них, гадов, здесь по-другому все. Женья, я ничего не понимаю, даже не знаю, как включить зажигание... хотя вот вроде бы ключ в замке... тут же бензиновый мотор, так ведь...?

Голос в голове Соболева уже не создавал непонятные идеи – ему шли четкие, ясные команды и сформулированные действия, и он вдруг понял, что выполняя их можно было до-

стигнуть цели. Танкист во все глаза смотрел как Женька, будто заправский механик-водитель, включает последовательно все рычажки, переводит в нужную позицию дроссели, открывает топливные краны, а затем, выжав педаль сцепления и плавно вдавливая стартер, включает чужую боевую машину. Вот с рокотом загудел мотор, зажегся внутренний свет, освещая непривычно просторное танковое пространство, и удивленный Петр понял, что «тигр» завёлся.

– Ну ты даёшь, браток! Откуда ты... – но встретившись с будто отрешенным взглядом Евгения, Мацкевич сразу осекся, махнул здоровой рукой и повернулся к водительскому креслу. – Ну, дружище, повоюем! – бодро сказал он, берясь за странный, похожий на автомобильный, руль и протягивая ноги к педалям управления.

Машина, почувствовав его движение, сделала первый резкий рывок вперёд, даже зацепив стоящий рядом другой танк. Немцы посыпались с брони в разные стороны, отчаянно крича и ругаясь, но Пётр двинул «тигр» назад и вправо, задевая и руша избушку, из которой они выскочили всего за пять минут до того. Падающие бревна застучали гулко по корпусу снаружи, танк на мгновение остановился, но водитель, резко нажав педали и вращая руль, вдруг почти развернулся на узкой площадке. Затем машина рванула вперёд, разбрасывая в разные стороны и сминая деревянные доски, клочки соломы и комья грязной земли от того здания, что ранее было деревенской комендатурой, и выехала на узкую распаханную

земляную дорожку вдоль сохранившихся домов.

Курт Йорих и его шофёр с ужасом смотрели на приближавшуюся к ним танковую громадину, их возвращавшийся в деревню мотоцикл застрял в колее и Вилли, отчаянно ругаясь, пытался его вытащить, когда началась заварушка. Соскочить оттуда они не успели, «тигр» вмял их сходу в грязь, даже не делая попытки остановиться, Мацкевич отчаянно жал педаль газа, пытаясь уничтожить по пути как можно больше фрицев. Последнее, о чем успел подумать Йорих, было воспоминание того, что голос, приходивший к нему в видениях, вот уже несколько дней подряд почти не оставляет его и пророчит Вермахту скорое, неизбежное, кошмарное поражение, предотвратить которое уже невозможно. А затем небо и земля создали у него перед глазами круговерть, которая мгновение спустя закончилась ужасной темнотой от надвинувшейся и перемоловшей катками его тело танковой массы.

–... Вот и отлично! – крикнул Мацкевич, пытаясь одновременно крутить рулевое колесо, вжимать в пол педали и смотреть в обзорную щель танка. – Так их, гадов, их же техникой! Браток, ты держись, если бензина хватит нам, до наших доберёмся, дотянем... ты помогай мне, хотя бы в прибор перископа смотри, говори, куда рулить мне....

Он, казалось, весь преобразился, забыл о ранах, ожогах, пытках, будто слился с чужой машиной в единое целое, жилы на лбу вздулись, глаза горели огнём, весь разум был под-

чинён только движению вперёд! Танк резво соскочил с земляной дороги и рванулся напролом в лес, сбивая на пути мелкие деревца. Впереди разрывами ухал фронт, раскатисто говорили пушки, а в небе где-то уже совсем близко гудела и жужжала, подобно гигантским насекомым, бьющая друг в друга авиация и даже, сквозь лязганье мотора тигра, пробивался далекий стрекот пулемётных очередей.

– Вроде идем на юго-восток, – крикнул Петр, вглядываясь в щель амбразуры и светящиеся стрелки приборов справа. Если не собьёмся и не застрянем, через часок к фронту выскочим, а, браток!

Женька, сидя на месте наводчика, внимательно смотрел в линзы бинокулярного прицела. Не попасть бы в овражек или лощину, более-менее крепкие деревья «тигру» нипочём, а вот завязнуть где-нибудь было бы не кстати. Внутри, несмотря на жуткую боль в руке, чувствовалась лёгкость боевого задора и азарта, танк шёл по земле довольно легко, проскакивая мелкие бугры и топкие места.

– А вот же умеют гады технику делать, – как будто уловив мысли Соболева восхитился танкист. – Идёт мягко и плавно, даже не вибрирует, зараза. А управление такое удобное – нашим «тридцать четвёртым» и не снилось!

– Как бы не погнали за нами фрицы, – словно размышляя, вслух сказал Женька. – У них там были танки на ходу.

– А вот хрена им, – улыбаясь во весь разбитый рот, ответил Мацкевич. – Немец по бездорожью не пойдёт, мы ушли

сильно на восток от дороги, в лес, а они побоятся. К тому же у них, браток, много других дел сейчас, фронт наш полюбому к ним катится, им бы тикать надо, а не за нами гоняться....

– Стой! – заорал Евгений во все горло, как будто надеясь криком остановить машину.

«Тигр» неожиданно вылетел на небольшую, укрытую холмистой насыпью поляну шириной всего метров в сто. На другом ее краю, под деревьями, стояли три пушки и возле них копошились люди, уже разворачивая стволы в их сторону. Видимо, дорога проходила совсем рядом, и они напоролись прямо на находившуюся на марше в лесу противотанковую батарею.

– Стой, куда ты! – кричал Женька таксисту, резко давшему задний ход и теперь проламывающемуся через густые заросли, круша березки и орешник. – Это же наши, наши!

– Да, наши, только они сейчас как шамальнут по «тигру» бронебойным! – и в подтверждение этих слов снаряд пролетел буквально в паре метров и бухнулся яркой вспышкой в кустарник прямо за их машиной, подняв вверх кучу щепок, листвы и комьев. – Назад быстро, иначе нас разложат из ЗиС-ов¹⁷ тут! Пока мимо, далеко мы ушли уже. Надо спрятаться в буреломе, фронт, видно, уже совсем близко.

Соболев из последних сил схватил валявшийся между си-

¹⁷ ЗиС-3 – самая массовая советская противотанковая пушка времен Великой Отечественной Войны, калибр 76,2 мм.

дений «шмайссер», спустился к водительскому месту и навёл оружие на танкиста:

– Приказываю тебе, сержант, как старший по званию приказываю, едем к своим, слышишь меня! Немедленно, разворачивай машину, ну! – и ослабевшей рукой толкнул дулом автомата осовевшего Петра.

Они оба были настолько истощены, что еле шевелили переломанными конечностями. Но Мацкевич смотрел на него, оскалившись, ничего не говоря, и Женька вдруг опустил ствол.

Силы начали его оставлять. Крайнее измождение, бившая с утра лихорадка, боль сломанных рёбер и искалеченных пальцев, волнение и страх – все это напряжение, наконец, сказалось, и Соболев, тихо застонав, выпустив «шмайссер» из рук, завалился на край сиденья радиста и начал съезжать на холодный железный пол танка. Петр, остановив машину, подхватил его подмышками, усадил, пошарил в ящиках под сиденьями и, о чудо, нашёл початую вытянутую бутылку шнапса. По очереди отхлебнули по глотку – сознание Соболева стало немного проясняться. Они вдруг прислушались: ещё далеко, но явно приближаясь, перекрывая уже лязг их «тигра», раздавался мерный гул идущей техники. Танки явно шли через лес напролом, трещали сбитые и давимые гусеницами елки и березки.

– Танки это не «тридцатьчетверки», явно фрицы, – сказал Петр, еще сильнее оскалившись, отчего вид его обожженно-

го лица стал зловещим. – Идут либо за нами, либо просто к фронту. Мы сейчас черт знает где, не поймёшь, куда ехать, карты нету, бензина, судя по датчику, в обрез.

И тут у Соболева опять запульсировала идея, также неожиданно и резко:

– Идти к линии фронта! Немедленно! Нужно спасти маршала! Только ты это можешь! Сейчас! – и так далее, все в том же духе. Кого спасти и как, Женька не понимал. Но спокойно, ровным голосом, собрав все силы, приказал:

– Сержант, ждём их, и как подойдут, двигаемся параллельными курсами. Идём к фронту. Рация не включена, авось, немцы примут нас за своих, так до наших и дотянем. Дальше по обстановке, стрелять нам все равно нечем, в поле выскочим и сразу сдадимся.

– Да нас расстреляют, как только покажемся! – закричал танкист. – Только бок нашей Т-34 подставим близко – и нам конец, браток. Мы из плена сбежали, я ещё пожить хочу, а умирать – так хоть не от своих! Уж лучше встать и в лесу переждать, пока наши наступать будут, так и найдут нас.

– Фрицы нас раньше найдут, – ответил Соболев, прислушиваясь к приближающемуся лязгу. – Мы ровно в полосе их наступления, будем ждать – снова в плен попадём. Давай-ка малым ходом вперёд, посмотрим, где мы.

– Ладно, – согласился Петр, как будто удивленный уверенностью и твердостью Соболева. – Едем вперёд, – и он вновь измученно припал к педалям и штурвалу управления.

Тяжелая машина уже почти двинулась, но гул и звон другого мотора, раздался, казалось, уже совсем близко. Мацкевич осторожно выглянул через щель амбразуры и замер: «тигр» выезжал слева и спереди метрах в десяти от них, практически новый, со свежей краской на броне. Судя по всему, он и был во главе построения, тяжелого и мощного, идущего на наш укрепрайон, который, как помнил Соболев из полкового инструктажа, начинался где-то за лесом, на холмистых высотах возле все той же Ольховатки. Теперь и этот «тигр» замер, остановившись, видимо, экипаж не мог понять, что это за танк рядом с ними, откуда он взялся, и пытался безуспешно вызвать их по радиии. Затем они увидели, что башенный люк открылся и фашистский танкист в блестящей чёрной куртке, появившись оттуда, слез с брони и медленно и осторожно двинулся в их направлении.

– Сержант, овражек справа от нас, ныряй туда, иначе они, как поймут, пальнут прямой по нам, – тихо сказал Соболев и Петр кивнул в ответ. Послышалось постукивание по корпусу снаружи – это немец секунд десять бил по броне стволом пистолета, прося открыть. Затем все смолкло.

– Давай! – крикнул Евгений, и танкист резко дёрнул рычаг коробки передач, вдавил газ и вывернул руль. «Тигр», едва не перевернувшись, с треском и скрежетом ломая тонкие деревца, слетел вниз, в широкую лощину, идущую до самой опушки, и почти скрылся в ней. Гусеницы с лязгом разрывали землю и корни деревьев, мотор надсадно выл, всасывая

последние капли топлива, машина с Мацкевичем и Соболевым медленно летела к краю леса. Через пять минут гонки открылся просвет между кустами, и танк буквально вывалился из оврага на изрытое воронками поле, на котором в отдалении уже виднелись зеленые корпуса изготовившихся к атаке наших Т-34 – до них был примерно километр.

– Сейчас, спасти маршала, немедленно! – повелительно приказал голос в голове Женьки. И будто по волшебству, повернувшись влево, они увидели картину, как в замедленной съемке: застывший метрах в двухстах от них на опушке «тигр», поворачивающий башню в сторону так же застывшего ещё левее и впереди, на краю взрытой в поле воронки зеленого легкового автомобиля, к которому, крича, бежали через поле пехотинцы, тоже в зелёных шинелях и касках.

– Туда, тарань его, быстро! – скомандовал Соболев, и танкист, тоже как в тумане, направил машину прямо в борт изготовившемуся стрелять немцу. А через несколько мгновений, показавшихся Женьке годом, раздался оглушительный удар, спертое пространство танка, завертелось перед глазами, а затем столь же оглушительно наступила тишина....

Глава 18

1812 г., Дмитрий Неверовский

Неверовский устало переступил порог чёрной избушки, приткнутой на краю одной из улиц, отходящих от центральной площади Смоленска, где, как ему указали в штабе первой армии Барклая-де-Толли, квартировал Кутайсов. По всему городу стлался чёрный дым, офицеры и пехотинцы, которых он встретил на пути, постоянно чихали и тёрли слезящиеся глаза, кони хрипели и отказывались ехать, клоня морды к земле, несколько провиантских повозок застряло посреди улицы и фуражиры, отчаянно матерясь, пытались тянуть лошадей вперёд, рвя уздечки. Вдоль дороги то тут, то там, виднелись раненные: некоторые пытались идти в лазарет, опираясь на руки товарищей и тихо стоная, прочие же просто молча сидели, опираясь спиной на обугленные брёвна ещё уцелевших построек, и те, кто мог, курили самокрутки, ожидая своих подвод. Его 27-я дивизия, вернее то, что от неё осталось, выдержала сегодня все атаки, но потеряла за эти несколько дней боев почти половину состава. Все офицеры были в большей или меньшей степени выведены из строя, судьба хранила только самого Дмитрия Петровича, хотя в последнем бою у городских стен, уже после отбития

Кутайсова, пуля пробила рукав его мундира, но даже не задела плоть. Когда остатки дивизии, наконец, сменили и отвели в резерв, он несколько часов кряду, валясь уже с ног от усталости, занимался, тем не менее, кипучей деятельностью по восстановлению боеспособности: проверял, как его солдаты разместились на биваке, принимал отчеты по выбывшим, формировал заново роты, батальоны и полки, писал приказы на повышение и награждение отличившихся, требовал от штаба армии свежее довольствие, патроны и фураж. Около полуночи он, наконец, прикорнул на полчаса, склонив лохматую голову прямо на походный столик, за которым сидел, но очередной пакет от командующего армией сразу поднял его с ног. Багратион извещал о вероятном наступлении завтра и велел дивизии стоять в ружьё уже к шести утра.

– Стало быть, если более сон не сморит, несколько часов у меня есть, – подумал Неверовский, и пошёл пешком в штаб.

Открывая скрипнувшую дверь, он не встретил никого, и, только ступив в крохотные узкие сени, увидел под темной дверью впереди себя узкую полоску света, и постучался. Дверь открыл сам Кутайсов, распаренный, в простой белой рубаше, явно довольный и даже слегка навеселе. По комнате шёл тонкий аромат какого-то южного вина, рядом на маленьком столике стояла миска с холодным мясом и лежала начатая буханка ржаного деревенского хлеба.

– Входите-входите, Дмитрий Петрович, рад что вы невредимы, рубка на вашем фланге была ужасающей, – привет-

ствовал он Неверовского, и, горячо пожав руку, посторонился, пропуская того к столу. Там, освещённая двумя-тремя лучинами, была разложена куча бумаг, генерал среди прочих заметил несколько незаконченных реляций по армии, штабные карты, какие-то военные чертежи, четверостишия и даже некие геометрические фигуры и уравнения. Все это лежало полукругом около походного стула, так, как будто хозяин работал над ними одновременно. Кутайсов, проследив его взгляд, веско молвил:

– Времени мало. Успеть хочу закончить все прожекты свои.

Дмитрий Петрович молча присел на низенький табурет у стола. Граф протянул ему наполненный вином хрустальный бокал, сам отрезал мяса и хлеба. Неверовского немного удивило отсутствие прислуги, повара, денщика, но и простота, с которой все было сложено и расставлено в комнате, показалась ему привлекательной. Он ещё раз достал перстень Берестова, выложил его на стол.

– Поручик Алексей Берестов пал три дня назад на моих глазах смертью храбрых, – утомленно и отрешенно сказал он. – И перед этим он просил меня найти вас, граф!

Кутайсов кивнул, переводя внимательный взгляд с перстня на Неверовского и обратно.

– Дмитрий Петрович, – спросил он вдруг очень спокойно. – Если Берестов отдал вам эту вещь перед гибелью, значит, вам что-то ведомо про глас грядущего, ведь так?

– Мой батюшка, будучи городничим в Золотоноше, говаривал мне, что есть некие посланники грядущего, и просил, отпуская на военную службу, оказать таковым помощь, какую смогу и как смогу. А более мне ничего не известно. Берестов, покойный, первым был за все время, кто пришёл ко мне. И я имею разумение что вы, Александр Иванович, что-нибудь мне расскажете, дабы далее я шёл по этому пути спокойно, и осознавая, что мне делать в следующий раз. А времени у нас уже мало, ибо через три часа мы должны, согласно приказу, атаковать неприятеля, посему слушаю вашу светлость со всем вниманием!

Кутайсов засмеялся и даже, показалось, обрадовался этим словам. Он с ироничным юношеским задором отрицательно потряс кудрявой головой.

– Дмитрий Петрович, я только что был на общем совете их высокопревосходительств главнокомандующего Барклая-де-Толли и командующего князя Багратиона. Там было много всего, что резало живьём по русскому сердцу, но итог один: решено Смоленск более не удерживать, а отходить в сторону Гжати и Можайска, дабы сохранить армию для решающего....

– Как! Опять отступать! Доколе же! – резко воскликнул Неверовский, и вскочил так, что табурет опрокинулся. – Мы сами отдаём супостату город, который только что такой кровью защищали! А что же наш князь...?

– Князь Багратион был в состоянии безумнейшей яро-

сти. Все генералы, и я первый из них, было замышляли уже бунт против главнокомандующего, дабы сместить его и самим дать назавтра генеральный бой Бонапарту. Но потом....

Кутайсов вдруг остановил свой пылко начатый монолог и неожиданно опустил в какую-то мечтательную задумчивость, замолкнув почти на минуту. Неверовский тоже молчал, не торопя его, обдумывая сказанное: генеральский протест против приказа Барклая, несмотря на его возмущение, казался ему уже абсолютной дичью, караемой по закону военного времени расстрелом. Свеча в углу кутайсовского стола тихо потрескивала, пуская огонь в пляс, и только этот звук нарушал стоящую в комнате тишину.

—...А потом я услышал глас, генерал,— сказал вдруг Кутайсов, подняв кудрявую голову. — А может эта мысль пришла мне сама, не знаю, право. В самом городе сражаться нет никакой возможности и смысла, Наполеон сюда напрямик теперь соваться не будет, а просто обойдёт нас с флангов. На равнине перед стенами у нас нет шансов: француз будет вдвое сильнее и разгром пуще фридландского ждёт нас! За городом места драться тоже нет: позицию искать надо, а пока отходить. Вот и получается: кругом прав наш главнокомандующий. Нужно сейчас не о славе своей, а о родине судьбе думать, все ради неё, ради неё, Дмитрий Петрович! И глас об этом же твердил мне сегодня!

— Что за глас это, Александр Иванович, мне не ведомо. Но с позиции военной стратегии вижу я этот вариант правиль-

ным сейчас, заманивать неприятеля вглубь к Москве надобно, дабы от снабжения отрезать его. Ибо, как сам убедился недавно, в открытом бою он силён, а стоит укрытие найти – и вот уже на равных мы бьемся с ним. Согласен я с решением этим, хоть сердце мое не приемлет его.

Кутайсов кивнул, тяжело повел головой и поднялся, смотря в глаза Неверовскому, казалось несколько мгновений, что он не может решиться, но наконец, выпрямившись, он начал говорить:

– Дмитрий Петрович, ибо вы уже столкнулись с этим... , то извольте меня выслушать. Я полагаю, что все это происходит на протяжении долгих веков, а может быть и всю историю человечества, прямо от момента творения, бог знает, был он или нет, ибо у некоторых менторов современной науки есть в этом сомнения. Суть одна: кто-то, а особенно и почти всегда в годину тяжких испытаний, вдруг слышит некие мысленные приказы. Я говорю некие, ибо не знаю точно их природу: от бога они, дьявола или каких-то других метафизических сил. Они приходят неожиданно, как некое озарение, идея, от которой трудно уклониться, приказ к действию, который невозможно не выполнить. Это действие может оказаться, как я знаю, ничтожным и простым, но и может требовать от человека полнейшего напряжения всех сил, как физических, так и нравственных, но и не всегда даёт результат, даже если сделано все, что возможно....

– То есть, – прервал его Неверовский, глаза которого уже

расширились слегка от удивления. – Приказ сей нельзя не выполнить?

– Вот то-то и дело, что можно и не выполнить, и даже не знаешь, лучше будет или хуже в конце. Но я сталкивался с сим гласом всего несколько раз в жизни своей, и всегда делал, как чувствовал. И сейчас я слышу его все чаще, а Берестов, упокой господь его душу, рассказывал мне, будто бы сие предвещают скорую гибель. То ли чувства обостряются, то ли страх притупляется, но всегда знамение несёт глас сей и на ратные подвиги даёт указание. Тому из истории примеров великое множество, и подвиг трёхсот воинов в Фермопилах¹⁸ есть наипервейший известный из них по времени: не будь царь Леонид им ведом, разве пошёл бы он на миллионное войско персов? А вот вчера, генерал! Вы сами свидетель тому, как войска ваши повёл я на супостата в самый нужный момент по велению гласа! Но чувствую я, что путь мой скоро закончится на поле брани, и, клянусь, лучшей участи для себя я не желаю!

– Так, стало быть, Берестов предчувствовал свою гибель? – спросил изумленно Неверовский. – Он даже не шёл, а буквально бежал к ней, зная, что она суждена, гм... , предсказана ему этим гласом? Он на моих глазах бросился на французские палаши! Да, он увлёк за собой солдат в атаку,

¹⁸ Фермопильское сражение – подвиг 300 спартанцев (реальное число больше), сражавшихся против 250 тысяч персов во время греко-персидской войны 480-479 гг. до н.э.

но смерть его удивительно безрассудной и самоубийственной мне видится. Не знаю, по чьему велению он это сделал, но думается мне, что это была воля лукавого, то есть глас сей есть какое-то дьявольское явление и следовать ему опасно... – с жаром закончил он.

Кутайсов засмеялся каким-то детским искренним смехом, затем дружески положил руку на плечо генерала, как будто пытаясь успокоить его, спросил:

– Хотите ещё вина, Дмитрий Петрович? – и, получив отрицательный ответ, аккуратно долил свой собственный фужер.

– Уверяю вас, я мог бы прямо сейчас привести вам тысячи примеров доброй природы данного явления, как вы выразились. Но лучше всего послужит делу вот это письмо, которое я получил от Берестова только сегодня, хотя послано оно было вестовым четыре дня тому назад, – и он вынул из-за пазухи свернутый вдвое аккуратный лист. – Посмотрите, и, надеюсь, вы многое поймёте!

«Граф Александр Иванович!», – прочел Неверовский красивые и ровные, крупными буквами написанные строки. «Намедни вечером глас вновь пришёл ко мне, когда вёз я его превосходительству генералу Раевскому походный приказ. Мы русские и судьба родины заботит нас более, нежели собственная, и посему был особо взволнован я, услышав, что наши армии обречены. Послезавтра Бонапарт займёт Смоленск и не даст нам соединиться – и тогда всему конец! Он

разобьёт Баркляя и Багратиона поодиночке и менее чем через месяц будет в Москве. В ночь отбываю я на Старую дорогу в 27-ю дивизию с важнейшим донесением, ибо только она на пути Бонапартовых войск сейчас стоит. Говорят, солдаты там совсем не обучены, и шансов француза удержать у них нет. Но попробую я пойти супротив предначертанного и сделаю все, что могу. А остальное меня уже не заботит, ибо путь мой почти что закончен. Прощайте, и да хранит вас Господь и глас грядущего!».

– Так, – сказал Дмитрий Петрович, отложив письмо, и, потрясённый прочитанным, пристально посмотрел на сидящего напротив графа. – ...Итак, то есть..., стало быть, он заранее все знал наперёд. Но как такое вообще возможно?

– Вы правы, генерал! – с жаром воскликнул Кутайсов, и, вскочив, начал расхаживать по светелке. – Слушайте: с Берестовым я встречался всего дважды, но во вторую нашу рандеву он рассказал мне многое из того, что я ещё не знал и что меня поразило. Он был очень сильно осведомлён о гласе, возможно, даже, смог постичь его природу! Он говорил, что ведомы ему события грядущего наперёд на несколько лет, и, хотя все давно предначертано, но избранная персона, зная, как всему быть, может попытаться это изменить!

В этот момент за малюсеньким слюдяным оконцем послышался легкий шорох, но ни граф, ни генерал, не обратили на него ни малейшего внимания: один продолжал с волнением рассказывать, другой слушал с не меньшим волнением,

слегка облокотившись на низкий стол с бумагами. Кутайсов продолжал:

– Генерал, эти попытки изменить грядущее – то, чему наш общий знакомец Берестов посвятил жизнь свою и карьеру. Он говорил мне ещё зимой о неизбежности нашествия Бонапарта, о том, что мы будем отступать и терпеть поражения, что француз будет в Москве и Петербурге, что смерть и кабала накроют нашу землю и это уже предрешено. Но ещё он искренне верил, что возможно все изменить, он писал мне, что нужно делать, чтобы это изменить. Якобы глас вещал ему о том, что можно заманить Наполеона вглубь нашей необъятной страны, заставить его потерять снабжение и взять измором, когда выпадет снег и придут морозы, когда он потеряется в наших диких лесах и полях, а мы будем вдвое, втрое сильнее его. Я постарался донести эту мысль до нашего главнокомандующего! И....

Кутайсов резко повернулся, продолжая свой монолог, но в этот момент раздался легкий щелчок и через мгновение в комнате оглушительно грянул пистолетный выстрел. Пуля, пролетев от окна через всю комнату, с треском ударила в лик иконы, висевшей в углу справа от фигуры графа. Неверовский вскочил и бросился в сени, на ходу вытаскивая шпагу, ошарашенный Кутайсов кинулся за ним, запнувшись по пути о порог светелки, но удержавшись на ногах. Оба они выскочили на затянутую гарью улицу и остановились, глядя то друг на друга, то по сторонам.

– Тихо! – прошептал Дмитрий Петрович, указывая шпагой в сторону угла покосившейся избушки, туда, где к ней привалился боком не менее покошённый, закопчённый сарай. – Стреляли оттуда!

И два генерала, крадучись в темноте, двинулись туда, держа оружие наготове. Но за углом никого не было. Только далеко, уже в конце улицы, слышалось удаляющееся постукивание конских копыт.

– Так, – сказал Кутайсов. – Стреляли явно в меня, упустили мы его уже, Дмитрий Петрович, увы! Но мне и не суждено погибнуть сегодня, кто бы это ни был, нет, еще не сейчас... – задумчиво произнёс он, и как будто осекся в середине фразы, переведя взор на светлеющую на востоке полосу неба – это медленно и величественно поднималась заря, словно благословляя обугленный и заваленный трупами город, в котором до сих пор находились русские войска. Неверовский, пристально глядя на графа, нерешительно задал, почти выпалил из себя вопрос, который мучил его почти с самого начала их разговора:

– Вам, Александр Иванович, стало быть, тоже ведомо грядущее? И гибель своя, также как и Берестову, известна?

Сказав это, он будто бы осекся, в ожидании глядя на Кутайсова и молясь о том, чтобы его ответ был другим.

Но граф спокойно молвил, гордо откинув кудрявую голову:

– Ныне уберёт меня господь! Дмитрий Петрович, я рас-

сказал вам многое сегодня, а остальное пусть пока при мне останется. Перстень поручика Алеши Берестова, если вас не затруднит, пускай с вами теперь всегда будет – дабы мог узнать вас кто-либо ещё из тех, кого глас посылает. За сим имею честь откланяется! – и протянул руку, как будто не желая более разговаривать и прощаясь. Их рукопожатие было долгим, Неверовскому даже на миг показалось что последним, но потом Кутайсов отпустил руку, и, резко повернувшись, пошёл обратно в свою избу.

Дмитрий Петрович возвращался на бивак своей дивизии быстрым шагом, почти бегом. События ночи захватили его полностью, но как человек военный, он сумел отбросить мысли об увиденном и услышанном от Кутайсова. Молодой офицер, адъютант Багратиона, со свежим приказом о немедленном отступлении из города ждал его, как только он переступил порог своей палатки, и, только отдав новые указания своим офицерам, он вспомнил о том, что сказал граф про смысл данного решения командования. А ещё о том, что на его последний и самый важный вопрос граф Александр Иванович Кутайсов так ему и не ответил.

В это же самое время шевалье де Кроссье, переодетый в форму русского донского казака, аккуратно озираясь по сторонам, медленно ехал в сторону от центра города, возвращаясь обратно к своим. На окраине русских аванпостов ему не подалось, было такое ощущение, что никто не позаботился даже о вероятности неожиданного нападения. Про-

клятая беспечная страна, проклятый беспечный народ! Глас не возвращался, и де Кроссье вновь мысленно отчаянно ругал себя за это. Ему дали возможность избавиться от главного противника в русском лагере, не простого офицеришки, а человека из командования, действия которого под руководством гласа могут не просто все изменить, а повернуть вспять, привести Великую Армию к катастрофе! Дьявол его побери, ведь этот русский генерал был у него на мушке! И в самый последний момент, неожиданно, он избежал своей участи быть им убитым! Как же так, думал де Кроссье, это был его шанс, а что же теперь делать? В тягостных раздумьях он с утренней зарей покидал догорающий Смоленск, чтобы лишь несколько часов спустя туда вернуться.

Глава 19

2019 г., Евгений Соболев

В течение нескольких минут, я излагал Евгению Ивановичу подробности обнаружения этого документа. Он слушал не перебивая, но я видел, как дрожат его нервные, белые как снег, стариковские руки. Затем он отставил в сторону чай, достал из потертого кожаного футляра и нацепил на нос старые очки с треснутой, перевязанной синей изоляцией оправой, и начал медленно читать записку, поднеся её близко к белесым глазам.

– Понятно, – сказал он наконец. – Это написал именно тот Берестов, почерк его я ранее видел. Услышав глас с непонятными ему цифрами, он записал их и отправил записку куда-то, чтобы она нашлась именно вами, Максим. Наверное, сохранил в какой-нибудь старой библиотеке, не в Москве. Знать это мы теперь не можем. Он здесь предупреждает о чем-то, о какой-то беде. Ни вы, ни я, о ней не слышали. Значит, не могли слышать... или....

– Я думаю, что сейчас им стало труднее передавать свой сигнал. Пространство искривляется рядом с массивными объектами, мы с вами живем в городе, тут очень большое количество металла, с учетом невероятной микроскопичности

канала связи, возможно, на нас просто не могут навестись, – попытался объяснить я и подумал, что старик, наверное, ничего не понял, но он вдруг спокойно кивнул в ответ.

– Это только подтверждает мою версию, что поручик Берестов из 1812 года был почтальоном. Даже, как сегодня говорит молодежь, таким «продвинутым» почтальоном, который передавал полученные сообщения людям из совсем других эпох, посредством вот таких записок.

Я улыбнулся словам Соболева, но потом вдруг понял, что смеяться особо нечему. По всему, нас ждёт страшное событие, которое случится вот-вот, и случится в Москве. Может, уже случилось, пока мы здесь сидим и чаевничаем.

– Хорошо, что адрес состоял только из цифр, включая название улицы, – задумчиво сказал Евгений Иванович. – Как бы он в своём времени воспринял название улицы Коммунистическая, или, например, Джавахарлала Неру?

– Но, тем не менее, он привёл меня на улицу 1905 года, – ответил я. – И в тот самый день и час, чтобы встретиться с вами. А что дальше? Наверное, ведь вы знаете про это больше меня, вы должны мне что-то рассказать. Или как-то вместе мы можем... мы должны предотвратить бедствие, о приближении которого я слышу от них. И о котором, сидя по всему, также написал и этот Берестов. Скажите мне, ведь это так?

Соболев погрузился в глубокую задумчивость. Старческие глаза заволоклись пеленой, он так же, как тогда в суде,

сгорбленно нагнулся, и на мгновение мне показалось, что он спит. Но ещё через несколько секунд он вновь, по-военному выпрямившись, взглянул на меня.

– Максим, – продолжил он тихим, но столь же твёрдым голосом. – Я не рассказал вам ещё все, что я узнал. Знаете, ещё есть... люди совсем другого совсем сорта. Они также слышат этот голос. Но они никому его послания не передают. Они начинают действовать сами. Их дела, их поступки, или же, наоборот, их бездействие впрямую отражается на ходе событий. Я назвал их редакторами, ибо они как будто редактируют историю, делают её лучше... или делают хуже, но... делают. Как будто эти послания адресованы им напрямую.

Он остановился, замолк, тяжело дыша. Я понял, что он хочет сказать дальше.

– Евгений Иванович, – спросил я шепотом. – Вы – такой редактор?

– Наверное, не только я. Наверное, и вы тоже, Максим. Слышащий глас может исполнять разные функции – тут все зависит от его духа, сил, воли. Но мне уже слишком много лет... слишком много... ничего не осталось....

Он вновь пронзительно посмотрел на меня и громко, даже с каким-то легким надрывом, продолжил:

– Я уже ничего не могу! Даже, если бедствие грозит здесь всему – мне уже это не важно! Послезавтра мой праздник, который я всегда отмечал. Ещё лет десять назад в День Победы ко мне приходили из школы, где я преподавал НВП, а

сейчас... , я никому не нужен. Мне вот устроили уже подарочек на этот день – в суде! Ничего не хочу больше я! А вот вы, вы – совсем другое. Вы ещё молоды, вы можете это предотвратить, уж вам ли не знать? Расскажите мне, что слышите?

Я вдруг понял, что кроме чувства надвигающейся беды, у меня ничего нет. Ну как можно предотвратить то, что не знаешь? Я-то надеялся, что дед мне прямо все скажет, но, судя по всему, он тоже ничего не знает. «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу!» – как сейчас говорят насмотревшаяся западных сериалов молодежь. А у меня есть только... эта непонятная записка.

– Я тоже ничего не знаю, Евгений Иванович! – ответил я. – Глас до меня не доходит или доходит нечетко. Я думаю, возможно, если мне уехать сейчас куда-нибудь далеко от города, где нету масс металла, я, может быть, что-то и услышу..., а может быть и нет, я так понимаю, сигнал передаётся именно туда, где что-то должно произойти.

Вдруг я мимоходом будто осознал, почему знаменитые люди за вдохновением уезжали из городов далеко в глушь, может быть, они тоже слышали там глас более четко.

Соболев посмотрел на меня очень серьезно, с легкой укоризной.

– Ну и осел ты, Максим! – сказал он вдруг с чувством, как бросил в сердцах. – Неужели не понимаешь: тот, кто стал редактором, не может сдать, даже если больше не слышит глас. Ты думаешь, я всю войну его слышал, вот прямо каж-

дый день? Да ничего подобного, всего пару раз было. Шанс такой тебе даётся, и все. Ты же учил в институте физику, а вот философию, наверное, всю прогулял. Ну, подумай сам, что бы было. Ты же сам говоришь, что глас провоцирует на изменения в истории прошлого того, кто его отправляет. Что бы было, если бы история менялась каждую секунду, и в этом участвовало бы несколько людей сразу! Какая бы получилась катавасия! Кто-то не встретился, кто-то не родился, кто-то не погиб, ещё кто-то что-то сделал по-другому. Да может быть, и этого способа передачи информации, что ты мне описал, в будущем тоже бы не существовало. Нет же, я думаю, раз те, кто передаёт нам этот голос, меняют своё прошлое, делают они это аккуратно, тонко и точно, исключая все возможные случайности. Уж коли ты что-то от них услышал – это все, а дальше ты сам должен додумать, решить, делать что-то или нет, а более того, чем нужно, тебе они все равно не скажут. Так что, что именно ты слышишь?

Он слегка закашлялся, откинулся назад и прислонился к закопченной стене кухни спиной. Я видел, как он стар и слаб, и про себя даже поразился, что в таком возрасте он, несмотря на физическую немощь, сохранил ясность и остроту ума. Вот ведь он как все разложил по полочкам, объяснил мне самую суть. И все стало будто проясняться, начиная от терзавших меня каждым вечером попыток вызова до этого непонятного убийства в Южнопортовом районе. Остался главный вопрос: что и где может произойти?

– Так, Евгений Иванович, – ответил я. – Чувствую, это должно случиться в Москве и очень скоро. Я слышу неясные намеки на некий теракт, который должен совершить одиночка. Недавно, чуть менее месяца назад, был убит один мелкий торговец радиоактивными материалами. В его квартире, среди никому не нужного хлама и старых книг, я будто бы по указанию голоса нашёл эту записку от Берестова. Вычислив указанный там адрес и время, встретил вас. Я думал, что голос дал мне прямое указание, но его нет. Только наша встреча. Вы мне объяснили массу вещей. Спасибо, благодаря вам я узнал очень, очень многое о тех, кто, также как и я, слышит сигналы, идущие из другого пространства и времени. Но пока это все. И я не знаю, что делать дальше. Прямой информации, команды нет.

Соболев тяжело прикрыл веки широко открытых в течение всего моего рассказа глаз и вновь глубоко задумался. Я молчал, ожидая, вдруг этот старик скажет что-то ещё, то, что приведёт меня к решению.

– Иногда чтобы тот, кто является редактором, что-то сделал, не обязательно вот прямо так слышать, – устало начал говорить Соболев. – Расскажу я тебе ещё одну военную историю. В начале 45-го мы наступали в Польше, тогда возле небольшого городка, не помню уже как он называется, наша пехота захватила плацдарм за Одером – узкую полосу три километра шириной примерно. Немцы атаковали их непрерывно танками, били из дальнобойной артиллерии, мешая

подходу наших резервов. Погода была дрянная, на наших аэродромах раскисшая каша, а их самолеты как раз с бетонированных полос взлетали. Получилось так, что с нашего 621-го полка только я и мог лететь – ИЛ мой отдельно стоял после вылета на куске поля, где земля еще более-менее твердая была, а остальные самолеты в грязи по стойки завязли. Вот и полетел я один без прикрытия, только со стрелком. Думал, что уже не вернусь, а по-другому нельзя было: получили приказ командования удержать тот плацдарм любой ценой. Я тогда в полете только услышал глас, что живым вернусь, и более ничего, но впервые за полтора года он ко мне пришёл, с того случая под Курском. Полетел я на свой страх и так хорошо подходившие немецкие «тигры» проштурмовал, что их наступление часа на два задержал, за это время наши успели укрепиться. Там я на зенитки нарвался и звено «мессеров» встретил, потрепали меня, стрелка моего сильно ранило. Но я в долгу не остался, сбил сразу пару их. Сел когда, самолёт был как дуршлаг, весь в осколках, но свою боевую задачу выполнил! Командир полка, майор Сухих Михаил Васильевич, уже не чаял живым меня увидеть. По итогам вылета меня представляли к Герою, но дали только орден Александра Невского – уж не знаю почему, я тогда за Родину воевал, а не за награды!

Но я все равно почувствовал в этих словах старика легкую горечь и обиду.

– Так, – закончил он, – я тогда своими действиями помог

нашим удержать тот плацдарм, с которого через два месяца на Берлин пошли, и это почти безо всякой помощи свыше. Вот и сам суди, значит даже не слыша, а только зная про глас, человек может менять историю, вершить малые дела, которые потом превратятся в крупные события. Так что, Максим, думается мне, что скоро ты сам, без моего совета, поймёшь, что надо делать. Так было и есть со всеми, кто его слышат, поверь. Я это точно знаю, я про это многое... читал. Устал я очень сегодня, пора мне...

Видя, что старику уже тяжело, я поднялся, попрощался, и, полный раздумий, стал собираться домой. Пожимая мне руку, Соболев сжал ее неожиданно крепко, и спокойно кивнул, передавая мне какую-то невероятно светлую, по-стариковски щедрую улыбку. Я оставил ему свой номер мобильного телефона, он записал его в тот же исторический альбом, рядом с портретом адъютанта Берестова. О, если бы я знал, если бы понял уже тогда, насколько проницательнее меня он оказался! Он, как и тот голос, давал мне неясные намеки, которые я по своей глупости не смог тогда распознать. А я ведь мог его спасти тогда!

Соболев позвонил мне на другой день, это было 8 мая, уже поздним вечером. Я даже не сразу узнал, и не расслышал в трубке его кашляющий тихий стариковский голос, и только по определителю номера догадался, что он звонит из своей квартиры.

– Здравствуйте, Евгений Иванович! – громко сказал я. –

Как вы себя чувствуете?

– Обычно, Максим, обычно! – отвечивал он и сразу перешёл к делу. – Знаете, Максим, я только что был в том суде. Посмотрел бумаги по моему делу.

– С какой целью? Чем вам помочь? Хотите, помогу вам нанять юриста для подачи апелляции?

– Это все пустое, да и черт с этим судом! Максим, мы упустили то, что было у нас перед глазами. Я ведь всю ночь не спал, думал. Я ночью редко и мало сплю сейчас, молодой человек. Ну так вот, я понял их замысел. Максим, они не зря свели нас вчера. Мой этот дурацкий глупый суд, и... эта записка, что вы нашли, это все было ими просчитано. Мы и не представляем себе, сколько факторов они там, в другом пространстве и другом времени, как вы говорите, смогли учесть. Мое прошлое, ваше настоящее. И все, чтобы мы могли изменить наше будущее, наверное, чтобы мы предотвратили то, что может случиться. То, что вы слышите столь неявно, как вы утверждаете!

– Я пока не очень вас понимаю, Евгений Иванович, – пытаюсь сообразить, ответил я. – Что вы имеете ввиду? Наша встреча....

– Не имела значения, – нервно и громко перебил он меня. – Все дело в том, кто ещё там был. Максим, я сейчас еду в Голицыно, адрес – проспект Керамиков, дом 78, квартира 21. Там живет этот юрист, что меня засудил. А вы его тоже видели. Те, кто посылает голос почтальонам и редакторам,

показали нам его. А мы даже не догадались. Его зовут Дмитрий Иванович Лозинский, адрес мне дали в суде. Он ещё тогда мне не понравился. Я думаю, – он отрывисто закашлялся, голос перешёл на хрип, – я думаю, именно он тот, кто что-то должен сделать. То, что вы чувствуете, то, что может произойти. Ну, или хотя бы как-то с этим всем он связан.

Я подумал, что это ерунда. Какой-то непонятный адвокат с рязанской физиономией – и готовит что-то вроде глобального теракта в Москве? Да у него банально нет таких возможностей. Ведь по моему рассуждению, это должен быть кто-то вроде маньяка – одиночки. Стоп...!

– Максим, вы не верите? – глухо спросил Соболев в трубку. – Ну, подумайте, вспомните, разве этот голос приходил к тебе с тех пор. Давай, думай, дурак!

Его резкий переход с «вы» на «ты» будто бы подбросил меня. Я вспомнил, что сегодняшняя ночь была первой за много месяцев, когда я не просыпался в холодном поту и с горячим чувством грядущего ужаса. И день был первым за долгий период, когда я не ощущал попытки голоса добраться до меня через миллионы парсеков искривлённой чёрными дырами пространственно-временной смеси.

– Я еду, Евгений Иванович! Встретимся там на месте. Только ни в коем случае не заходите туда к нему без меня. Вы как поедете туда?

– Я заказал такси. Шофёр, наверное, сейчас удивится, что везёт старика в ночь черти куда. Машина уже внизу, я сейчас

выхожу, времени мало.

Он бросил трубку прежде, чем я успел ещё раз крикнуть ему:

– Не заходите туда, ждите меня!

Мысленно проклиная стариковское упрямство, я схватил АйФон и слетел вниз к своей машине, на ходу вбивая в Яндекс-Навигатор тот адрес в Голицыно. И надеясь, что Соболев, все-таки ошибается....

Глава 20

1812 г., Александр Кутайсов

Я видел алый снег Эйлау,
Смоленска стены, все в огне.
Но завтра здесь, где ждет нас бой кровавый
Сыграют тризну и по мне....

О други, в час перед закатом
Я воинству отдал последний свой приказ:
Чтоб гением войны ведомым супостатам
Да не сломить вовеки нас!

И пусть тот глас, что вел меня на поле брани,
И что шепнул мне здесь об участи моей,
Проводит завтра нас в элизиум с друзьями,
Которым суждено пасть среди сих полей!

Александр Иванович дописал последнюю строку столь чудно сложившегося в голове стихотворения, кинул помятое гусиное перо в походную чернильницу, легко поднялся, и, откинув полог палатки, вышел в душную августовскую ночь. На востоке небеса уже медленно начинали светлеть. Вдалеке, наверное, на расстоянии с пару верст или около того, сияла почти сплошная линия неприятельских костров. В ночном воздухе стоял тяжелый смешанный запах дыма, земли и навоза: ведь на относительно небольшом изрытом хол-

мами и ручьями пространстве вокруг деревеньки Бородино находилось тысяч триста людей, изготовившихся уже через несколько часов пойти и убивать друг друга, а также почти сто пятьдесят тысяч лошадей, призванных им в этом помочь.

Относительно себя Кутайсов был вполне уверен: ещё вчера друг и старший товарищ Ермолов¹⁹, по-отечески увещевая его не соваться в самое горнило боя, вдруг остановился и резко сказал:

– А, впрочем, вижу, друг мой, печать на тебе, убьют тебя завтра ведь!

Он не стал, по обыкновению, горячо возражать: глас сказал ему уже давно, что участь его решиться в генеральном сражении недалёко от Москвы, а битву новый командующий, одноглазый Кутузов, собирался дать решительную, и до древней столицы было отсюда не более ста вёрст.

Гораздо сильнее сейчас занимал его результат самой предстоящей баталии – тот же неведомый собеседник кратко изложил ему, будто русские обречены на тяжелое поражение, и выходило так, что главный свой удар мощные корпуса Бонапарта нанесут во фланг у крошечной деревни Семёновское (или Семеновка, точно граф не помнил). Там, в недостроенных земляных укреплениях, стояли, сильные боевым духом, но изможденные трехдневными арьергардными стыч-

¹⁹ Ермолов Алексей Петрович (1777-1861) – русский военачальник и государственный деятель, герой Отечественной войны 1812 года, начальник штаба русской армии.

ками, дивизии армии Багратиона, в том числе и его новый знакомец, генерал Неверовский.

Как русские смогут сдержать таранный удар Великой армии, Кутайсов не знал. И глас тоже ему не помог – прямого указания, идеи или простого совета Александр Иванович на сей раз не услышал. И, памятуя о письмах Берестова, решил действовать на свой страх и риск: решив, что знания итога завтрашнего сражения уже достаточно, попробовать повлиять на тактику своей непосредственной вотчины – артиллерии. Мысль пришла неожиданно легко, после вчерашнего объезда вместе с фельдмаршалом и его свитой расположения батарей вдоль всей боевой линии. Приказ, который он написал по армии и моментально подтвердил у Баркляя и Багратиона был чудовищно крамольный и по своей сути опровергал неписанный закон и долг любого артиллериста: сберегание пушек в сражении от захвата их противником любой ценой! Кутайсов писал:

«Подтвердите во всех ротах, всем командирам и господам офицерам, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел должно выпустить в упор...».

Закончив текст и передав его адъютантам во исполнение, он потрянул кудрявой головой и поднял чёрные глаза к небу: все свои пушки он готов был отдать на жертву завтра, лишь бы роковое пророчество не сбылось! Все, все ради Родины!

Не дать неприятелю, ведомому величайшим полководцем, победить. А его жизнь не важна, она уже забирает последние часы! Завтра, нет, уже сегодня, он встанет пред Создателем, а может и пред теми, от кого исходит глас!

Заря медленно разгоралась, открывая холмы, курганы и прикрытые мелким лесом речушки. Русский лагерь начал неторопливо подниматься. Вдали, у села Шевардино, там, где стояли французы, было еще темно, но и их бивачные костры уже гасли, солнце неуклонно шло вверх и в его лучах русские шеренги занимали свои позиции. Канониры проверяли напоследок орудия, кавалеристы поили и чистили коней. Напряжение близкого боя заставило Кутайсова передернуть плечами, и он завистливо посмотрел вверх, на продолжающее светлеть небо: денёк сегодня обещал быть погожим.

Возвращаться в палатку Александр Иванович уже не захотел. Бумаги, сложенные на столе, были почти закончены, самые важные реляции запакованы и двум его молодым адъютантам настрого наказано отправить их в Москву с первой же оказией, а далее в Петербург, в военное министерство. Денщик Василий, старый, седой и веселый походный товарищ, как всегда со своими прибаутками подвёл Кутайсову его белую лошадку, накинул на плечи мундир с эполетами и всеми боевыми звёздами, наскоро перекрестил. Он выдохнул, хотелось что-то сказать, но к горлу подступил комок, и Кутайсов отвернулся. Он решил не прощаться, а попытался сосредоточиться на предстоящей баталии. Солнце уже под-

нялось из-за дальних холмов, теперь было видно почти все поле, на котором, куда не кинь взгляд, были построены войска, еще укрытые белесой дымкой утреннего тумана. Вздыхнув, Александр Иванович кивнул Ваське напоследок, тихо тронул шпорами трепещущие бока своей лошади и поскакал в сторону деревеньки Горки сильно позади русских позиций, на невысоком кургане близ которой был поставлен низенький походный столик и вокруг стояли штабные и гвардейские офицеры: все ждали главнокомандующего. Подъезжая, Кутайсов уже видел небольшое волнение в толпе людей на холме, одетых в парадные мундиры, покрытые звездами и лентами. Кто-то, сидя на барабане, уткнулся в разложенные прямо на сухой траве карты местности, другой, вытянувшись, пытался безуспешно разглядеть через наблюдательную трубу позиции неприятеля. Ему дружески кивнул своим орлиным взглядом стоявший рядом со столом в окружении других генералов и со своей неизменной курительной трубкой в руке начальник штаба, чернявый Алексей Петрович Ермолов. Наконец, через несколько минут, все взоры обратились на группу людей, приблизившихся к пригорку почти одновременно с Кутайсовым: младшие чины, поднимаясь с земли, отдавали честь тучному человеку в простом сюртуке и фуражке, уже слезавшему со своего невысокого конька. Кутузов, тяжело ступая и постоянно крестясь, подошёл к подготовленному для него стулу и тихим голосом приветствовал собравшихся:

– Доброе утро, господа! Надеюсь, матушка Пресвятая Богородица не оставит нас сегодня своей помощью!

И нагнулся над поднесённой Ермоловым картой с наспех нарисованной тушью текущей диспозицией войск. Не прошло и нескольких мгновений, как с запада вдруг грянул ещё отдаленный, но такой знакомый Кутайсову звук пушечного выстрела, пролетев через все поле, он резко оборвался, и, казалось, замер где-то среди кустов, торчащих на берегу небольшой речки совсем рядом. Затем вновь обрушилась тишина, как будто все десятки тысяч людей задержали дыхание почти на минуту, не слышно было даже конского фырканья, а солнце за это время поднялось ещё выше. И уже после этого все услышали далекий, но оглушительный гул, и земля под ногами мелко-мелко затряслась.

– Господи! – громко сказал кто-то из стоявших позади Александра Ивановича. – Все, началось!

На лицах наступающих французских солдат читалась решимость и одновременно страх. Пьер де Кроссье впервые в жизни видел такое единение и ужас тысяч людей, бегущих сквозь стелющийся по всему полю белый дым в уже третью по счету атаку на эти чёртовы земляные валы, за которыми колыхались кивера и штыки русских. Весь правый фланг Великой армии, построенный в мощные колонны во главе с маршалами Неем и Мюратом, сквозь барабанный бой и свистящие над головами ядра, летел навстречу смерти или славе. Де Кроссье скакал посреди пышной свиты, увлекаемой

вперёд самим Мюратом, в его неизменно щегольском расписном мундире, державшем в руке плеть и что-то постоянно кричавшем – гром орудий и гулкой стук барабанов мешал разобрать даже отрывки его возгласов. Уже в ста шагах от русских флешей пришлось замедлиться: все пространство впереди было покрыто телами, мертвые и тяжело раненные люди лежали вповалку с умирающими лошадьми, многие глухо стонали и хрипели, протягивая с земли руки к вновь пришедшим товарищам. Залп, грянувший с флешей, уложил рядом с ними ещё сотню храбрецов, ряды наступавших смешались, и, забыв про строй, уже толпа в синих мундирах, влетела наверх, круша земляные стены. Штыки, приклады, сабли, руки, ноги и зубы смешались в общую кашу рукопашного боя под бранную ругань и гортанные крики. Де Кроссье отчетливо видел, как высокий русский генерал, стоявший в первых рядах, отбивался саблей и подавал команды к атаке, как затем один из нападавших прорвался к нему и ударил штыком в плечо, и сам пал с пробитой головой в ту же секунду. Генерала шевалье узнал сразу, ибо дважды видел его ранее: на дороге в схватке среди дубов, когда передавал ему того раненого, что слышал Глас, и потом, в темной избушке в Смоленске, когда он стрелял в того русского, на которого тоже указал ему Глас. Мелькнула мысль: а что если он ошибся и убивать тайком нужно было именно этого, также, судя по всему, связанного с тайной грядущего, но теперь это уже не имело значения, ибо вот он здесь, ранен либо мертв, но и

это сейчас не важно в кровавом месиве боя на русских флешах. Лошадь де Кроссье, не доскакав до укреплений шагов тридцать, не смогла идти дальше, копыта увязали в истерзанных телах внизу, он резко дернул узду и чуть не завалился набок, расталкивая находившихся рядом офицеров. Ружейный залп с валов оглушительно грохнул, и двое ближних к нему адъютантов из свиты маршала упали со своих коней, кричащие и окровавленные. Все вокруг затянулось белесым дымом, под вопли и лязг металла солдаты вновь навалились на русские редуты, и в эту минуту глас настиг де Кроссье, буквально ввинтившись ему в затылок.

– Спасти маршала! – осенило его. – Спасти немедленно!

Шевалье обернулся и увидел: маршал Иоахим Мюрат, его любимый командир, вырвавшись вперёд, увлекал за собой наступавших через вал гренадёров прямо в лоб на выставленные штыки русских, его лицо пылало, он отчаянно шпорил своего темно-рыжего коня и извергал из себя ужасные гасконские ругательства, стараясь перекрычать свист пуль и рев орудий. Однако его дерзкая смелость уже не имела значения: шагах в двухстах, быстро приближаясь, со стороны русских позиций летела густая толпа кирасир, блистая доспехами и обнаженными палашами. Ещё минута – и маршал, гарцующий впереди всех, неизбежно погибнет или попадёт в плен! Де Кроссье, отчаянно крича, расталкивая других солдат, рванул прямо к Мюрату. Шестифунтовое ядро просвистело перед ним, обдав горячим воздухом лицо и вонзив-

шись затем в ряды французов, все круша и опрокидывая, но, не обращая на это внимание, он подскочил и схватил коня маршала за узду.

– Ваша светлоость! – заорал он, указывая шпагой на подступающий вал тяжелой русской кавалерии. – Надо уезжать. Немедленно, скорее, или...!

Спасаясь от неприятельских кирасир, де Кроссье и Мюрат вместе поскакали назад и еле-еле успели влететь и спрятаться за уже смыкавшимися рядами 33-го полка Вюртембергской пехоты, спешно строившейся в каре для отражения несущейся на них конницы. Отчаянная атака на эти треклятые русские флешы вновь захлебывалась...

Солнце стояло уже высоко и слепило даже через грязно-белые клубы дыма, непрерывно стелившиеся по всему окружающему пространству. Кутайсов прикрыл глаза, но не от блистающего над головой светила, а от вдруг нахлынувшего отчаяния. Заканчивался уже пятый час грандиозного побоища. Все было так, как он услышал ночью: несмотря на страшные жертвы его пушкарей, стрелявших до последнего ядра и затем рубившихся насмерть с севшей на орудия французской пехотой, Наполеон побеждал. Левый фланг был полностью сокрушён и отодвинут назад на пятьсот шагов, издали все видели пылающий там огонь и летящие дымовые клубы, под громовую артиллерийскую дуэль французы уже разворачивали свои колонны для решающей атаки на русский центр одновременно с двух направлений. На расстоянии по-

лутора верст от них шла непрерывная пальба из сотен орудий, и шальные ядра долетали иногда почти до пригорка, где стоял весь штаб. Кутайсов заметил, как вблизи вынырнули из дыма и подъехали один, а затем ещё двое адъютантов, с заляпанными грязью и копотью мундирами, на взмыленных, казалось, падающих с ног конях. Один из них, подойдя прямо к сидевшему Кутузову, наспех отдал честь и нагнулся к самому уху главнокомандующего. Александр видел, что пока адъютант говорил, тучное лицо Михаила Илларионовича сильно побледнело и осунулось, и он в какой-то момент тяжело поднялся, но затем, всплеснув пухлыми руками, вновь опустился на свой табурет. Впрочем, то, что новости плохие, было итак понятно, и граф вновь повернулся к залитому огнём полю.

– Вот сейчас, – подумал он, – сейчас Наполеон введёт в дело свою знаменитую Гвардию, и вся наша позиция от Семёновского до Маслова будет опрокинута за какую-то пару часов!

Горечь от поражения, потеря армии, завоевание врагом России: все пронеслось перед глазами в виде нескольких масштабных картин, чем-то напомнивших ему работы фламандцев, что он видел во время своего пребывания на учебе в Европе. Он повернулся опять к главнокомандующему, словно ища его спасительной мысли, ожидая решения, которое должно быть принято немедленно.

Но перед Кутузовым теперь стояли сразу три генерала:

высокий, подбоченившийся как орёл Ермолов, молодецватый, в щегольском мундире, Фёдор Уваров, начальник регулярной кавалерии, и приземистый, в простом кафтане, казачий атаман Платов. Он объяснял им что-то, поднимая руки и отчаянно жестикулируя, а они стояли молча, пытаясь вслушаться в его негромкую речь, заглушаемую орудийными раскатами, свистом пуль и далекими криками. Наконец он закончил, отдельно перекрестил каждого, и все трое прыгнули с пригорка и побежали к своим застоявшимся коням. Когда Ермолов, звеня шпорами, проходил мимо, знакомое ощущение завибрировало в голове Кутайсова, и он понял, что глас приказывает ему, против его желания, оставаться сейчас на месте. Александр Иванович на секунду задумался, в первый раз за все время, как он его слышал, захотелось сделать все по-своему. В память пришли строки одного из писем покойного Берестова:

«...исследуя природу оного, любезный мой Александр Иванович, уяснил я, что позыв сей не приказывает повиноваться ему непременно, тем паче иногда поступив супротив того, что вещает он, можно не только ход событий изменить, но и к лучшему действию их привести...».

Кутайсов быстро побежал вслед за Ермоловым, туда, где у подножия холма встревоженно стояли, вода ноздрями и слегка похрапывая, их боевые кони. Он ощутил на себе удивленный взгляд Алексея Петровича, тяжелая рука легла ему на плечо.

– Куда ты, брат? – спросил Ермолов, уже готовый было вскочить на своего чёрного иноходца.

– С тобой, Алексей Петрович, авось сгожусь более, чем тут на пригорке стоять, – весело ответил граф.

– Напрасно, напрасно ты, Александр Иванович! – начал Ермолов и в глазах его читалось явное намерение отговорить Кутайсова от столь опасного вояжа. – Ведь мое дело боевое, главнокомандующий шлёт меня в центр и на флешу для выяснения обстановки. А тебе, Александр Иванович, надо бы воротиться, вдруг его светлость тебя хватится по неотложному артиллерийскому делу, а ты где? Журил уже князь тебя, что не бываешь при нем, когда более всего ему надобен....

Случай сей Кутайсов помнил и зло сверкнул чёрными глазами в ответ. Два дня тому назад его искали по всему полю, когда надобно было срочно отправить заряды батареям, ведущим арьергардную дуэль с кургана близ Шевардино, а он, под впечатлением услышанного ночью гласа, предвещавшего поражение, в это же время яростно скакал куда-то вдоль всей нашей позиции, обдумывая свой будущий приказ о жертвенности пушек в предстоящей баталии. Было у него такое свойство: в момент работы мысли хотелось ему взлететь на своего белого арабского скакуна и мчаться-мчаться-мчаться, чем отчаянней была скачка, тем сильнее разгоняла она кровь и быстрее рождала идею. Как правило, именно в эти моменты таинственный глас приходил к нему всегда. Но теперь, вопреки тому, что он только что услышал,

вопреки разумению Ермолова, вопреки собственному военному долгу, он понял, что непременно должен ехать.

– Нет, Алексей Петрович, с тобой я! – вновь твёрдо сказал он, и поспешно вскочил в седло.

Ермолов пожал плечами и, укоризненно качая головой, поскакал в сторону окутанных дымом позиций. Кутайсов и несколько штабных офицеров устремились за ним вослед.

Проехав с версту, они остановились, пропуская проходящую плотной колонной по направлению к левому флангу резервную пехотную дивизию из корпуса генерала Дохтурова. Александр Иванович, вглядываясь в серые от дыма и копоти лица идущих солдат, читал в них такую непоколебимую решимость, которой он никогда раньше не видел ни у кого.

– Вот! – задорно подумал он. – Эти люди не смущаясь, радостно и спокойно, идут на смерть, зная, что возврата из боя нет. А чем же я хуже?

Ермолов, яростно шпоря свою лошадь, подъехал и своим поставленным штабным голосом, воспользовавшись паузой, стал кратко описывать ему ситуацию:

– Дело наше, кажись, табак, Александр Иванович! Флеша взяты, левый фланг, по слухам, сокрушён, все резервы ещё далеко. Его высокопревосходительство князь Багратион тяжело ранен, а возможно, уже и кончился. Войска его армии ныне в полном замешательстве, от каждой из дивизий, по слухам опять же, в строю – не более чем на пару батальонов! Офицеров повыбивало – спаси Бог! Все ждут только атаки

Гвардии для начала всеобщей ретирады по всему фронту... но ее нету! И чего так бережёт ее сегодня Бонапарт? А командующий наш, дабы оттянуть сей роковой момент, послал легкую кавалерию на дальний фланг французу, через речку, пощипать корпус принца Богарне. Да только пустое все это! Встанут их гренадёры в каре, пушки вперед поставят – тут наш лихой атаман сразу назад и покатится...!

Кутайсов улыбнулся, провёл ладонью по потному лбу, пришпорил своего араба. Пехота прошла, пока говорил Алексей Петрович, путь был свободен. Но Ермолов, взяв его коня за узду, вновь сказал ему:

– Александр Иванович, мы в самое пекло едем, там, на курганной батарее сейчас такой компот начнётся! Приказать тебе не могу, но как друга прошу, воротись назад!

– Нет! – коротко ответил Кутайсов, и, вновь вонзая шпоры в конские бока, первым тронулся вперед.

До стоявшей на большом кургане в центре русской позиции батареи в 18 пушек им оставалось не более шестисот шагов. Казалось, на этом месте клочкотал огонь, извиваясь и превращаясь в клубы не белого, а удушливого черно-серого дыма, заволакивавшего все вокруг. Было непонятно, кто и куда палит: ядра летели от полуразрушенных земляных валов в разные стороны. Вокруг кургана целыми табунами носились обезумевшие, только что лишившиеся своих седоков кони, оглашая воздух диким ржанием, отчетливо слышным сквозь орудийный грохот. От батареи то тут, то там, бре-

ли через поле по направлению к русским позициям разрозненные группки по трое, четверо солдат, раненные, хромая, опирались на свои ружья, боле-менее невредимые им помогали. Ермолов подскочил к одной из них, и еле стоявший на ногах, облокотившийся на плечи своих товарищей окровавленный поручик, завидев генерала, выпрямился, и с трудом приложил ладонь к виску, отдавая честь.

– Что там на батарее, братец? – быстро спросил Алексей Петрович, но и он, и стоявший рядом Кутайсов, уже будто заранее знали ответ.

– Ваше п. ..пре...восходительство! – запинаясь, с огромным трудом, стал докладывать офицер. – Мы...сделали что могли, батарея ... завалена телами... мы бились с французом на пушках...она захвачена!

Ермолов и Кутайсов переглянулись. Похоже, их вояж не имел теперь значения, центр, оказывается, уже занят, сейчас самое время императорской Гвардии обрушиться с фланга на прорванную русскую боевую линию и завершить дело.

– Только что... – отчетливо услышал глас Александр Иванович. – Это случилось только что, ещё есть время все изменить!

Решимость действовать пришла сразу же: Кутайсов поскакал вослед удаляющейся пехотной колонне. Домчавшись до головного батальона, он резко осадил коня, одновременно показывая шедшим впереди офицерам остановиться. Два ядра сразу ударились в землю перед ним, забрызгав комьями

земли, но он даже не обратил на них внимания. Подбежавший высокий и усатый полковник, с опаской косясь на гарцующего перед ним посреди смертоносного огня генерала, отдал честь.

– Какой полк? – громко спросил Кутайсов, стараясь сдерживать скачущего туда-сюда коня.

– Уфимский мушкетерский двадцать шестой дивизии, ваше высок...ство! – скороговоркой, стараясь перекрыть гром с батареи, отвечал тот.

– Разворачивайте ваш полк, полковник, надо атаковать курган, немедленно! – прокричал Кутайсов, все ещё борясь с непокорным ходом коня.

Полковник собрался было возразить, но рядом с графом выросла могучая конная фигура начальника штаба армии. Не пригибаясь под продолжающимися свистеть ядрами и пулями, Ермолов громогласно приказал:

– Полк, разворот в шеренгу для атаки. Штыки примкнуть! Знамёна, барабаны, выйти вперед. За мной на люнет – марш!

Спустя пару минут они двинулись, вначале нестройно и со страхом, затем все больше смыкая ошетилившиеся штыками ряды, прямо на курган, навстречу пылающему огню и бьющим почти в упор пушкам. Оба генерала носились вдоль всей шеренги, офицеры свиты Ермолова еле поспевали за ними. Пули, ядра, гранаты, вырывали солдат из строя, они со стонами падали, но на их место тут же вставляли другие.

– Держать строй! Вперёд! – кричали адъютанты, подбад-

ривая уже начавшую сбиваться на разрозненный бег шеренгу.

Барабанная дробь заглушала мерный гул тысяч шагающих, крики падающих раненых не были слышны в общем «Ура!», прокатившемся саженей за двести до почти невидимого в дыму смертельного люнета. Но вот уже первые ряды под меткими залпами французских ружей начали сбиваться в кучу и замедляться! Заметив это, Александр Иванович осадил коня, переложив шпагу в левую руку, правой сорвал с шеи свой крест ордена Святого Георгия 3-ей степени и высоко поднял награду.

– Братья! – закричал он, срывая голос. – Судьба Отечества нашего на сём кургане решается! Кто первый на вал взойдёт, тому и орден этот за храбрость! Все вперёд!

Подскочивший Ермолов уже расстёгивал седельную сумку. Опустив туда руку и достав целую горсть солдатских георгиевских крестов, он со всей силы зашвырнул их в сторону люнета, рвы которого были всего в пятидесяти шагах.

– Ребята! – загремел его голос. – Вот награды ваши! Кто первый дойдёт – тот и возьмёт! За мной!

С криком «Ура!» и выставленными вперёд штыками весь уфимский полк понёсся вперёд за двумя генералами.

– Держать строй, держать строй! – раздавались команды, вал атакующей пехоты взлетел на гребень кургана, и под дикие вопли и проклятия на разных языках везде закипела рукопашная бойня.

Русские рубили, кололи, грызли обезумевших французов, которым батарея за пол-часа до того досталась с ужасающими потерями. Кутайсов нёсся вдоль люнета, расталкивая и отбрасывая толпившихся людей, пытаясь найти место, где конь мог бы взлететь повыше. Наконец, справа он разглядел полуразрушенный участок вала, шагах в сорока от него, где почти не было сражающихся французов.

– Вперёд, за мной! – приказал он нескольким солдатам рядом, указывая шпагой в ту сторону.

– Стой! – врезался голос в его затылок, почти разрывая мозг. – Не туда, стой, стой, стооооо.....ооой!

Но Александр Иванович непокорно кивнул кудрявой головой, как бы отмахиваясь от этого пульсирующего в голове призыва, и устремился вперёд к валу, увлекая за собой пехоту. Белая арабская лошадь взлетела на гребень люнета, и Кутайсов въехал на вал. Прямо перед его грудью, всего в сажени, раскаленно пылало орудийное жерло, заряженное картечным ядром. Он остановился, зачарованно, как в тумане глядя на стоящую где-то далеко, казалось, на другом конце Земли, фигуру французского канонира с зажженным фитилем в руках. Но, чувствуя спиной также в оцепенении замерших позади него солдат, понимая, что его атака сейчас захлебнётся, граф, гордо выпрямившись, призывно взмахнул шпагой, толкнул шпорами лошадь и заорал изо всей мочи своё последнее:

– Вперееее..д!

Огонь вдруг вылетел из дула пушки прямо ему в лицо и заполнил все вокруг слепящей белой вспышкой. А затем стало невыносимо темно....

Ермолов стоял посреди только что отбитой курганной батареи и держался рукой за повязку на шее, на том месте, где по касательной прошла, выдрав маленький кусок плоти, шальная французская пуля, и отчаянно грыз свою курительную трубку. Дым немного рассеялся, и сквозь него были видны груды мертвых, умирающих тел, наших и неприятельских, лежащих вповалку почти на всём протяжении окружности вала. Муравьев, молодой адъютант, спотыкаясь, подвел к нему знакомую белую лошадку арабской породы.

– Вот ваше высокопревосходительство, только поймали! – доложил он.

Алексей Петрович подошёл ближе, глянул и сразу отпрянул: все седло, узда, сбруя и даже стремяна были забрызганы алой, ещё до конца не запёкшейся кровью.

– Тело нашли? – спросил он отрешенно, как будто зная что задает вопрос в никуда, и сознавая, что заранее знает ответ.

– Да где уж там! Там и не сыскать, ваше высокопревосходительство! – и адъютант неопределенно кивнул в сторону заваленного трупами вала справа. – Никто и не видел, как случилось сие, а если кто вдруг и видел, то, наверное, с ним там же лежит.

– Упокой господь отчаянную душу его! – и Ермолов, скло-

нившись, трижды наспех перекрестился, поминая своего боевого товарища.

Глава 21

1943 г., Константин Рокоссовский

Генерал снял фуражку, вытер рукавом катившийся по лбу пот и приложил к глазам свой старый полевой бинокль, наблюдая движение ползущих в сторону леса боевых машин. Прямо над головой, весело рыча, пронеслось звено штурмовиков, направляясь расчищать путь танкам. Наступление получалось, после пяти дней изнурительной обороны укрепленного района Ольховатки и Поньрей фронт покатился на север, казалось, почти не встречая сопротивления. Его армии буквально задушили могучие немецкие атаки, ценой больших жертв развернули их в противоположном направлении, и теперь начинали пожинать плоды перехваченной инициативы.

– Константин Константинович²⁰, – тихо обратился к нему стоявший рядом начштаба Малинин²¹, – танки пошли впе-

²⁰ Рокоссовский Константин Константинович (1896-1968) – маршал Советского Союза и маршал Польши, один из крупнейших военачальников Великой Отечественной Войны. Во время Курской битвы командовал Центральным фронтом, оборонявшим северный фас Курской дуги.

²¹ Малинин Михаил Сергеевич (1899-1960) – генерал армии, начальник штаба воинских объединений, которыми командовал Рокоссовский К.К.

рёд, но нам бы притормозить сейчас, в пекло с ними сразу не соваться, неизвестно, что там в лесу у немцев, пусть вначале разведают!

Рокоссовский поводил биноклем вправо и влево, прищуриваясь и стараясь различить что-либо сквозь дым и поднимающую танками пыль. Лес у Ольховатки, за которым, согласно оперативным данным, находился немецкий плацдарм, выглядел удивительно спокойно. Постоянный гул и рёв танков и авиации мешал услышать что-либо, но за развороченной воронками снарядов опушкой, казалось, не было ничего, кроме берёз и ещё не выгоревшей травы.

– Михаил Сергеевич, прикажите корпусу пока в лесной массив не соваться, ведь ни черта не видно, – попросил командующий. – Торопить наступление не будем, пусть авиация пока разведает.

– Вроде бы бойцы артиллерийского противотанкового дивизиона, что вышли на опушку западнее нас, видели в лесу «тигры» с час тому назад, – осторожно, но веско, сообщил Калинин.

– Так «вроде бы» или «видели»? – весело спросил Рокоссовский и выпрямился во весь могучий рост. – Если немцы делают контрудар, то мы бы уже с ним столкнулись, скорее всего. Что там наша разведка? Языка вчера в штабе допрашивал лично я, он подтвердил, что в лесу нет укреплений, линия обороны проходит севернее. Но как знать, немец умён, возможно, сюрприз нам приготовили.

–Но Ставка настаивает на наступлении, – также осторожно, зная своего командира, напомнил Малинин.

–А мы не будем торопиться пока,– ответил Рокоссовский, расстилая на капоте своего полевого «Шевроле» оперативную карту. – Вот, посмотрите, здесь, за лесом, предположительно, вторая линия их обороны. Где-то за ней позиции танковой дивизии «Викинг». В авиации у нас превосходство сейчас, вряд ли немцы будут двигать свои танки по открытой местности да в контратаку, они это прекрасно понимают. А вот напрямую через лес – вполне! Я бы так и сделал на их месте. Поэтому, Михаил Сергеевич, остановите пока корпус, а мы с вами подъедем поближе и посмотрим, что там и как.

Несколько десятков «тридцатьчетверок», получив команду по радиации, замерли почти у самой опушки, дымя и урча двигателями. Рокоссовский понимал, что тормозит наступление всего фронта, фланговые части которого уже начинали вклиниваться в немецкую оборону, но вот здесь, в центре, где ещё двое суток назад противник отчаянно наступал, а его войска не менее отчаянно оборонялись, спешить было точно чревато большими потерями: слишком много сил, по данным разведки, сконцентрировал за лесом Модель. Водитель вёл штабное авто через поле, перепаханное воронками от снарядов, мимо нескольких чёрных громад сгоревших танков и ещё не убранных, лежавших в разных позах человеческих тел. Лесок быстро приближался, машина и люди в ней тряслись, в эти секунды затишья и отвлеченности от главно-

го дела на Константина Константиновича вдруг нахлынули воспоминания. Почему-то вначале всегда приходило плохое: вспомнилось, как всего три с лишним года назад в тюрьме дюжий следователь вмазал ему по лицу со всей дури, опрокинув навзничь вместе со стулом, к которому тот был прикован, и выбив передние зубы. Как тогда странное ощущение возникло в голове, убеждение, что скоро все закончиться, что отпустят. Как неожиданно пришла мысль просить об очнике с Юшкевичем, его товарищем ещё по Гражданке, который якобы давал на него все показания, а на самом деле сложил голову на Перекопе. Потом, как в первые ужасные дни войны, ещё под Смоленском, он, останавливая и собирая в строй выходящих из окружения солдат, по сути оборванцев, небритых, голодных и злых, нашёл в старом окопе у дороги грязную жестяную коробку с несколькими кусками затвердевшего мёда и непонятной ему запиской, старыми буквами, которыми он писал, ещё будучи школьником в Варшаве. И тогда тоже неожиданно в голову ударила уверенность, что даже с этими потрясёнными и уставшими людьми, рубеж обороны у Ярцево он все равно удержит. И как в один из страшных моментов, когда эти все-таки люди побежали, не выдержав немецкой атаки, он, под градом пуль и снарядов, взяв за локоть своего начальника артиллерии, поднялся и встал с ним над бруствером окопа. И крик одного из офицеров с малорусским говором:

– А ну, назад, бисовы дети, генералы стоят, а вы тикаете,

назад, вашу мать так-растак!

И чувство радости, когда увидел возвращающихся обратно, воодушевленных, готовых умереть за него бойцов, и пришедшая свыше убежденность, что ни один осколок его сегодня не коснётся....

Резкий толчок от остановки автомобиля прервал эти воспоминания, как будто вырвал из забытья обратно в реальность. По годами натренированной привычке Рокоссовский вновь сконцентрировался на боевой задаче, и только на ней. Вылезая из машины, стоявшей на самой опушке у края воронки, он напряг слух и попытался отфильтровать гул от стоявших в трехстах метрах с включёнными моторами, остановленных своих танков. Его ухо уже уловило другое: далекий, но приближающийся лязг, а также хруст от ломаемых деревьев. Понимание пришло почти сразу, он, пригнувшись, заскочил обратно в свой «шевроле» и крикнул:

– Танкам немедленно приготовиться к атаке, стрелять с ходу. Вызвать авиацию, пусть штурмовики бьют прямо по опушке!

Сидевший рядом с ним Малинин схватился за рацию и заорал в трубку:

– Второй, второй, это первый, танки в лесу, слышишь меня, второй..., черт!

Рядом оглушительно бухнул снаряд, обдав машину комьями земли, песка и клочьями вырванной травы. Впереди, среди деревьев, уже мелькали белые кресты поверх камуфлиро-

ванной брони: первые танки были совсем близко, метрах в двухстах от них. «Тигры» шли широким фронтом, занимая почти всю опушку, тяжелые, с лежащими на них поломанными ветками, они казались какими-то фантастическими вепрями, вдруг выползающими из лесной чащи.

Водитель Рокоссовского лейтенант Мозжухин быстро развернул автомобиль, но, наехав на край воронки, забуксовал, пытаясь выровнять машину и не съехать в кювет. Малинин продолжал бешено кричать что-то в рацию. Головной «тигр» был уже близко к ним – гораздо ближе, чем свои «тридцать-четвёрки», и он быстро двигался вперёд, как будто даже не замечая происходящее. «Шевроле» с двумя генералами оказался между двух огней, в самой гуще начинающегося танкового боя. Выехав полностью из леса, немецкий танк как будто замер на несколько секунд, а затем неторопливо начал разворачивать башню градусов на 30 влево, наводя ее как раз в сторону замеченной его командиром русской штабной машины, застопорившейся в выбоине прямо перед ним. Начштаба дернул командующего фронтом за рукав, дабы тот быстро выскакивал из авто и падал в воронку в надежде спастись, но Рокоссовский даже не шелохнулся, он с плохо скрываемым удивлением смотрел на другой «тигр», быстро несущийся по опушке прямо к первому и уже находящийся от него буквально в четырёх-пяти метрах. Все случилось за две секунды, второй танк со всей силы передом врезался в борт первого, выбивая сноп искр от удара железа о железо.

Две боевые машины сцепились, как два борца в клинче, затем пушка второго «тигра» с треском сломалась, но и первый уже не мог стрелять – его башня сдвинулась от сильного удара, орудие заклинило, он пошёл юзом и чуть не завалился на бок. Водитель Рокоссовского наконец-то, отчаянно дергая туда-сюда рычагом коробки передач и тихо, но отчетливо, матерясь, справился с машиной и рванул, взревев мотором, в сторону уже катившегося вперёд к лесу грозного бронированного вала. Находившийся в головном танке командир второй армии Родин моментально отреагировал на команду и бросил свои машины вперёд, навстречу немецкой контратаке. По краю леса вдруг пошли десятки разрывов, полетели обломки деревьев и огромные комья земли: это подоспевшие штурмовики начали долбить РС-ами голову немецкой наступающей колонны. Буквально за 5 минут непрерывной пальбы с земли и с воздуха эта часть леса была превращена в месиво, посреди которого осталось дымить несколько искореженных тигров, остальные вместе со своей пехотой ушли обратно.

Рокоссовский перевёл дух, вылез из остановившегося за линией своих танков «шевроле». Справа и слева уже докладывали об успешном наступлении, отбитых контратаках, больших потерях немцев в технике и людях, о том, что фронт откатился километров на пять, что оборона противника трещит по швам, что танки и пехота его ударных дивизий идут вперёд почти без сопротивления, через разбитую артиллерию-

ей и штурмовиками немецкую полосу обороны.

– Значит, это была их последняя контратака, – подумал Рокоссовский. – Было бы глупо и скучно погибнуть в этот момент.

– Михаил Сергеевич, – обратился он к Малинину. – Там опушку расчистили, от тех «тигров» осталось что-нибудь?

Поговорив с кем-то из офицеров возле командирского танка, начальник штаба вернулся и доложил:

– Один тигр – в клочья, снаряд с ИЛа попал в башню, пехота уже посмотрела, внутри сплошное месиво. А второй интересный очень, полного экипажа нет, двух человек только достали. Один весь обгорел, сразу скончался, а вот другой... , вроде как наш, говорит, что лётчик, в плену был, тоже весь изранен, но жив и в сознании. Его «смершевцы» допрашивать увезли в Поныри, мало ли кто он и откуда.

– А ведь по всему выходит, что они нас спасли, Михаил Сергеевич, – задумчиво сказал Рокоссовский. – Тот «тигр» нас расстрелял бы так, что и трухи не осталось. Если это наши летчики сбежали из плена, да ещё и на танке, то им ордена положены! Вы передайте комендатуре в Понырях от меня записку, чтобы дело своё делали, но допросами человека не мучили – как только личность выяснят, в часть запросить и сразу его в госпиталь! Ясно?

– Ему ли не знать про допросы! – вдруг подумал Малинин, протягивая командующему планшет с бланком для подписи. Константин Константинович аккуратно расписался внизу и,

возвращая бумагу начштаба ещё попросил:

– Да, и, если все с этим летчиком окажется, как он говорит, то до госпиталя его приведите ко мне, хотел бы с ним приватно поговорить.

Затем он повернулся к уже поставленному рядом походному столику, на котором двое штабных офицеров разложили карту. Красным цветом на ней сияли, отмеченные толстым карандашом, жирные стрелки, показывающие сегодняшнее наступление советских дивизий. Он уже знал, что теперь направление таких стрелок будет только одно: вперёд, на запад.

Глава 22

1812 г., Александр Кутайсов

Вечер упал на землю вместе с первыми каплями унылого осеннего дождя и легкими, но пронизывающими порывами холодного северо-западного ветра. Разбитая и грязная дорога от Можайска тянулась в сторону Москвы как длинный кусок грубой бечевы, разрезавший буро-зелёный холст начавших терять листву лесов и желтеющих скошенных полей, и по нему, подобно муравьям, ползли, скакали и шли повозки, всадники и люди. Изрядно поредевшая после Бородино французская армия была хмура, голодна и недовольна, ее боевой дух низок, ее вождь – раздосадован и не уверен в конечной цели похода. Бредущие гренадёры бросали злые взгляды на то и дело проскакивавших мимо конных вестовых, возникшие ругались с кавалеристами, кавалеристы – с пехотой, егеря и прочие пехотинцы – друг с другом. Только нетронутая в побоище Гвардия императора прошла здесь ещё день назад чеканя шаг, прочие корпуса двигались нестройно, медленно и неохотно.

Позади всех, растянувшись на почти на пару лье, медленно плёлся обоз с ранеными. Это было настолько ужасающее и рвущее душу зрелище, что сам Наполеон велел пу-

стить его, только когда пройдут все войска! Среди лазаретных фур, которые еле-еле тянули куцые голодные лошадки, медленно шли окровавленные, замотанные и шатающиеся люди, больше похожие на призраков или ожившие трупы. Стоны, возгласы и рыдания сопровождали печальную процессию на всём ее протяжении. Время от времени кто-то валился с дороги в грязь – к нему подходили, осматривали и чаще всего уходили прочь, оставляя беспомощного солдата умирать на обочине. Тяжелых, тех, у кого оторвало ногу, перебило хребет или ударило пулей либо картечью в голову, везли на трясущихся скрипучих повозках, причиняя им ещё большие страдания. Они метались в горячечном бреду, извергая ужасные выкрики на десятках разных европейских языков, либо просто лежали неподвижно, так, что невозможно было понять, жив человек или уже кончился. Хлеба, водки, мяса им почти не давали, питьевая вода была ограничена, солдаты быстро умирали в этой ужасающей какофонии стонов, окриков и лошадиного ржания.

В одной из повозок, накрытый рваной шинелью, неподвижно лежал человек неопределенного возраста, вроде бы ещё молодой телосложением, но лицом и седой головой практически старик. То есть лица у него почти не было: больше чем наполовину его закрывала окровавленная грязная тряпка. Изуродована, обожжена и изломана была вся его левая половина – рука оторвана по локоть, плечо, шея и лицо обожжены и покрыты страшными шрамами, скула, челюсти

и ребра сломаны, ухо вырвано, левый глаз выбит. Он был худ и жалок, но при этом лежал молча, ничего не просил и никак не выдавал ужасающие физические страдания. Но время от времени возница, низенький пожилой гасконец, смачивал его стресканные остатки губ водой или вливал туда ложку холодного бульона. Ему приказали делать это, но даже без приказа было видно, что без этой минимальной помощи мужчина сразу умрет. Оборачиваясь, возница иногда посматривал на лежащего и в душе радовался, что везёт его одного: на соседних подводах такие раненые лежали втроём или вчетвером вповалку и постоянно стонали. Этому же офицер из свиты Мюрата повелел выделить индивидуальную повозку и каждые несколько часов подъезжал проведать лично. А особенно удивляло, что этот раненый, судя по цвету заляпанного кровью мундира и грязным золотым эполетам, был неприятельским высшим офицером, которого нашли в гуще своих убитых на поле невиданной ранее битвы.

Кутайсов не бредил, но боль постоянно то отступала, то приходила вновь, сполохами огня обжигая лицо и грудь. Голова раскальвалась от дикой, всепроникающей и буравящей лихорадки, а слева он не чувствовал вообще ничего, как будто половину его просто отрезало. Вчера подъезжал французский лекарь, осмотрел раны, чем-то смазал и накрыл прожженное до кости лицо и плечи, забинтовал культю и громко сказал кому-то стоявшему рядом (кому именно, Кутайсов не видел):

– Пара дней, не более!

Дождь принёс небольшое, но облегчение: повозка была открытой, свежая прохлада упала на его истерзанное лицо. Глас только стал сильнее: все три дня, с того момента как он застонал во мраке, посреди груды окровавленных тел, услышав рядом возгласы и окрики на французском, как его несли через все поле в лазарет, затем несколько часов оперировали, зашивая и смазывая свежие раны, как потом подошёл этот кавалерийский офицер, де Кроссье, и его положили на подводу, и ещё двое суток пути по тряской и пыльной дороге к Москве – все это время он его слышал.

Судьба страны, казалось, была решена окончательно и ничто не могло её изменить. Русская армия была обескровлена в жестокой битве на бородинских полях, и в конце следующего января, пытаясь защитить Петербург, почти полностью погибнет в изнурительном четырехдневном сражении на озере Ильмень. Москва в ближайшее время, а через полгода и северная столица, будет взяты, трон российский не падет, но император Александр будет вынужден заключить позорнейший мир и стать вассалом Французской империи. Европейское вольнодумство и порядки навсегда изменят Россию, превратив её в сырьевой придаток мегадержав Франции и Англии, заключивших между собой договор о вечной дружбе уже летом следующего, 1813-го года. Наполеон станет главным властителем мира, а родина Кутайсова погрузится в пучину темных времен, став колонией вроде Индии

или Сиама!

Глас рассказывал это Кутайсову, заставляя его воображение рисовать ужасные картины плена и запустения. Но в то же время Александр Иванович чувствовал что-то ещё: в интервалах между этими вспышками острой, сотрясающей все тело боли и обиды, он мучительно пытался найти решение. Зная ещё от Берестова, что предсказанное гласом может быть изменено, он анализировал ход событий и думал над тем, что и как можно сделать. Что может лично он, тяжко раненный инвалид, которому осталось несколько дней, а то и часов жизни? Что он может? Что?

Тяжелая капля дождя упала на его правую, уцелевшую щеку, и веский, впечатанный в мозг приказ пришёл вместе с ней:

– Ты должен жить! – разорвалось у него в голове одновременно с первым раскатом приближающейся грозы. – Они должны покинуть город до зимы! Сделай это! Сделай это!

Он вдруг понял, что его жизнь может стать залогом победы над врагом. И то, что он сейчас, пусть раненый, окровавленный, но в их лагере, может сейчас ему помочь в этом. Усилием воли Кутайсов попытался приказать, заставить себя не умирать сейчас. Он еще хочет жить, отдать свои последние дни, часы и мгновения родине!

Осознание этого желания выразилось в рывке сознания, напрягшем его последние силы. Его жилы вздулись, изломанная грудь поднялась, из истерзанных губ раздался сла-

бый и тихий, но первый с момента ранения стон. Возница-француз обернулся, с удивлением глядя на все эти два дня безмолвно умиравшего, но внезапно ожившего искалеченного русского. Но уже через секунду Александр Иванович бессильно упал на подводу, потеряв сознание от вновь нахлынувшей боли.

Шевалье Пьер де Кроссье подъехал к кутайсовской подводе, когда уже сильно стемнело и обоз с ранеными собирался остановиться на привал. До Москвы было лье пятнадцать всего, головные части французов, включая конную гвардию, по слухам, уже находились в оставленном Кремле, все ждали торжественного въезда Бонапарта в город. Несмотря на ужасы, испытанные и увиденные им на кровавом поле генеральной баталии, мюратов адъютант пребывал в отличном расположении духа: глас, который приходил в его разум уже третий день подряд, обещал французам отдых в древней столице, накопление и пополнение сил и решительную победу над русскими уже в первой половине следующего года. Де Кроссье, лишь легко задетый штыком в плечо во время одной из последних атак на флешу, был бодр, весел, говорлив, ощущение радости переполняло его и он был готов поделиться ей со всеми, кого встречал на дороге, и только этот раненый русский вызывал у него легкое чувство сомнения и даже досады, ибо по всему казалось, что он уже давно должен был быть мертв.

Тем не менее именно шевалье узнал в искалеченном и

безмолвном, привезённом кирасирами вечером с большого редута теле того самого генерала, которого он безуспешно пытался найти и устранить с самого начала похода. Теперь главный враг был в его руках, но преимуществ это уже не давало – война была практически выиграна и никакие усилия не смогли бы это изменить. Поэтому де Кроссье великодушно приказал выделить неприятельскому офицеру отдельную повозку, послал к нему лучшего корпусного лекаря и повелел вести в обозе вместе со своими ранеными. Куда и главное зачем – это бравый адъютант и сам не мог себе объяснить. Но желал увидеть своими глазами момент его кончины – поэтому, разъезжая с поручениями вдоль двигавшихся к Москве французских колонн, он то и дело подъезжал к подводе проведать: а как там этот русский?

Вот и сейчас он и не заметил никаких изменений и собрался было обратно, нагонять свой штаб, но тут денщик Жак поманил его и, нагнувшись, тихо шепнул ему в ухо:

– Монсеньёр, он с четверть часа тому назад стонал и шевелился, а сейчас замолк совсем, может, скончался?

Де Кроссье нагнулся над раненым, сделав знак Жаку помолчать, и, прислушавшись, уловил легкое дуновение дыхания из изломанных, разбитых губ. Тогда, доставши флягу с первосортным коньяком, который был всегда в достатке при штабе Мюрата, он осторожно влил несколько капель в рот русскому. Кутайсов слабо глотнул, закашлялся и разлепил единственный оставшийся глаз, затуманенным взором смот-

ря перед собой и как будто ничего не видя.

– Принеси сюда огня! – приказал де Кроссье Жаку.

Капли начавшегося дождя летели прямо в лицо, били и обжигали избитые скулы, а изнутри хмельная жидкость как будто дошла до мозга, заполняя все сознание. С огромным трудом Александр Иванович пытался понять, почему вокруг тьма и только солнце светит среди неё слишком ярко и каким-то горячим оранжевым пламенем, языки которого почти касаются его лица. Наконец он осознал, что все также лежит на подводе и перед ним стоят двое, освещающая его факелом, что вокруг сумрак и противный осенний дождь, а он по-прежнему тяжело ранен и пленён, но все ещё жив. Еле слышно, но напрягая все мышцы тела, он прошептал по-французски:

– Ещё..., пить....

Шевалье влил ему в горло сразу пол-стопки обжигающего коньяка и, отпрянув, начал быстро-быстро говорить с денщиком Жаком. Но затем, вдруг увидев изумленный взгляд возницы, обернулся: Кутайсов, опираясь на уцелевшую руку, подобно ожившему мертвецу уже не лежал, а сидел в повозке, озираясь по сторонам. Вид его был ужасен: замотанный и окровавленный грязный человек с белыми волосами и жалко смотрящим единственным глазом, но де Кроссье вдруг отшатнулся назад, как бы почувствовав прикосновение неведомой силы, исходившей от этого русского.

Он должен был пасть от его пули еще в обгорелом Смо-

льенске....

Он был обречён умереть среди заваленного горой трупов Большого редута русских....

Но вот теперь его главный противник, искалеченный, изможденный, безоружный, сидит прямо перед ним. Протяни де Кроссье руку, чуть сдави горло – и прервётся эта нить, которая, непонятно почему, все ещё держит здесь остаток его жизни!

Но нет же, как будто сам глас, который они оба слышат, удерживает его от этого рокового шага!

И французский офицер, спешившись, приказал Жаку принести тёплую накидку и раздобыть какой-нибудь еды, тихо присел на подводу, рядом с Кутайсовым.

– Кто вы, генерал, и давно ли слышен вам глас с небес? – тихо, чтобы никто вокруг не услышал, спросил он, протягивая русскому флягу с коньяком ещё раз. – Не бойтесь говорить, война почти решена, что бы вы не сказали, ничто сейчас не изменит уже судьбу этого мира, мы все равно победили, и если глас еще вам об этом не поведал, то сообщаю вам я. Простите, я забыл представиться вам, шевалье Пьер де Кроссье, адъютант его светлости Мюрата, короля Неаполя. Генерал...?

Кутайсов смотрел на него замутнённым взором, казалось, понимая с трудом все, что говорит ему этот слегка чудной француз. Но на самом деле он просто обдумывал свой ответ, уже зная, что перед ним тот самый неприятель, о котором

ему говорил убитый Берестов, тот, кто ведаёт глас грядущего более, нежели он, и которого ему все равно нужно победить, чтобы дать Родине хоть малый шанс. После долгой паузы, с трудом шевеля разбитыми губами, Александр Иванович начал говорить на идеальном французском, привитым ему строгим дядькой-гувернантом в отцовской усадьбе ещё с самого детства:

– Шевалье, я не назову вам себя ни по имени, ни по званию, хотя оно и было высоко у того меня, который остался лежать на Бородинском поле среди убиенных там. Глас, который мы слышим оба, пророчил мне гибель, а почему я ещё жив, мне неизвестно, ибо со дня роковой баталии нашей я более ничего не слышал. Вы видите, что мне все равно осталось недолго, ибо признаки внутреннего гниения, кои мы называем Антонов огонь, вот-вот должны появиться на моих ранах. Но последнее что я услышал тогда, перед атакой на батарею в центре нашей позиции, было предвидение нашей победы в сей кампании и свержения вашего императора....

Кутайсов еще хлебнул обжигающего коньяка из поднесённой фляги, поперхнулся и закашлялся. Но нахлынувшая дурнота сразу прошла, разум ещё немного прояснился, и он тихо продолжил, стараясь быть убедительным:

– Шевалье, вы обречены! Заняв Москву, ваша Великая армия подвергнется жестокому падению дисциплины и моральному разложению, вас ждёт участь поляков, кои два века назад уже были в нашем древнем Кремле, да так там и

сгинули. А более мне ничего не ведомо, ибо все, что было после ранения моего, я не могу прояснить в разумении своём. Голова болит... сильно...!

Эта ложь отняла у него последние усилия. Александр Иванович мучительно опустился на подводу, более ничего не сказав. Де Кроссье увидел, что сознание, пришедшее на эти несколько минут, вновь его оставило. Рядом с повозкой появился Жак с тёплым котелком бульона в руках, раскрытыми от удивления глазами он смотрел, как радостное выражение буквально слезает с лица шевалье и он погружается в глубокое, и, видимо, тягостное раздумье. Это ощущение длилось всего несколько мгновений, а затем де Кроссье как бы стряхнул нахлынувший морок и медленно пошёл к своему коню. Не сказав более ни слова, он растворился в уже холодной ночной осенней мгле.

Глава 23

2019 г., Евгений Соболев

Входной звонок настойчиво и громко жужжал, буквально разрывая мозговые синапсы.

– Сколько раз думал поменять эту чёртову трель! – раздраженно подумал Дмитрий Лозинский, осторожно берясь за дверную щеколду и как-то воровато озираясь. Кого еще принесло? Нет, ну только не сегодня, не сейчас, твою мать! У него финальный день подготовки, надо ещё успеть выехать сегодня на место действия, все ещё раз установить, подключить и проверить для того, что будет завтра. Осталось буквально несколько часов до момента, как улицу начнут проверять ФСБ-шники или кто там у них за это отвечает. А тут еще кого-то принесло!

Он открыл дверь. На пороге, пошатываясь и опираясь на потрескавшуюся трость, стоял седой старик, в поношенном военном пиджаке, на котором даже в тусклом свете подъездных лампочек сияли советские боевые ордена. Лозинский замер от удивления с полуоткрытым ртом.

– Привет! – грубо сказал дед и, постукивая своей палкой, даже слегка отстранив его, без спросу вошёл в квартиру. Дмитрию стоило нескольких секунд переключиться от за-

нимавшего его вопроса и вспомнить этого наглого старика, ведь ещё вчера он встречался с ним в суде.

– Чего вам надо? – спросил Лозинский повышенным, даже немного визгливым тоном. – Договариваться уже поздно, судья решение вынесла. Откуда, черт...?

– Мне это все равно, – сказал старик, с прищуром смотря ему прямо в глаза. Дмитрий смутно пытался вспомнить его фамилию, кажется такая простая русская, то ли Соловьев, то ли Соболев, то ли как-то ещё похоже.

– Я хочу знать, – продолжил дед, сверля его взглядом, – Хочу знать, парень, что ты собираешься завтра сделать?

Лозинский сглотнул от неожиданности.

– Что... что ты... вы, имеете ввиду? – запинаясь, спросил он и даже удивленно присел за маленький столик в прихожей, как будто его вдруг оставили все силы.

Он и правда думал, что никто не сможет ничего узнать, особенно после того, как убрал единственного свидетеля. Его план, его идея показать себя, сделать то, что другие не смогут, прославиться на весь этот проклятый мир, была только у него в голове. Пример норвежца Брейвика, националиста, в одиночку расстрелявшего несколько лет назад почти сотню человек на уединенном острове, был очень вдохновляющим, но Лозинский затеял нечто гораздо более грандиозное. Правда, первоначально он хотел сделать это во время так называемого шествия оппозиции в марте по центру Москвы: там были в основном молодые раздолбаи и по-

донки, поколение айфонов и биткойнов, для которых количество лайков под собственным селфи в Инстаграме было вершиной крутости, вчерашние дети, которым почему-то не нравилась бедность простого народа страны, но которые при этом проводили большую часть времени в барах и на вечеринках, в основном нюхая травку и играя в покер на своих гаджетах. К сожалению, этот замысел сорвался: майор из Росгвардии, обещавший ему достать С4, смекнул, что можно очень легко нажиться на халяву, взял задаток и спокойно испарился, заблокировав все свои номера и контакты. Лозинский только и мог надеяться, что эта сволочь будет стоять в оцеплении во время завтрашнего мероприятия. Взрывчатку ему пришлось в итоге покупать через Darknet, возиться с оплатой этой криптовалютой, потом долго ждать, искать место закладки где-то на свалке в районе Солнечногорска. Также нелегально отдельно покупать три управляемых детонатора, разбираться с настройкой их срабатывания по вызову с мобильного. Все это заняло кучу времени, и готовый к работе комплект был у него на руках только к концу апреля.

Ну, так даже еще лучше. Как раз будет проходить ненавистная ему акция, этот глупый парад победы под названием «Бессмертный Полк», у него больше недели на подготовку. Лозинский ненавидел это чуждое ему ежегодное шествие по Тверской, у него самого, насколько было известно, никто не воевал, а дед-инвалид, как он слышал, в войну ра-

ботал на хлебном и спокойном месте, кладовщиком на продовольственной базе где-то под Рязанью. Теперь ему будет очень кстати показать себя всему миру: в самый разгар шествия, рядом с проходящей сотней тысяч людей, торжественно несущих портреты своих доходяг-родственников, рвануть этот кобальтовый стержень. Дима читал, что площадь заражения может быть огромной, особенно если 9 мая будет ветер и осадки хорошо разнесут эту пыль, то часть Москвы надолго станет непригодна для проживания. Со скольких миллионов довольных и сытых рож сойдут столичная спесь и бахвальство! Сколько тысяч богатеев разом лишаться своих роскошных авто, квартир, домов и офисов! Скольким людям оставшиеся несколько лет не будет ни до чего, кроме лечения своих поражённых радиацией легких, печени, мозга! И все это сделает он один! После этого его собственная судьба не будет иметь значения – о нем узнает весь мир, и помимо сотен тысяч проклинающих его будут ещё и миллионы восхищенных тем, что он сделает!

Но этот чертов дед, похоже, что-то знает. Откуда? Вот уж от кого можно было такое ожидать, только не от этого нищего инвалида. Когда жена, опытная адвокатесса с обширной частной практикой, у которой Лозинский работал в качестве помощника, поручила ему с месяц назад вести самостоятельно первое простое дело, он уже был горд собой. Квартира стоявшего перед ним сейчас старика была, кажется, на этаж выше, чем у его клиента, преуспевающего частного инвесто-

ра Ивана Алёхина, плотного и самодовольного сорокалетнего мужчины с лоснящимся лицом и постоянным снисходительным вводным «батенька» при каждом обращении к кому-либо.

– Вот вы представьте, батенька, мы все в элитном доме живем, все ремонт делаем, друг другу не досаждаем. А этот старик, как он здесь вообще оказался? Почему он вообще здесь живет, среди уважаемых людей. Он ведь, батенька, трубы не менял никогда, не думал, что в мороз их прорвёт у него, так ведь? А я, батенька, ремонт себе недавно за 8 миллионов сделал, я не хочу, чтобы у меня из-за какого-то старого пердуна это все пошло псу под хвост. Я, батенька, намерен по полной его за это наказать, пусть мне это денег будет стоить, лишь бы ему присудили и такой ущерб, и мой моральный. Так, батенька?

Дело-то было простым. Повреждения залитой квартиры были явными, но небольшими, в суде старик пытался что-то вякать в ответ, но громогласный Лозинский гордо его затоптал, выиграв все возможные положенные компенсации. Но вот сейчас этот дед стоит перед ним и взглядом, не терпящим возражений, как бы показывая своё превосходство, внаглую уже его допрашивает. Что это за черт?

– Я повторяю, – вновь сказал старик, впиваясь в него взглядом, от которого Лозинского вдруг слегка затрясло. – Что ты собрался сделать! Ты что-то хочешь взорвать, убить кого-то? Завтрашнее шествие?

– А это не твоё собачье дело! – буквально пролаял Дмитрий в ответ, стараясь вернуть самообладание. – Что тебе нужно? Я сейчас вызову полицию....

Этот Соболев, оставив свой костыль, вдруг прошел на кухню, тяжело опустился на стоявшую возле стола табуретку и даже, как показалось, улыбнулся.

– Давай, вызывай, – сказал он. – Пусть приезжают, спросят тебя о том же самом.

Он перевел взгляд на фотографию над шкафом, где Лозинский был вместе с женой: высокой и полноватой, с коротким светлыми волосами и непривлекательным властным взглядом.

– Твоя супруга тоже явно из судей, – сказал он, даже немного задорно. – Небось, вместе выбиваете деньги из тех, кто слабее вас. Кстати, очень похожа внешне на одну предательницу фашистскую, полицайку, что пытала меня в плену в 43-ем. Ну, ничего, кончила она очень плохо...

Дмитрий, сжимая в руке шип-нож, с ревом через стол бросился на него. Его не больно сильно задели слова про жену, которую он уже давно собрался бросить и которая достала его этим прущим чувством собственного превосходства, постоянно пиля его, что она босс и крутой адвокат, а он должен спасибо сказать, что на неё работает. Нет, он решил разобраться с удивительно много знающим дедом на месте, в квартире, куда не собирался возвращаться. После его акции завтра в Москве должна начаться паника, но он будет

уже далеко, в Крыму, с новыми документами. Надо только покончить с этим гнусным старикашкой!

Встречный удар в грудь едва не вышиб из Лозинского дух, он буквально на полном скаку налетел на выставленный хитрым дедом его чертов костыль, и, хватая ртом воздух, почти завалился вбок рядом со столом. Поднявшись, он вновь бросился с выставленным ножом вперёд, и на сей раз быстро настиг цели: широкое лезвие пропорол выставленные вперёд стариковские ладони, раздался тихий стон и брызнула во все стороны алая кровь, заливая маленькую кухню.

Евгений Иванович, жадно хватая ртом воздух, пытался подняться, но уже не мог. Жутко болели руки, не так, как тогда, на войне, от ожога или перелома, а ещё больнее, порезы глубоко и сильно кровоточили, туман застилал глаза, через пелену он увидел как этот подонок, почти сидя на нем, заносит руку для очередного удара. Он ещё попытался прорваться сквозь накрывавшую его слабость, поднять израненные руки для защиты, но боль буквально ужалила его, разрывая рёбра и оглушая мозг.

– Еще не все, держись! – ясно и чётко услышал он наконец-то пришедший в мозг из далекой реальности космоса голос, и, все, отключился.

Глава 24

1943 г., Евгений Соболев

За два дня ожесточенного наступления фронт ушёл далеко вперёд. Женьку часа три везли в «полуторке» по огромным, перепаханым воронками и окопами полям, объезжая постоянно возникавшие на пути препятствия. Везде валялись чёрные тела убитых солдат, мотки колючей проволоки, ограждавшие рубежи немецкой обороны, брошенная техника. Соболев насчитал по пути четыре подбитых «тигра» и три других танка поменьше, а возле квадратного, покрытого камуфляжной раскраской исполинского самоходного «фердинанда», застрявшего с перебитыми гусеницами на подходе к линии фронта, копошились несколько наших офицеров, с интересом рассматривавших обездвиженную махину.

Евгения везли в штаб фронта. После тяжелого, но корректного допроса в «Смерше» он даже еще не успел опомниться, как прилетел на ИЛе комполка Вениамин Поварков и сразу, подтвердив его личность, хотел увезти его на свой аэродром, где, после ожесточённой схватки на дуге, летчики готовились к наступлению на Орел. Но офицер НКВД, допрашивавший Соболева, этого не позволил, настойчиво от-

ведя Поваркова в сторону, он ему долго и спокойно что-то объяснял.

– Куда меня они, товарищ командир? – устало спросил Женька, которому после круговерти последних трёх дней хотелось только одного: уснуть и более не просыпаться. Его перевязанная рука болела нестерпимо, правый глаз саднил – он ударился во время отчаянного танкового тарана, голову вело и мутило после нескольких обезболивающих уколов, сделанных в госпитале и почти не возымевших эффекта.

– Тебя везут прямо в штаб фронта, а меня, твоего непосредственного командира, с тобой не приглашают и даже не говорят, что от тебя там нужно. Вроде бы есть указание сверху в отношении тебя. Что натворил-то, лейтенант? – спросил Поварков весело, но одновременно раздраженно, было видно, как сильно он издерган, потрясен последними потерями в своем авиаполку.

– Много всего было за три дня, товарищ командир, – ответил Женька уклончиво. После допроса в «Смерше» он вообще боялся сказать лишнее, даже своему воинскому начальнику. Но Поварков продолжил настойчиво:

– Комиссия от штаба армии осмотрела вчера результаты нашей штурмовки под Ольховаткой. Вся эскадрилья погибла на подлёте, прикрытие из ЯК-ов нас бросило, ввязавшись в бой с «мессерами», а другая их группа в это время всех наших «горбатых» раздолбала. Ну, то есть, всех, кроме тебя, лейтенант. И, тем не менее, колонна немецких танков у леса

была кем-то уничтожена, а других штурмовиков в этом районе тогда не было. Твоего самолёта вообще не нашли, а может быть, плохо искали. Я не понимаю ничего пока, а командование дивизии просит у меня отчёт, да будь он неладен! Ну, Соболев, и чего ты молчишь?

Женька смотрел на него с легким сомнением, но потом, вспомнив, как открылся танкисту, наконец, тоже решился. Думая, что ему сейчас вообще не поверят, он произнёс:

– Товарищ командир, это я накрыл ту колонну «тигров». Увидел их, и с первого захода бросил ПТАБы. Дальше меня сбили, я свалился в лес, очухался уже в плену, ничего больше не помню. Если не хотите мне верить – не верьте, – зачастил он вдруг, поймав недоверчивый взгляд Поваркова. – Все документы остались в кабине ИЛа, а где ИЛ мой лежит, не знаю, там деревья густые были. Потом из плена мы с товарищем бежали... на танке..., немецком..., ну, вы знаете, в общем, – неуклюже закончил Женька. Комполка смотрел на него уже более спокойно, но недоверие во взгляде сменилось удивлением и даже любопытством.

– Ладно, Соболев, – сказал он. – Если все же ИЛ твой вдруг найдётся, буду представлять к Красному Знамени тебя, а с остальным разберёмся, как из штаба вернёшься. Езжай с богом! – неожиданно напутствовал он Евгения и вышел.

В деревеньку, где квартировало командование фронтом, Соболева привезли уже под вечер, который выдался тёплым

и неожиданно тихим, как это бывает только мирным летом в средней полосе России. Пушки не грохотали вдали, авиация не жужжала над головами, только где-то далеко, километрах в трёх отсюда, мерную и пахучую тишину леса нарушал гул двигавшихся на позиции для завтрашнего наступления танков. Но в самой деревне военная жизнь бурлила, не собираясь отправляться на ночной отдых: туда-сюда сновали вестовые на мотоциклетах и лошадях, возле деревянного клуба, превращённого в госпиталь, сустились молоденькие, в форме с иголки, санитарки, из открытых настежь окон стучали пишущие машинки, а встреченная на окраине группа связистов тянула от избы к избе провода. Соболева отвели к самому большому дому, с растянутым над крыльцом алым полотнищем и двумя поджарыми часовыми на входе, вооружёнными начищенными до блеска ППШ. Внутри не было такого великолепия: старая изба была закопчена и набита людьми, штабные офицеры стояли, сидели за широкими лавками, полулежали на дощатом полу, строча одновременно при тусклом свете от нескольких лампочек десятки боевых приказов, часто на отрывках бумаги и даже кусках старых газет. Женьку провели мимо них, через сени в большую и более светлую комнату, стоявший посередине которой приземистый стол был накрыт крупномасштабной картой с красными и синими флажками. Ему показалось, что внутри никого не было, и только когда дверь за ним закрылась, он почувствовал движение в темном дальнем углу: там на стуле устало полу-

сидел-полулежал высокий человек с благородным пробором прически, в походной генеральской шинели.

Рокоссовский дал себе уснуть буквально минут на десять: сказывалось напряжение последних, решающих дней, упорство воли, с которым он вначале не позволил рассыпаться под ударом немецкого танкового кулака обороне, а затем перевёл свои потрёпанные, но несломленные дивизии в решительную атаку. Он не спал несколько дней до этого, постоянно объезжая наступавшие войска, и случай полтора дня назад, когда они чудом избежали смерти, уже почти стерся из памяти. Но только почти... очнувшись от сиюминутного небытия, в котором он пребывал, казалось, всего миг, Константин Константинович открыл усталые глаза и увидел вытянувшегося перед ним по стойке смирно молодого лейтенанта, с задорным взглядом и левой рукой на перевязи, в потрепанной лётной форме.

– Товарищ генерал армии, младший лей... – начал Женька, но Рокоссовский прервал его доклад отрывистым движением, резко встав и окончательно вынырнув из небытия сна, подошёл к нему и, по-солдатски, обнял, прижал к груди и несколько раз осторожно похлопал по плечу, стараясь не причинить боль раненой руке.

– Спасибо, лейтенант, – с чувством и искренне сказал генерал. – Ты спас меня и моего начштаба, представление к Отечественной войне Первой степени для тебя я подписал. Спасибо, браток!

Но затем, отстранившись, и словно выключив выгравшие чувства, два солдата, генерал и лейтенант, более пристально посмотрели друг на друга, как будто пытаясь в этом неловком молчании уловить некий, понятный лишь им обоим смысл.

– Лейтенант Соболев, – спросил, наконец, Рокоссовский. – Вы не хотите ли мне что-то ещё рассказать?

– О чем, товарищ генерал армии? – удивленно спросил Евгений, но при этом чувствуя, что он уже заранее знает ответ.

Константин Константинович помолчал, качнул головой, и, наконец, ответил:

– Послушайте, лейтенант, вот у меня отчёт о вашем допросе. Вы якобы в одиночку штурмовали немецкую колонну в самый нужный нам момент, затем удивительным образом угнали вместе с товарищем немецкий «тигр», расстреляв пару десятков эсэсовцев где-то в деревеньке и в конце протаранили другой «тигр», опять-таки, когда это было нужнее всего мне лично. Все это подтверждается донесениями от других офицеров, которые осмотрели уже упомянутые вами места, – и он указал на несколько лежавших на столе листов бумаги, заполненных мелким убористым почерком. – Я верю вам, и в тоже время понимаю, что на войне, конечно, случайности встречаются, но чтобы сразу с одним человеком и в таком количестве буквально за два дня – этого я никогда ранее не слышал.

Он помолчал немного, а затем задал ну совсем неожиданный, но при этом, такой ожидаемый вопрос:

– Скажите, Соболев, все это время, вас никто, как бы сказать это, не вёл?

Женька посмотрел с изумлением и даже резко сглотнул, один лишь его взгляд дал ответ, и Рокоссовский как будто с легким облегчением кивнул.

– Присядьте, – и он указал Соболеву на стул, затем сам налил ему в жестяную кружку кипяток из пузатого чайника, бросил добрую щепотку заварки и спокойно продолжил:

– Вы слышите некий голос? Он даёт приказы, команды, создает их у вас в голове, но не явно, а как будто некую идею, вдруг пришедшее озарение, так ведь?

– Откуда вы это знаете, товарищ генерал? – Евгений, наконец, обрёл дар речи и смог задать прямой вопрос.

– На войне, лейтенант, бывает всякое. Здесь даже убежденные атеисты верить начинают, кто в бога, а кто и в сатану. Я сам..., – тут генерал остановился, как будто заколебавшись, говорить или нет, но через секунду продолжил. – Я сам его..., слышу. Старая бабка ещё в Варшаве рассказывала мне про зов Перуна, как будто легенду, что в древности воины иногда говорили про некий глас, который может помочь им в страшную минуту. Я тогда думал что это сказка..., пока вдруг не услышал его, в первый раз, ещё в Гражданскую, когда колчаковский штаб захватывал. И вы, Соболев, его не бойтесь, лучше верьте тому, что слышите, это вам поможет,

расскажите, как и когда это к вам пришло?

– Тогда и пришло, товарищ генерал, – медленно, и все также неуверенно, начал Женька.– Когда летел на задание, мне будто кто-то сказал, где идёт немецкая колонна и как ее атаковать. А потом, когда в лес рухнул и там..., нашёл... странную записку. Потом в плен попал. Потом... на «тигре» бежали вместе с танкистом раненым..., он ведь погиб тогда? Он настоящий герой, а не я, товарищ генерал армии, он меня спас в плену..., и в танк он врезался, на таран пошёл! – значительно закончил свой рассказ Женька.

– Какую записку вы нашли и где? – неожиданно резко спросил Рокоссовский. – Она ещё у вас, можете показать?

– Она потерялась, наверное, при побеге, или в «тигре» осталась том сгоревшем. Но записка непонятная, будто бы офицер царской армии в восемьсот двенадцатом году ее написал. И ещё там мёд был, как бы в доказательство, чтобы я поверил тому, что написано..., не знаю, как сказать, товарищ генерал. А где нашёл ее, наверное, смогу показать на карте вам.

Рокоссовский молчал, как будто мысли его были где-то далеко. Затем он сам как-то отрывисто посмотрел на Евгения, с напряжением державшего свою кружку израненной левой рукой на перевязи, и, глядя ему в глаза, задал уже совсем неожиданный вопрос:

– Фамилия этого офицера, кто записку написал, случаем, не Берестов?

Соболев изумленно кивнул, а Константин Константинович вдруг улыбнулся, и сразу напряжение, висевшее в спертom и закопченном пространстве комнаты между двумя людьми, как будто улетучилось.

– Все понятно, – сказал генерал. – Наверное вы, товарищ лейтенант, ждёте каких-то объяснений? Пейте чай, я вам ещё подолью. Слушайте, Соболев, то, что я вам скажу – воспринимайте это как военный секрет. Я вам доверяю, но знайте: начнёте кому-то болтать, и мне придётся сдать вас трибуналу.

И сделав паузу, убедившись, что Женька понял его, Рокоссовский спокойно продолжил:

– Мы ведь легко могли проиграть войну ещё в сорок первом. Немцы, что шли сюда, были мощнее, организованнее нас. Вы тогда, наверное, ещё в лётном были, а я видел, как наши армии рассыпались при отступлении, как все в панике бежали, как горели аэродромы, склады и эшелоны. Партия и товарищ Сталин, конечно, не паниковали, но и их колоссальных усилий тогда было недостаточно, мы теряли город за городом. Помните, фашист стоял у Москвы и Ленинграда, и казалось, что ещё неделя – и всему конец. Но именно в этот момент что-то происходило: одна наша часть вдруг давала бой и останавливала движение целой немецкой группы на главном направлении, один наш танк геройски уничтожал полный немецкий панцер-батальон, несколько солдат поднимались и шли в атаку против полка противника и побеждали.

Сколько было таких примеров тогда! Ведь это все не просто так, я знаю....

– Я тоже знаю, товарищ генерал, – тихо проговорил Соболев, начиная понимать. – Они... слышали такой же голос..., и, ведомые им, шли в бой....

– Там, где было нужно, и когда было нужно, – закончил Рокоссовский за Женьку. – Суть этого явления не объясни-ма, но про него знают. Даже на совещании Ставки, несколько раз, намеками..., – он прервался, как будто осознав, что ска-зал лишнее, то, что не нужно знать простому летчику-лейте-нанту.

Помолчали. Рокоссовский сидел задумчиво, погружен-ный в свои мысли. Соболев во все глаза смотрел, боясь заго-ворить и побеспокоить генерала, потрясённый тем, что узнал только что.

– Я тоже нашёл такую записку, – вдруг сказал Константин Константинович, сказал так, будто выдал из себя тайну, которую хранил ото всех на свете. – Нашёл в самый страш-ный момент, в сорок первом, когда наш фронт за Смолен-ском был прорван, и я останавливал бегущую 16-ю армию, возвращая ее в бой, дабы защитить Москву. То, что там бы-ло написано, по-видимому, касалось только меня. Моего бу-дущего, лейтенант. Тогда это окрылило и вдохновило меня также, как и вас, дало мне силы не сломаться, собрать в кулак всю волю и продолжать делать, что я должен и что умею луч-ше всего: воевать, бить ненавистного врага, гнать его с на-

шей Родины! И поэтому, лейтенант, мы сейчас здесь, а скоро, я верю, и до Берлина дойдём. Кто-то этим голосом, этими сообщениями, наверное, пытается поменять весь ход событий. И пока это получается в нашу пользу! А значит все, что случилось в нашей жизни: революция, войны, строительство новой советской страны – все это было правильно!

В дверь постучали. Вошёл молодой офицер с погонями майора, чеканным шагом, щёлкнув каблуками, вытянулся, отдал честь и протянул генералу папку с несколькими листами. Рокоссовский быстро просмотрел их, один за другим, поставил размашистую подпись.

– Вам пора, лейтенант! – обратился он к Соболеву, когда за штабным закрылась дверь. – Завтра, то есть, уже сегодня, мы продолжаем наступление против Моделя, вам надо успеть в полк и хотя бы пару часов поспать. Вас отвезут, я распоряжусь.

Соболев осознал, сколько всего важного он не успел спросить. Но как он, простой лейтенант, может задавать прямые и столь деликатные вопросы прославленному генералу? Его дело воевать, воевать теперь ещё более умело и яростно, после того, что он здесь узнал.

Он поднялся, вытянулся на каблуках, несмотря на боль во всем теле, здоровой рукой отдал честь: – Разрешите идти?

Рокоссовский пожал ему руку и ещё раз заинтересованно взглянул на Женьку.

– Лейтенант, – спросил он спокойно. – Что вы услышали

тогда, перед тем как рванулись в захваченном танке через лес на таран? Что именно вам сказали?

Женька слегка потряс головой – туманные воспоминания о тех событиях не позволяли сосредоточиться, он никак не мог восстановить их последовательность, ибо мучительно болела голова, а к сомнениям в реальности всего произошедшего ранее теперь добавилось удивление и изумление от того, что он услышал сейчас. Но наконец, вспомнив тот невидимый приказ, он, закрыв глаза, проговорил:

– Мне приказали спасти маршала. Дальше мы увидели вашу машину, товарищ генерал. И пошли таранить того «тигра». А потом я очнулся... в госпитале..., наверное, это было предсказание... вашего будущего..., я сейчас понимаю....

Рокоссовский медленно улыбнулся, потом вновь протянул и пожал руку Соболева.

– Прощайте, лейтенант, – просто сказал он. – Надеюсь, ещё увидимся... скоро..., у ступеней поверженного Рейхстага..., в день нашей победы!

Уже отъезжая в деревеньку Райские Выселки, где на аэродроме базировался его полк, Женька увидел колонну из наших «тридцатьчетвёрок»: новенькие, даже в ночных сумерках блестящие свежей краской, они с мерным гулом выдвигались на позицию для утреннего движения вперёд, веселые танкисты в начищенных шлемофонах, спокойно и деловито сновали между машинами, контролируя процесс заправ-

ки соляркой. Он на секунду вспомнил погибшего Петра, его уверенность и ярость, его спокойную убежденность в том, что все будет хорошо, что мы ещё повоюем.

– Он бы был сейчас рад увидеть это, был бы сейчас с нами, в первом же танке, который пойдёт в наступление! – подумал Евгений, и самому вдруг безумно захотелось сесть за штурвал ИЛа, ощутить всем телом вибрацию мотора, увидеть внизу дымы сражения и ползущие по полю прямоугольнички танков, змейки окопов и плюющие огнём темные крестики батарей. Он теперь знал, что впереди ждет тяжелое боевое время, но кто-то неосязаемый и могущественный следит за ним и направляет его, чтобы все, что он делает, было правильно, было во имя победы.

– Может, и погибну уже завтра, но героем! – подумал он еще, по-юношески представив себя в самом пекле воздушного боя, и вдохнул ночной пьянящий воздух леса, сквозь который они проезжали. Вновь резкая мысль зародилась у него в затылке, заполняя весь мозг:

– Нет, ты пройдёшь всю войну, ты ещё молод, тебя ждёт долгая жизнь.

Соболев закрыл глаза, нега вдруг накрыла его, весь оставшийся путь до аэродрома он тихо проспал, даже не чувствуя рева мотора «полуторки» и дорожных ухабов. Голоса, который пришёл к нему в тот вечер, он больше не слышал почти до самого конца войны.

Глава 25

1812 г., Александр Кутайсов

Старые скрипучие ворота отворились, пахнуло затхлой сыростью, кислой капустой и дымом, и Жак, правя лошадью, завёл подводу во двор. Изнутри стоял такой же старый двухэтажный дом, с желтой облупившейся стеной, потемневшими от времени окнами и почти без ставней.

Телега с лежавшим раненым потряслась несколько сажень на камнях и комьях земли, голова Кутайсова пару раз подпрыгнула и даже негромко, но гулко, ударилась о стенку, затем повозка остановилась. Двор был очень грязным, везде валялась помой и куски коряг, небольшое крыльцо казалось чище, но, при этом, каким-то неопытным, как будто даже лишним наростом на теле этого неуютного здания. Навстречу приехавшим из дома шустро выскочила низенькая старушка лет пятидесяти пяти, с неприятными чертами рябого лица, узкими щучьими глазками и жидкими короткими рыжими волосами, выбивающимися из-под такого же грязного рыжего платка, что выглядело совсем нелепо. Она бросилась навстречу повозке, махая руками и пытаясь кричать неприятным скрипучим голосом:

– Мусье, мусье, сюда, нет, нельзя! Нельзя здесь... никого,

мусье!

Один из открывавших створки ворот высоченных мюратовых кавалеристов, подойдя к голове лошади, взял ее за узду, и, отстранив старуху обшлагом рукава, подвёл телегу еще ближе к крыльцу. Другой, даже не смотря на неё, бросил на ломаном русском:

– Баба, здезь прикяз маршал, раненый ваш, вельел здезь льечить!

Затем, вдвоём подняв лежавшее тело за плечи и лодыжки, они внесли раненого генерала в дом, и тот же француз, повернувшись, спросил женщину:

– Ну, показать, кюдда ложить?

Доходный дом за Яузским мостом, в Тетеринском переулке, на 2 этажа и 15 комнат, принадлежал мещанке из Пермской губернии Николаевой Юлии Алексеевне, пятидесяти семи лет отроду. Она появилась в Москве лет десять тому назад, сбежав от расследования местным поверенным дела о растрате, в котором оказалась замешана, будучи акушеркой в одном из пермских богоугодных заведений. Облюбовав принадлежавшее местному купцу небольшое здание, дав ему ссуду под залог, а затем засадив в долговую тюрьму, она сделалась полновластной хозяйкой доходного дома, сдавала комнаты заезжим офицерам, торгашам, ростовщикам и разному лихому сброду, платила мзду местным городовым и приставам, и жила припеваючи вплоть до прихода Наполеона, когда жители города, а вместе с ними и ее клиенты, стали

убегать вслед за русской армией. Появление французов тоже оказалось безрадостным: солдаты самовольно занимали брошенные дома и грабили все нажитое добро. Для Юлии Алексеевны, искренне считавшей себя пупом земли из-за того как ловко она, прибыв из безвестной провинции, нажила собственность в богатой и веселой Москве, такая метаморфоза была ужасна. И вот, в довершение всего, эти же французы заносят к ней в дом какого-то грязного, воняющего, умирающего человека, кладут его на постель в лучшей, самой светлой комнате, ультимативно приказывают ей принести воду, спиртное и вообще все припасы, что имеются в доме! Она хотела было возразить, скривив узкий рот щелью, но старший французский офицер резко и многозначительно глянул, положив при этом правую ладонь на эфес шпаги, и старуха предпочла, охая и кряхтя, удалиться куда-то вглубь помещений.

Чёрная муха деловито передвигалась по потолку, потирая грязные лапки, а пришедший в себя Александр Иванович следил за ней единственным глазом, будучи по-прежнему недвижим. Откуда взялась эта комната, белые простыни, тёплая вода, которую принесла в тазу уже немолодая безмолвная девка-горничная, заплывшая бутыль самогона, которую он видел краем зрения? Мозг не мог принять ни одно из событий, случившихся после ранения, все шло как в тумане, воспоминания рождались и умирали обрывками. Через пять минут или пять часов после того, как его голова,

впервые за последнюю вечность, коснулась мягкой подушки, стукнула дверь, и он, переведя взгляд с мухи на потолке на шум, увидел смутные очертания трёх людей рядом с собой.

Первый человек, вроде бы как в грязно-сером мундире, приблизился и начал его осматривать: внимательно изучил израненные плечи и грудную клетку, сильно схватив оставшуюся руку за запястье, долго нащупывал, а затем считал еле слышный пульс, оттянув тряпицу с лица, осторожно рассматривал изуродованные, разбитые кости и ощупал раны. Кутайсов в один из моментов прикосновения испытал вдруг дикую боль, его передернуло. Лекарь отпустил его, как будто испугавшись, отпрянул назад и быстро-быстро заговорил по-французски, что-то объясняя.

– ...Инфекция, ...жилец..., не более недели, ...паразитично..., – слова донестись до сознания Александра Ивановича, а затем его вновь накрыло какой-то белесой пеленой, из которой вдруг вынырнуло ещё молодое, веселое, пылающее лицо черноволосого человека с сияющими жемчугом зубами, надменное и одновременно с оттенком легкой, едва заметной грусти. Именно таким впервые увидел Кутайсов вблизи Иоахима Мюрата, короля неаполитанского, командира кавалерии Великой Армии.

Позади французского маршала колыхался уже знакомый силуэт со смешными опущенными усами: адъютант де Кросье был, конечно, здесь же, посреди этого всего тумана, который стоял перед глазами раненого графа. А Мюрат сам

придвинул себе старый скрипучий стул, присел у изголовья кровати Кутайсова, звякнув щегольскими шпорами, и, достав флягу, естественно наполненную до горлышка превосходным коньяком, протянул ее шевалье. Тот, склонившись над русским, осторожно влил несколько глотков в его разбитый рот, а затем, придвинув пару мутных граненых стаканов, разлил по ним ароматный напиток для себя и своего начальника. Маршал и офицер еще не успели осушить свои порции, как их пленник вдруг резко приподнялся: крепкий, божественный и благородный вкус почти моментально прояснил его сознание, унял пульсирующую боль в голове и груди, и дух вновь вернулся в это, казавшееся уже совсем безжизненным, тело. Мюрат с любопытством смотрел на раненого, допивая свой коньяк, затем начал быстро, почти не останавливаясь, кидать ему вопросы:

– Кто вы, генерал, как вы себя сейчас чувствуете, помните ли момент ранения и все, что было после того? Мой лекарь говорит, это невероятно, что вы ещё живы после таких ужасных ран..., генерал, вы... вы меня понимаете?

Маршал остановился, сообразив, что его быстрый гасконский выговор, возможно, не воспринимается раненым. Затем, вновь хлебнув из своего стакана, он повторил вопросы более медленно и четко, пристально смотря на Кутайсова.

– Я плохо все помню, господин маршал...! – опираясь на локти и с трудом произнося слова, отвечал Александр Иванович. – На поле при Бородино я вёл полк в атаку на занятую

вами батарею в центре позиции нашей, далее свет и тишина... , при Эйлау я уже имел честь лицезреть вашу светлость, а более ничего сказать Вам не имею, ибо смысла в том не вижу, и, будучи у вас в плену, разглашать что-либо не могу... , голова у меня болит очень сильно... , и сердце....

Мюрат сверлил его взглядом, казалось, вся напыщенность и высокомерие сошли с его красивого лица, он был удивлён и... смущён – этот уже давно обреченный и почти мертвый, искалеченный и израненный русский вдруг показался ему живее, чем он сам!

Де Кроссье подвинулся ближе к кровати. Он выглядел будто постаревшим на несколько лет за эти два дня, прошедших с их последней встречи, заросшее щетиной, ранее молоджавое лицо, вдруг осунулось, молодцеватые усы обвисли, в глазах стояли тоска и страх. Он повернулся вопросительно к Мюрату и тот кивнул ему, позволяя говорить.

–Ге..., генерал, – слегка запинаясь, начал шевалье.– Вам, конечно, не ведомо, но это я стрелял в вас тогда ночью, в Смоленске, и уж не знаю почему, бог ли, дьявол, или какая другая сила сохранила вам жизнь тогда. Вам, также как и мне, ведом глас грядущего, но сейчас я в большом недоумении и смущении, в коем давно уже не прибывал. Ещё пару суток тому назад сей глас уверенно пророчил победу Франции в войне, почетный мир и возвращение наших войск на родину, но все изменилось с момента, как вы пришли в себя, и это меня изумляет, ибо вижу я теперь сцены нашего пора-

жения и бегства, гибель Великой армии в снегах, и только об этом сейчас все помыслы мои! Генерал, вы же тоже слышите глас! Прошу, умоляю вас сказать, о чем он вам вещает?

Кутайсов не слушал уже последних вопросов. Как бы предвидя их заранее, он уже давно обдумывал свой ответ, понимая, как много сейчас от него зависит. Памятуя слова Берестова, он хотел ответить максимально осторожно, дабы не позволить своим врагам сделать что-либо, то, что может вновь все изменить. Но тут на него опять навалилась боль, голова закружилась, в горле появился противный привкус крови, он захрипел и начал тяжело валиться на бок, пока де Кроссье не подхватил его. Глоток крепкого коньяка в очередной раз привёл его в чувство, прояснил голову, и Александр Иванович откинулся назад, на белую подушку. Маршал Франции укоризненно покачал головой и начал было подниматься, чтобы уйти, но тут раненный повёл здоровой рукой, делая ему знак обождать.

–Господа,– начал Кутайсов ослабевшим, но твёрдым голосом, как обычно на своем безупречном французском. – У меня был знакомый офицер. Он доблестно пал, сражаясь с вами под Смоленском. Он долго изучал, эм..., природу этого явления, которое известно человечеству на протяжении всей его истории. Он даже оставил в нескольких тайных местах клады, содержащие послания тем, кто услышит сей глас в будущем, с объяснениями, дабы они не знали страха и следовали ему, а как доказательство давности, вместе с запиской

помещал мёд и ладан, кои могут долго храниться в земле. А суть его исканий в следующем: глас слышат те, кто может что-то изменить, но не блюдя его повеления или идя против них, а следуя только своему сердцу и разуму. А всего более таковых людей в России, ибо только они способны на великую жертвенность не во имя собственной цели, но ради своей родной земли. А посему, господа, эта война обречена с самого ее начала. Вспомните, сколько раз мы были на волоске, когда монголы были в Киеве, а поляки в Москве, когда на нас шли немцы и шведы, и чем сие заканчивалось. А сейчас – в Москве вы, но, поверьте мне, это ненадолго. Шевалье, вам, наверное, известно, что умирающий слышит глас наиболее часто и отчетливо – так знайте, я слышу его постоянно сейчас....

Голос его затих, ослабленный напряжением сил, Кутайсов хрипло поперхнулся, дернулся, и, в бессилии упав на подушки, тихо застонал. Но когда оба француза нагнулись над ним, он еле слышно, но по-прежнему твёрдо молвил:

– Ваш великий император уже не сможет победить нас! Отсюда, из Москвы, начнётся крушение его империи. Да будет так, это уже не изменить никому из живущих!

Он вновь потерял сознание, и не видел, в каком смятении покидали его Мюрат и де Кроссье. Но, как и расположившиеся уже на квартирах кавалеристы, так и старуха Юлия Алексеевна, хозяйка дома, с удивлением и страхом наблюдали, что храбрейший из воинов Франции, медленно и опусто-

шенно вышел во двор в сопровождении своего удивительно осунувшегося адъютанта. Будто бы не видя никого перед собой, они машинально вскочили на своих коней, и, не говоря более ни слова, удалились, сопровождаемые всей своей блестящей свитой, ожидавшей их в загаженном дворе.

Глава 26

2019 г., Максим Шмелев

Четырёхполосная автострада вылетала из под колёс, разбрызгивая в разные стороны попутные машины. Я мчался из Москвы, почти не разбирая дороги и думая, какой же я беспроглядный идиот: в принципе работы канала связи разобрался, а назначения так и не понял. Не почувствовал посылы обращавшегося прямо ко мне старого, но бесконечно мудрого человека, и тем самым, похоже, подставил его жизнь под неизбежный удар. И зачем он, черт возьми, поехал туда сам, а меня предупредил только в последний момент? Что он может сделать в таком возрасте и состоянии, да будь он хоть трижды этим самым редактором?

В Голицыно я никогда раньше не был, навигатор Яндексса вёл меня через забитое Минское шоссе. Тут я потерял, наверное, часа два, пытаясь прорваться через бесконечную пробку, постоянно съезжая то в левый, то в правый ряд, и вспоминая московских деятелей из мэрии, утверждающих, что ситуация с транспортом в столице за последнее время сильно улучшилась. Мобильного телефона у Евгения Ивановича не имелось, и в течение всего пути я только мог надеяться, что он попробует дождаться меня, а не будет вступать

в бессмысленное для себя противостояние с неизбежным исходом. Но когда я, наконец, нашёл нужную улицу и, неаккуратно припарковав машину, вбежал на нужный этаж загаженного и незакрывающегося подъезда, то понял, что все уже случилось. Сердце у меня упало куда-то в бездонный колодец, когда я за незакрытой дверью нужной квартиры я увидел вход на кухню и старые сношенные туфли лежавшего человека. Стресс ударил в голову, я пошатнулся, и тяжело, как будто на каменных ногах, пошёл вперёд.

Евгений Иванович ещё дышал, хрип вырывался у него из окровавленной грудной клетки, в которой было три глубоких ранения.

– Вот же гад, как уделал старика! – подумал я, склоняясь.

Я ещё не знал, кто это сделал, но уже был готов разорвать его на куски от ненависти, ярость клокотала в голове, жилы на лбу, казалось, были готовы лопнуть. Соболев вдруг застонал, когда я его коснулся.

– Найди его, – неожиданно громко прошептал он, булькая кровью, которая текла из разбитого рта. Боевые ордена на его груди (кажется, Красного знамени и Красной звезды, и какие-то ещё) тоже были все покрыты алыми брызгами. – Не дай... ему... он хочет..., завтрашнее шествие... полк..., ты же редактор! – вырвалось у него, и он с последним тяжелым вздохом закрыл усталые глаза.

– Кто, кто он, что он сделает, ну же? – я пытался растормошить его, но, склонившись над телом, вдруг понял, что

Соболев уже ушёл. Герой войны, человек, слышавший голос и многое про него понявший, покинул этот бранный мир.

Я вспомнил, как он рассказывал, что однажды, во время войны, спас человека, который потом своим стратегическим талантом и упорством смог реализовать крупные советские наступательные операции. Он не назвал мне, кто это был, и у меня была пара мыслей на этот счёт. Но теперь, в свой последний миг, он сделал все, чтобы заставить меня стать редактором истории, изменить то, что должно случиться, даже не зная, что это будет. И вот я стою над его мертвым телом в полном недоумении, не понимая, что теперь я должен сделать. Да нет же!

Я вымыл руки, с горечью накрыл лицо Евгения Ивановича, на котором было выражение, как мне показалось, одновременно торжества и успокоения, сорванной с кровати простыней, прошёлся по квартире, заглянул в пару шкафов, а затем осмотрел небольшой письменный стол. Оказалось, особо искать даже не было нужно: поверх каких-то судебных бумаг лежал распечатанный листок – подтверждение с booking.com о бронировании Лозинским Д. одноместного номера в гостинице Ритц-Карлтон Москва. В ночь с 8 на 9 мая, сегодня.

Я горестно наклонился к лежавшему на полу телу старика.
– Евгений Иванович, дорогой, вы что-то там говорили про шествие. «Бессмертный полк», завтра после парада Победы, как и каждый год, пойдёт по Тверской к Красной площади.

Сотни тысяч мужчин, женщин, детей, простых людей понесут портреты своих героических предков, как и вы, сражавшихся тогда за победу. Значит, этот... адвокат собирается что-то сделать там. Да, Ritz- Carlton на Тверской, пойдут как раз мимо него. Вот оно. Неизвестно что у него там, но если тот убитый судьишка торговал какими-то непонятными радиоактивными материалами, значит, может быть что-то вроде грязной бомбы, наверняка кустарно собранной. Черт, времени-то совсем мало. Можно позвонить в полицию, сообщить им все данные и пусть они берут его в отеле, если мне поверят, конечно. Нет, наверное, не пойдёт такой вариант, иначе бы они не связывались со мной из бесконечности. Они бы просто вышли на какого-нибудь силовика и точно также бы это предотвратили, но, значит, такой исход ими просчитан. Возможно, если это действительно некое взрывное устройство, он рванет его при задержании. Выход один, коли уж меня избрали. Надо разбираться самому на месте. Медлить нельзя, уже почти 11 вечера, ехать туда, немедленно!

Я поднялся, и, повернувшись к телу Соболева, взглянул на него в последний раз.

– Спасибо вам за все, герой! – подумал я и наспех перекрестился. Затем, убрав тот листок с резервацией отеля в карман, осторожно закрыл дверь квартиры и быстро спустился вниз к машине, на ходу просчитывая наиболее быстрый маршрут. Только в пути я сообразил, что в обычное вре-

мя пять минут восьмого вечера я сегодня в первый раз не ощутил тот далекий вызов.

Отель Ritz-Carlton на Тверской, почти у самого Охотного Ряда, сверкал огнями окон, светил во все стороны ночной иллюминацией и ослеплял фарами подъезжавших прямо ко входу элитных машин.

– Интересно, что же может случиться здесь завтра? – подумал я, подходя к стеклянным крутящимся дверям. Охраннику на входе мой растрёпанный и взъерошенный внешний вид явно не понравился, но я, запахнув мятый плащ и сделав «морду кирпичем», не обращая не на кого внимания, быстро прошёл через металлоискатель и затем, по расписному мраморному полу, направо к блестящей стойке ресепшн. Только возле неё меня буквально охватила мысль:

– Черт, у меня ведь нет с собой никакого оружия, даже перочинного ножа.

Впрочем, с ним меня, наверное, никуда бы и не пустили: охрана на входе просвечивала все сумки входящих в отель.

Сразу, без приветствия, я положил перед стоящим за стойкой молодым человеком в чёрной форменной одежде смятый листок.

– Мне нужно узнать, в каком номере клиент по этому резерву, – сказал я ему тихо, пока его коллега, молодая девушка, что-то оживленно обсуждала по-английски со стайкой китайских туристов. – Просто подозреваю, что он с моей

женой... – и показал ему край зажатой между пальцами куклы в 5 тыс. – Нужен только номер, поговорю с ними, и все.

– Присядьте, пожалуйста, – портье движением подбородка указал мне на кресло рядом, в холле. Я упал в мягкий сафьян и попытался ещё подумать:

– Так, поднимаюсь, звоню в номер, а дальше? Если он вооружён, то шансов у меня мало. Если хочет сделать то, о чем я думаю – бомба или другое устройство сейчас у него там. Интересно, как он это все пронёс, при такой-то охране. Голос я более не слышу, нет даже ощущения попыток выйти на связь. Хочется отомстить ему за Соболева. Кем нужно быть, чтобы вот так зверски искромсать слабого больного старика! Как мне вести себя: сразу наудачу попробовать ворваться в номер или подождать, неизбежно привлекая излишнее внимание охраны?

Пока я пытался все это просчитать, портье уже подошёл и двумя пальцами, с легким поклоном, вручил мне лист бумаги, а я в ответ протянул ему лежавший здесь же на столе тоненький буклет «Moscow Travel Guide Spring 2019», с вложенными вовнутрь деньгами.

– Не подскажите, где это? – спросил я, задумчиво рассматривая цифры 618 на листке.

– Лифт, шестой этаж, направо, и у вас должен быть электронный ключ, – ответил молодой человек. – Только вот... вряд ли он сейчас с вашей женой, если не половой гигант, конечно! – и улыбнулся краем рта. Я вопросительно посмот-

рел на него.

Он нагнулся ко мне ближе, перешёл на шёпот.

– Только что он вызвал девочку. Господин Лозинский – её постоянный клиент. Вот кстати и она: Злата! – и указал, также подбородком, в направлении лифтового холла всего в пяти метрах от нас, где толпилось несколько человек. Резко поднявшись, я сунул ему в ладонь остававшуюся у меня синюю купюру в 2000 рублей и устремился туда, он проводил меня недоверчивым взглядом, но потом, видимо, совсем потерял ко мне интерес.

Девушка была не совсем юной, скорее лет 27-30, и не похожа ни на дорогую проститутку, ни на эскортницу. Красивая, но слегка угловатая, с копной темных волос до плеч, высокой грудью, соблазнительной спортивной фигуркой, нежным лицом, вздернутым, но немного мясистым носиком, огромными серо-зелёными глазами, минимумом макияжа, одета просто, но дорого: ярко-голубые обтягивающие явно брендовые джинсы, бежевая блузка с короткими рукавами, белые фирменные кроссовки. На плече была сумочка Hermes, вроде бы даже настоящая, не китайская подделка. Я обратил внимание на странное кольцо на ее указательном пальце: серебряное, явно старинное, похожее на перстень-печатку с большим тускло-красным неогранённым плоским камнем. На её чуть пухловатой руке оно смотрелось гармонично. Она взглянула на меня немного странно-вато, когда я входил в ее лифт вместе с той толпой китайцев.

На третьем этаже отеля туристы из Поднебесной буквально выплюнулись из кабинки, и мы остались в кабине вдвоём со Златой, она, отвернувшись к клавиатуре, вставила в прорезь под ней чип-карту и нажала кнопку шестого этажа. Я поднял глаза: теперь девушка в упор смотрела на меня, в ее взгляде чувствовалась какая-то решимость и одновременно недобрчивость. Прошло секунд пять.

– Я иду к нему, – неожиданно, безо всякого вступления, мягко звучащим ровным голосом, с ощущением, как будто кошка мурлыкает, сказала она. – Я готовила это очень долго, голос не передал мне нужной информации сразу. Вам лучше остаться снаружи, посмотрите, чтобы никто не прошёл мимо двери, если что, отвлеките его чем-нибудь. А я все быстро сделаю.

И показала пальчиком с кольцом вниз, в сумочку – там лежал пистолет с глушителем. Я был настолько ошеломлён, что не мог вымолвить ни слова, только головой крутил и тряс.

Раздался мягкий толчок – лифт приехал на нужный этаж, и я как будто вышел из оцепенения.

– Вы... ты..., как ты...? – спросил я, понимая как и с Солевым, что это звучит довольно глупо.

– Выходим, – бросила она, и по пути к двери стала быстро говорить. – Времени мало. Я знаю, что ты тоже слышишь голос и ищешь его, раз ты сейчас здесь. Он хочет совершить одиночную акцию, устройство у него сейчас с собой в номере, я несколько раз его... обслуживала, видела, что он гото-

вит. Помоги мне. Все вопросы потом задашь, о кей?

– Ладно, – ответил я, пытаясь совладать с собой. – Будь с ним осторожна, он убил старика, такого же, как и мы, убил ещё одного торговца. Хочет взорвать завтрашний парад. Лучше стреляй в него сразу, как войдёшь в номер.

Она остановилась у лакированной деревянной двери комнаты 618, слегка улыбнувшись, подмигнула мне, и, опустив руку с кольцом в сумочку, другой нажала серебристую кнопку звонка.

Номер открылся, я стоял чуть левее и не видел, что произошло после того, как Злата вошла внутрь и произнесла кому-то в легкий полумрак: «Привет!». Затем дверь резко захлопнулась, за ней послышался шум борьбы и отчетливый щелчок. Потом, спустя три секунды, ещё один, и за ним приглушённый, но душераздирающий всхлип. После этого затихло все вообще: никто не шёл по коридору отеля, не говорил в номерах, не ехал на лифте. А ещё через пару мгновений под легкий шелест дверь отворилась прямо передо мной.

Девушка обеими руками как будто придерживала низ живота, по которому расплывалось пятно того же цвета, что и кольцо на её пальце, окрашивая алым ее джинсы и блузку. Она хрипела, и её глаза закатились, а сзади, обхватив плечи, её поддерживал, одновременно целясь мне в лицо из того пистолета с глушителем, высокий седоватый мужик с грубыми, будто криво наклепленными скулами. Да, это был тот самый адвокат с судебного процесса Соболева.

– Подними руки, зайди внутрь и закрой дверь, – приказал он и слегка посторонился. – Иначе убью сразу же. Иди так, чтобы я видел твои руки, вот туда, к окну, быстро.

В коридоре по-прежнему было тихо, поэтому шепнувший мне прямо в мозг голос грянул, будто раскат грома:

– Заходи туда, не бойся, жди своего шанса.

И я медленно прошёл мимо убийцы и его жертвы в полумрак номера. Лозинский, не сводя с меня глаз, кряхтя под навалившимся на него весом Златы, захлопнул за мной дверь и включил свет.

Глава 27

1945 г., Евгений Соболев

Ветер гнал по боевому небу низкие, тяжелые, рваные тучи, а под ними все было белым-бело и мокрыми хлопьями валил снег. Февраль в Польше встретил наступающие советские войска непогодой и распутицей, по раскисшим дорогам грязные, мокрые и уставшие солдаты буквально на руках тащили постоянно увязавшие в зловонной каше из снега и грязи артиллерийские орудия, обозные подводы и полевые кухни. У подходивших к Берлину армий все было в достатке: забитые эшелоны снабжения нескончаемой стальной лентой шли на запад, но победоносный скоростной марш головных пехотных дивизий создал огромный разрыв между фронтом и тылом, и на берегу Одера утомленные передовые части резко остановились, будто скаковая лошадь, вдруг выскочившая к широкому обрыву. За покрытой тонким льдом рекой были мощные и укрепленные позиции немцев, а далее за ними – прямой путь к ненавистой столице Рейха.

Утром 1 февраля Евгений Соболев проснулся после нескольких коротких часов сонного забытья и, откинув полог стоявшей на поляне рядом с лесным аэродромом палатки, раздраженно хмыкнул и плюнул на носок валенка. Пого-

да вновь была нелетной, над лесом висели кучные облака, из которых сыпала острая изморозь, и его лётная куртка быстро покрылась крупными каплями.

– Опять не летаем сегодня, Хасаныч? – обратился он к опустившему руки в открытый мотор его стоявшего рядом ИЛа старшему технику эскадрильи, высокому, худому и молодцевато выглядевшему 37-летнему татарину Усману Бикееву, лучшему специалисту полка по двигателям и авиапушкам.

– А вот это как знать, Евгений, – ответил Усман, и, не убирая правой руки от движка, левой спокойно поднёс к тонким губам вынутую откуда-то самокрутку. – Недаром ты вчера тренировался, а твой самолёт единственный остался на твёрдой почве, и не завяз в этой каше. Давай быстро к комполка, у него задание тебе, а я пока все подготовлю тут.

Командир полка майор Сухих квартировал рядом, его палатка была крупнее и добротнее остальных, в ней имелась портативная печка и электричество от большой батареи для работы рации. Под конец войны летчики могли уже не опасаться внезапных налетов немцев на аэродромы, спокойно оставаясь на ночь рядом со своими крылатыми машинами и получая питание и снабжение на месте. Сухих сидел за удобным высоким столом, заваленным картами и прочими бумагами, на краю которого, под абажуром, горела электролампа. Увидев вошедшего Соболева он поднялся, его медали на распахнутом полковом кителе звякнули друг о друга. В па-

латке было хорошо натоплено, похоже, даже в одной гимнастерке сидеть было жарко, у Соболева моментально вспотел лоб.

– Товарищ командир... – начал Евгений доклад, приложив руку к пилотке, но комполка жестом прервал его, и, пожав руку, нетерпеливо указал на соседний стул.

– Хорошо полетали вчера, Соболев? Я видел, вы правильно делаете, что тренируетесь. Скоро погода наладится, лучше сохранять боевые навыки. Объявляю вам благодарность за ответственное отношение к службе!

Евгений вновь приложил руку к пилотке, но Сухих вновь прервал его, продолжая говорить.

– Вчера ночью подвижная группа передовых частей наших соседей с Первого Белорусского форсировала Одер, – и он показал карандашом точку на разложенной перед ним крупномасштабной карте Польши. – Форсировала вот здесь, южнее городка Кюстрин. Плацдарм²² захвачен пока небольшой, но посмотрите, Соболев, отсюда до Берлина прямой путь менее ста километров. И потому командование фронта приказало удержать его любой ценой. Лёд на реке уже тонкий, тяжелая техника на плацдарм пробиться не может. Немцы атакуют танками, пытаясь во что бы то ни стало сбросить их обратно. Пока их прикрывает только дальнобойная

²² Кюстринский плацдарм – оперативный плацдарм советских войск на западном берегу Одера, в районе города Кюстрина в Германии, захваченный войсками 1-го Белорусского фронта в феврале 1945 г. В дальнейшем сыграл важную роль в подготовке и осуществлении штурма Берлина (апрель 1945 г.).

артиллерия с нашего берега, другой поддержки окопавшимся войскам нету. Авиация с Первого Белорусского летать не может, погода отвратная, наши взлетные полосы все раскисли, а немцы поднимают свою с бетонированных берлинских аэродромов. В полк пришёл приказ: всем, кто может, долететь до Кюстрина и помочь. У нас только ваш ИЛ на ходу, остальные все самолеты завязли выше стоек в раскисшей каше на лётном поле. Вам расчистили под взлёт небольшой участок вдоль кромки леса, где почва покрепче, только взлетать надо аккуратно. Лететь почти триста километров, поэтому после работы садиться там, где получится, рядом с нашими войсками, полетите со специальным предписанием, вот оно. Вот вам карта всего маршрута и окрестностей города, я красным обозначил границы участка западного берега, где сейчас наши. Штурмуйте все, что увидите за его пределами! Самолёт подготовим, забьем под завязку, дадим лучшего стрелка полка, особенно с учетом того, что истребителей прикрытия не будет. Лететь придётся на высоте двести-триста метров, дальше по метеопрогнозу сплошная облачность на всём пути до Кюстрина. Вылет ровно через час, все, идите, готовьтесь.

Соболев знал, что командир полка не любит пустых разговоров и рассуждений. Выдохнув, он отсалютовал, ответив только:

– Есть! Разрешите выполнять приказ! – и повернулся к выходу, но Михаил Васильевич тихо позвал его, заставив

развернуться.

– Евгений, ты уж вернись, слышишь. Я знаю, как тебе будет трудно. Встретишь в воздухе немцев – сразу уходи, даже если еще не долетишь до плацдарма, в бой не ввязывайся. После штурмовки сразу садись, как только увидишь подходящее место. И так риск очень большой, я понимаю, будет обидно погибать, когда уже войне конец. Ну, с богом! – неожиданно прибавил он, убежденный, как знал Соболев, коммунист.

Самолет, заботливо отрегулированный и проверенный старшим инженером Усманом и загруженный боеприпасами, ровно и мерно гудел на краю аккуратно расчищенной для взлёта опушки, рядом стоял и смолил самокрутку худощавый лейтенант Володя Местер – один из самых опытных стрелков полка, имевший семьдесят боевых вылетов. Евгений мысленно сказал командиру спасибо, отличная компания будет. Но, несмотря на то, что это уже 36-й вылет, ему было очень страшно. Сердце молотом стучало, по всему телу шла мелкая дрожь. Он понимал, что летит фактически на верную гибель, вспоминая, как недавно в штабе полка слышал обрывки разговоров лётчиков:

–...Хорошо, что сейчас не летаем, в небе у соседей только «мессеры» и «фоки», а у нас даже аэродромов нет...!

Взлёт прошёл почти гладко, только в один момент правая стойка провалилась в подтопленную яму, но Соболев, играя педалью газа, сумел выровнять слегка клюнувший самолёт и,

наконец, резко, так, что загудело в ушах, поднял его над зимним лесом. Он летел, слегка покачивая крыльями, на северо-запад почти через всю территорию того, что ещё несколько лет назад звалось Польшей. Кроваво-чёрные следы войны были на земле повсюду, где леса разрезались холмистыми белыми равнинами: с небольшой высоты в двести метров виднелись ленты дорог и нитки окопов, остовы сгоревших танков и самолетов, припорошенные снегом выгоревшие, разоренные деревни, возле которых копошились фигурки солдат из подходящих к линии фронта войск, а также двигались прямоугольники тяжелой техники. Триста километров пролетели почти за полчаса, Соболев молчал, сосредоточенно сверяя местность с лежавшей на коленях картой, балагур Местер, не переставая, травил еврейские шуточки и анекдоты, которые не поощрялись на земле, но в небе у него наступало раздолье и развязывался язык. Пару раз, пока ещё были в досягаемости, вызывал по рации командир, просил уточнить местоположение, явно волновался. Евгений так и представил, что сейчас Сухих сидит в своей палатке и ведёт карандашом по карте, повторяя его маршрут. По мере приближения к Одеру росло и количество войск на всех увиденных дорогах, одновременно усиливался мокрый снег, залепляя крылья и боковые стёкла фонаря.

– ...а вот Абрам и занял у Мойши рубль до зарплаты, и не отдаёт, Мойша напоминает-напоминает, а тот поц таки-ж не отдаёт, наконец через месяц Абраша сам говорит ему: Мой-

ша, помнишь я занял у тебя рубль, тебе его таки-ж отдать? – А почему-бы и нет! – отвечает Мойша. – А, ну ладно, нет – так нет! – радостно соглашается Абрам.

Соболев не успел посмеяться над анекдотом Местера: за невысоким, но широким холмом слева, открылось большое пространство, над которым висела стена из смеси слепящих снежных хлопьев и грязно-серого порохового дыма. Река была покрыта льдом, в котором зияли чёрные пропасти полынной, на нашем берегу несколько рядов орудий вели почти непрерывный огонь, выплевывая оранжевые разрывы, казалось, под самое брюхо соболевского ИЛа. Дальше, у воды, с нашей стороны, хаотично бегали сотни людей. Евгений мельком увидел метрах в пятидесяти от берега большой плот с двумя стоявшими на нем тяжелыми танками, который тянул маленький моторный катер, а перед ними на нескольких лодках, свисая с них, солдаты кирками долбили и отталкивали кипящий лёд, пытаясь расчистить проход. Вокруг них периодически взрывались снаряды, осыпая все огненными брызгами и острыми белесыми ледышками. За несколько секунд ИЛ перемахнул через реку, и Соболев с Местером увидели врытый в студёную землю и уже обильно политый кровью плацдарм. На участке шириной всего метров в 800 находились, копаясь в свежем снегу, около тысячи человек. Вжимаясь в землю, они вели огонь в сторону ползущих с запада танков, которые наступали одновременно с трёх направлений. Впереди стояли три или четыре противотанковые пуш-

ки, постоянно плюющиеся огнём. Живые лежали рядом с убитыми, повсюду были раскиданы снарядные ящики, каски и плащ-палатки. У самого берега несколько десятков бойцов под непрерывным обстрелом и по пояс в воде расчищали причал для прибывающих через Одер подкреплений, как только кто-то падал, другой сразу занимал его место. Казалось, сам влажный воздух вокруг подрагивал от непрерывно бьющих разрывов, тяжело пахнущих вонючим дымом.

Соболев, дрожа от страха и нетерпения, направил свой ИЛ-2 вперёд.

– Вот туда, командир, правее! – кричал стрелок Володька, вывернув голову и пытаясь указать Женьке направление.

Соболев сам видел эти семь или восемь танков, наползающих на плацдарм впереди густой цепи немецкой пехоты, до них было уже не более километра.

– Заходим на цель! – крикнул он, делая вираж, чтобы прорезать по диагонали идущие прямо на наши пушки боевые машины.

Небо впереди оглушительно ухнуло и разорвалось залпами зениток, но Соболев уже успел проскочить это место: вдруг ввинтившийся в затылок голос приказал ему нестись вперёд.

– Не бойся, жми, вас не собьют, ты выживешь, – услышал он столь внезапные и нужные ему сейчас слова.

Страх близкой смерти сразу пропал, появилось желание хорошо сделать свою боевую работу. Он перевёл ИЛ в по-

логое пикирование и, наклонив нос, открыл огонь из пушек по стремительно приближающимся целям. Танки, казалось, приостановились, и стали разворачиваться. Ещё раз ухнули зенитки, но теперь уже где-то позади его самолета.

– Вот вам! – заорал Женька, вдавливая кнопку сброса ПТАБов.

Через мгновение весь корпус самолета задрожал от близких разрывов, и Соболев резко взял штурвал на себя, уходя вверх, в низкие дымные облака.

– Командир, хорошо попал! – крикнул Володька, видя внизу два горящих «тигра» и бегущие от них назад фигурки пехотинцев.

– На второй заход, сейчас, – сказал будто бы сам себе Евгений, зная, что стрелок не слышит этих слов из за гула мотора и постоянной тряски.

Турбулентность была такая, что головы лётчиков мотало вправо-влево, еле-еле сориентировавшись, Соболев осторожно пошёл вниз, одновременно делая разворот. Он вынырнул из-за туч прямо над серединой реки и слева от себя увидел могучую, словно вросшую в Одер крепость с кирпичными стенами и приземистыми бастионами – старинный Кюстрин, превращённый немцами в неприступный узел обороны. Ощущение, что все идёт хорошо, прошло моментально: сильно впереди от него и чуть правее летело навстречу примерно на его высоте звено самолетов – четыре или шесть, разглядеть пока было невозможно.

– Володя, это по нашу душу, готовься! – крикнул он Местеру.

Мысль, как действовать, пришла почти сразу, Соболев стал аккуратно поворачивать самолёт влево, в сторону своих, одновременно внимательно следя за приближающимися «мессерами». За ними вдруг потянулись серо-сизые дымы, и Евгений понял, что летит четверка. Что же, вполне достаточно чтобы разорвать тихоходный штурмовик без какого-либо прикрытия в ключья.

– Ладно, – подумал он, – мы ещё посмотрим, кто кого!

– Командир! – заорал Местер. – Форсируют, гонят за нами!

До немцев было уже не более 500 метров, Соболев резко вывернул штурвал вправо, выходя в лобовую атаку, одновременно выжимая до упора газ и нажимая на все гашетки сразу.

– Представляю, как удивились, вашу мать! – успела промелькнуть мысль за те мгновения, когда «мессеры» веером разлетелись в стороны от палящего им навстречу в упор из всех пушек и пулеметов ИЛа. Слева и справа, чуть ли не в лицо, пролетели десятки трассирующих огоньков, самолёт резко тряхануло и сзади забарабанил пулемёт Местера. Внизу сильно бабахнуло: подбитый Соболевым «мессершмидт» на полном ходу врезался в землю прямо у крепости, камни, комья земли и обломки металла едва не долетели до их самолета.

– Я попал, попал! – кричал Володька, видя, как второй истребитель с дымным следом падает прямо в реку, ломая лёд.

– Уходим на посадку, – выдохнул Женька, заходя на правый вираж.

Два оставшихся «мессера» начали разворот, упорно стараясь его догнать и атаковать. Соболев понимал, что повторить тот же трюк у него уже не получится, и начал уходить за реку, туда, где были свои войска, одновременно снижая скорость и ища место для приземления – поле или незанятую более-менее прямую дорогу. Мимо вновь пролетели линии огоньков – по ним стреляли трассирующими с истребителей, самолёт весь трясся, стучал, Евгений знал, что он поврежден, но не мог определить, куда именно в него попали, позади оглушительно тарахтел пулемёт отстреливающегося Местера, и вдруг тот резко вскрикнул.

– Володя, куда тебя? – крикнул Соболев, пытаясь справиться со сваливающимся в пике ИЛом.

Стрелок молчал, но продолжал палить, отстреливаясь от нападающих «мессеров». Наконец до земли осталось сто метров, пытаясь выровнять качающуюся во все стороны машину, Евгений направил ее в свободный от людей и техники кусок поля, прямо за переправой. Оставшиеся два преследовавших его истребителя пролетели прямо над ним, начиная набирать высоту, и тут по ним ударила батарея зениток с нашего берега, еще один «мессер» резко сорвался вниз и, ку-

выркаясь, рухнул где-то за близлежащими холмами. Аккуратно, по как можно более пологой траектории, Соболев стал сажать израненный самолет, обшивка справа и слева на крыльях была сорвана, шасси не открывались. Выключив мотор, он успел заметить, что у останавливающегося винта срезаны куски двух лопастей, затем раздался резкий удар фюзеляжа о землю, и машину с грохотом и треском потащило по свежему насту, поднимая фонтаны грязи, комьев и белых льдинок.

– Володя, ты жив, давай, держись! – кричал Женька, по колено в снегу оттаскивая истекающего кровью Местера с перебитыми ногами от дымящегося самолета.

– Командир, – стонал тот, – Я гильзоуловитель в кабине забыл, надо вернуться, забрать его, ругать будут.

– Да к черту, главное что живы! – весело отвечал ему Соболев.

Наконец, отовсюду набежали люди, подхватили их, хлопали по плечам, кто-то влил Женьке в рот спирт из походной фляги, затем с радостными криками его начали качать. Когда отпустили на землю, он уже с трудом понимал, где находится, все вокруг было в легком тумане, раненого воздушного стрелка унесли в медсанбат, а он продолжал стоять весь мокрый и окровавленный, в пахнувшей дымом и порохом лётной куртке, будто не веря, что только что в одиночку выжил в воздушном бою с четверкой «мессершмидтов».

Вдруг к нему прорвался сквозь толпу человек, перед которым другие расступились, это был с виду немолодой уже

подполковник, в грязном мундире с болтающимся на нем орденом Отечественной войны 1-ой степени, весь мокрый и заросший щетиной, с вытянутым худым лицом, усталыми, но сверкающими глазами, перевязанной окровавленной головой и странным, никак не вязавшимся с его боевым видом, большого размера серебряным перстнем с красным камнем на правой руке.

– Спасибо тебе, браток! – тяжело, с отдышкой, сказал он, обнимая Евгения за плечи. – Майор Евплов с того берега докладывает, что благодаря нашему штурмовику атака роты «королевских тигров» отбита, мы только что переправили на плацдарм два ИСа им в помощь. Откуда ты прилетел брат, твой самолёт первый наш, что мы увидели за трое суток здесь!

– Старший лейтенант Соболев, 621-ый авиаполк, Первый Украинский фронт, – доложил Евгений и протянул офицеру предписание Сухих, тот его быстро просмотрел и вернул обратно вместе с пристальным, пытливым взглядом.

– Спасибо, что долетел сюда! – сказал он ещё раз проникновенно и тихо. – Теперь я этот плацдарм точно удержу! Голос привёл тебя!

Соболев вытаращил на него слезящиеся от снега и дыма глаза, туман моментально выветрился из его головы. Подполковник незаметно приложил палец к губам, спокойно повернулся и тяжелыми шагами пошёл в сторону переправы, рядом с которой виднелись башни новых подошедших тан-

ков. Последние его слова заглушили залпы орудий – стоявшая рядом наша дальнобойная артиллерия вновь начала отчаянно бить по подходящим к реке фашистам.

Евгений так и не узнал имени этого человека, так же как и он способного слышать далекий голос неизвестно откуда.

Глава 28

1812 г., Александр Кутайсов

Белый, яркий свет нещадно резал единственный глаз, словно насильно заставляя его очнуться. Александр Иванович застонал, пытаясь вырваться из марева, в котором он только что пребывал. Тот самый небесный глас был с ним все это время, даже в забытии позволив ему вновь ясно увидеть картинку грядущего. Кутайсов знал теперь, сколько ему осталось, и знал, что нужно ещё сделать. Вот только бы... вынырнуть из белесого окружавшего его тумана на этот яркий свет, подняться и пойти! Боль разрывала его изнутри, раны горели, озноб бил и дергал все тело, страшно хотелось пить. Он полулежал, прислонившись спиной к деревянной стенке, в небольшом прямоугольном помещении, вокруг были пучки сена, какая-то рухлядь, тряпки. И тошнотворный, проникающий отовсюду запах. Рядом, слева, кто-то зашевелился, и граф с огромным трудом повернул затёкшую шею. Здесь с ним сидел грязный, заросший волосами мужик, в старом дырявом кафтане, стоптанных сапогах и без шапки, подпоясанный куском простой веревки. Несмотря на стойкий запах перегара изо рта, он смотрел на генерала удивительно ясными, простыми глазами, даже с легким налетом

удивления. Он явно не ожидал, что раненый вдруг придёт в себя. Внешне мужчина выглядел как опустившийся бездомный бродяга, но мало ли было таких в Москве сейчас, когда столь быстро пришли занимать дома их новые хозяева.

– Ты что, ваше благородие, очнулся никак? – спросил он неожиданно мягким, трезвым, не вязавшимся с его внешностью голосом. – Живой что-ли? На-ка, выпей вот, – и приложил ко рту Кутайсова горлышко невесть откуда взявшейся фляжки.

Конечно, в ней был не изысканный французский коньяк, а тяжелое, вонючее, обжигающее все внутренности русское деревенское пойло. Но именно от него Александр Иванович вдруг как будто вскочил: истерзанное тело вновь налилось силой, лихорадка забылась, сознание прояснилось.

– Где я сейчас? – хриплым голосом проговорил граф, повернувшись к мужчине.

– Там же где и был, ваше благородие! Только хозяйка велела тебя сюда, в сарай снести – в комнату, твою комнату, вишь, полковник ханцузский въехал, место ему освободить. Он Юлии Алексеевне даже денег дал, сказал, что дом грабить не будет, ежели кормить и убирать обещали за ним и ординарцами его.

Кутайсов сверкнул глазом, его моментально, как в детстве, наполнил приступ праведного, но нелепого гнева от несправедливости и обиды, а мужик, будто это почувствовав, даже попятился от него.

– Что сие значит? То есть, супостата в дом пустили, а своего выгнали!... И что...!

Он вновь запнулся, хрипло поперхнулся, нагнув голову, горлом пошла кровь, крестьянин приложил ему ко рту какую-то грязную тряпицу и вновь протянул флягу.

– Что же, ваше благородие, хозяйева сейчас другие сюда пришли, велели подвинуться. А эта – он махнул рукой – какие-то бумажки от ханцуза получила и сразу девкам своим велела вышвырнуть тебя. Она здесь за свою собственность больше всего боится, чтобы ее оставили, будет им прислуживаться. Ты как думал, ваше благородие, власть нынче другая. Сказали, будто в баталии наших совсем разбили: армейские через Москву не шли, а бежали просто. Ханцуз как пришёл, так все дома занял, церкви грабят, склады все стоят открыты. Вот так то, ваше благородие, жизнь такая теперича. А сам Бонапартый, сказывают, в Кремле уже квартирует, забери его дьявол! Жителей в городе мало, все с армией ушли почти, остались только вроде хозяйки местной, под супостатом прогибаться!

– А т-ты чего же остался?– слабым голосом, еле-еле выговаривая слова, прохрипел раненый.

– Я...– запнувшись, ответил мужик.– Я... человек конечный, дом сей когда-то мой был, и состояние было, да в долги я залез и хозяйке нынешней он достался. Я как сторож здесь, живу в сарае, идти мне некуда, чем могу, побираюсь, Юлия Алексеевна меня не кормит, но выгонять совсем боится по-

ка.

Легкая слеза скатилась из его правого глаза прямо в уголок сморщенного рта, и он запил её глотком из своей бутылки с пойлом.

–Идти мне некуда,– продолжил он.– Я болен, когда побежали все, решил остаться, мне все одно помирать, так..., пусть хоть здесь, на своей землице!

Снаружи раздался мерный топот сапог, отворилась дощатая скрипучая дверь, и вошло несколько французских солдат, потом уже немолодой офицер в артиллерийском мундире, почему-то пыльном, грязном, один рукав был порван почти до локтя. Старушка-хозяйка семенила за ними, вытягивая приземистую шею и явно стараясь казаться выше, чем она есть. Кутайсов заметил, что его сосед вперил в неё взгляд, полный ненависти и ещё какого-то горького сожаления, даже досады. Офицер-артиллерист прошёлся туда-сюда по помещению сарая, осмотрел углы, постучал пару раз по стенам и обратился к своим подчиненным: граф чувствовал себя уже настолько плохо, что даже не мог разбирать французскую речь, он понял только обрывки фраз:

–...Пушки, ...сложить, ...порох.

Затем француз подманил к себе хозяйку и, показав на двоих сидевших в углу на соломе человек, коротко и повелительно спросил по-русски:

– Кто они есть?

– Мусье, не могу знать, ...это..., чужие, – заискивающе и

торопливо отвечала Юлия Алексеевна.

– Убрать! – приказал офицер, и, повернувшись, вышел.

К Кутайсову подошли двое солдат и взялись, один за ноги, другой за плечи, причём второй сразу же отвернулся и закашлялся от зловонного запаха, тянувшегося от тяжких ран героя, затем, повернувшись, схватил его за плечи ещё сильнее. Тело и голову Александра Ивановича вновь пронзила жуткая, разрывающая на части боль, он задергался в конвульсиях, а потом сознание, не выдержав, опять отключилось, и Кутайсов снова провалился в белесую пелену небытия.

Из огромных окон, ярко горящих в заходящем сентябрьском солнце, лились оттенки: зеленые, нежно-голубые и красно-золотые – то сверкали всеми красками, как будто не желая гаснуть на ночь, купола десятков московских церквей. Легендарный Кремль был величественным и строгим в сравнении с веселыми завитушками Версаля и Тюрильи, и де Кроссье это беспокоило ещё сильнее: слишком уж чужой и негостеприимной теперь казалась эта древняя страна, которая лежала у ног императора. Слишком гнетущим было ощущение неизвестности, которое навивал этот пустой, оставленный своими жителями город, слишком зловещим этот тянувшийся по темным переулкам туман, сквозь который доносился топот идущих солдат. Поредевшая после Московрецкой битвы армия, казалось, растворилась в этом скоплении серых зданий и золотых храмов, а глас, который продол-

жал ежечасно приходиться к де Кроссье, теперь предрекал ему только скорый крах нашествия.

Тягостные раздумья шевалье прервал щелчок сапог от резко выпрямившихся по стойке смирно двух караульных, одетых по всей форме гвардейцев – этим они отличались от большинства тех вояк, что адъютант видел на пути в Кремль, уже пьяных, и выряженных в пушистые московитские шубы, только что где-то украденные. Двери залы бесшумно растворились, и де Кроссье замер в почтительном поклоне: в помещение для приемов быстрыми шагами вошёл Наполеон.

Его Величество казался усталым, но довольным: ощущение военного счастья от очередной занятой столицы не покидало его, а десятки тысяч потерянных в походе солдат не имели значения – он стоял в древнем сердце России, которое ему покорилося. Но, тем не менее, своим острым, проницательным умом император прекрасно понимал: после сражения у него осталась только половина пехоты и треть кавалерии, и это не те силы, с которыми можно продолжать успешный северный поход. Надо восстановить армию резервами и обеспечить ей снабжение, а для этого нужна упорная, ежечасная работа. Пройдя к стоявшему в другой части комнаты бюро, накрытым зелёным шелком, он присел и на пару минут углубился в разложенные там рабочие бумаги, а затем, подняв полные раздумий глаза, увидел стоявшего у окна шевалье.

Де Кроссье выпрямился и четким строевым шагом подо-

шёл, щелкнул каблуками и отсалютовал своему императору.

– Ваше Императорское Величество, я шевалье полковник Пьер де Кроссье, адъютант его неаполитанского величества маршала Мюрата!

Император махнул пухлой рукой и поманил де Кроссье к столу, шевалье подошёл еще ближе.

Наполеон, откинувшись в кресле, устремил на него взор и спокойно, но утвердительно начал говорить:

– Шевалье, король Неаполитанский сообщил мне о вас. Я помню вас ещё по Маренго, мне сказали, что вы из тех самых посланцев грядущего, о коих меня столько раз предупреждали. Посему не утруждайте меня и себя долгим подробным рассказом, говорите прямо, с чем вы пришли?

– Сир, – начал де Кроссье, стараясь, подобно своему императору, выделять голосом каждое значимое слово. – Вы, видимо, знаете, что мы слышим указующий глас, который пророчит грядущие события и позволяет направить их в нужное нашей Франции русло?

Наполеон коротко кивнул и сделал едва заметный жест рукой, позволяя собеседнику продолжать.

– После выигранной нами под Москвой баталии я слышал его очень ясно. Все было прекрасно, мы должны были занять старинную русскую столицу, перезимовать здесь и, разгромив русских ещё раз, весной войти в Петербург. Ведь таковы ваши планы, сир?

Император некоторое время обдумывал ответ, но затем

сказал с явным раздражением в голосе:

– Послушайте, де Кроссье, кем бы вы ни были, ваше дело исполнять мои приказы, и неважно, каковы они. Франция принадлежит мне, а вы вмешиваетесь не в своё ремесло. Но, уж коли вы соизволили лично просить меня о встрече, то отвечу, да, именно так и будет далее идти эта русская компания, которая, я уверен, завершится подписанием почетного мира с византийцем, и у него не будет иных вариантов, кроме как стать вассалом Франции!

– Да здравствует Франция! Да здравствует Император! – пьяные нестройные голоса раздались снаружи, где гвардейцы жгли костры прямо на брусчатке. Наполеон пожал плечами: его солдаты заслужили отдых, армия должна восстановить силы перед походом на север.

– Сир, все изменилось пять дней тому назад, глас, который я слышу, вдруг начал пророчить нашей армии поражение, якобы мы бесславно уйдём из России этой зимой, армия почти вся погибнет в заснеженных лесах, а уже через год русские будут на границах Франции! Мне страшно говорить вам это, сир, но такова правда! – закончил де Кроссье, смотря императору прямо в глаза и пытаясь выдержать его тяжелый проницательный взгляд.

Наполеон почти минуту обдумывал услышанное под хриплые возгласы солдат, доносящиеся с площади. Затем, откинувшись в кресле, спросил:

– Мне интересно, де Кроссье, какие именно события про-

изошли пять дней назад? Ведь если этот..., гм..., голос с небес, что вы якобы слышите, говорит о грядущем, то, чтобы оно изменилось, должно поменяться и настоящее. Пять дней назад Великая армия на марше подходила к Москве, и ничто не препятствовало мне ее занять, ибо русские сбежали от новой баталии! Никто, слышите, никто, не мог ничего изменить! Насколько вы уверены в том голосе, что слышите, может статься, это просто игра вашего воображения?

– Ваше величество, после битвы на большом кургане русских я нашёл одного тяжело раненного русского генерала, изуродованного, и без сознания. Я не знаю, кто он такой, но точно уверен – он, как и я, слышит глас грядущего. Ровно пять дней назад, по дороге в Москву, этот русский пришёл в себя. Он знает те же пророчества. Маршал Мюрат также с ним говорил и....

– Значит, у нас в плену русский генерал, а я узнаю об этом только сейчас? – и император начал перелистывать лежавшие на бюро бумаги. – Согласно последним донесениям, командующий второй русской армией генерал Багратион был тяжело ранен, возможно, даже и убит в сражении. Также, не были найдены ни живыми, ни мертвыми, командир корпуса генерал Тучков и начальник артиллерии генерал Кутайсов. Тучков это один из братьев, другой брат давно у нас в плену, он сможет узнать раненого. Приведите его ко мне, немедленно! Где он сейчас?

– Он умирает, сир. Лекарь осмотрел его сегодня – ему

осталось не более суток. Ранения слишком тяжкие, уже пошло заражение. Чудо, что он вообще протянул так долго. И он не....

– Ну так привезите его мне, пусть даже мертвого! – нетерпеливо прервал император, сделал короткий знак рукой, давая понять, что аудиенция окончена, и наклонился к своим бумагам.

С площади древнего Кремля, на которую уже опустились сухие осенние сумерки, потянуло через раскрытое окно свежим дымом разложенных гвардейцами костров и запахом жареного на вертеле мяса.

Лучше бы он не приходил в себя вообще. Боль была жутчайшей и шла от головы и шеи вниз по всему телу, пот застилал глаза, лоб и руки были горячи. Александр Иванович из последних сил зло облизнул пересохшие и треснутые губы, со стоном огляделся по сторонам. Было темно, переулок еле-еле освещала лишь неполная луна да какие-то дальние красноватые отблески. Смерть уже накрывала его своими пушистыми крыльями, он знал это. Что сделал он за свою жизнь, что оставит после себя? От него, блистательного графа Кутайсова, надежды русской армии, любимца придворного света, не останется даже могильного холмика, его тело, наверняка, сгниет в этой зловонной луже, где он полусидит, полулежит сейчас, прислонившись спиной к кривому дощатому забору. Никто не узнает про это, даже сидящий рядом полупьяный мещанин, который, нагнувшись к нему бородатым

лицом, шепчет:

– Ваше благородие, а, ваше благородие, ты что, очнулся? А ну давай, вставай, ваше благородие, тут ханцуз ездит по переулку, не ровен час, тебя конем затопчет или саблей ударит, потехи ради! Ну же, поднимись!

Глас врезался в воспалённый, изможденный мозг Александра Ивановича – он даже дернулся, и замутнённое сознание моментально прояснилось. Теперь он знал, что должен сделать за несколько последних оставшихся ему часов. Боль, воспоминания, мысли о предназначении, немощь израненного тела – все это ушло куда-то далеко. Кутайсов вдруг резко приподнялся, стряхивая потекшие по рукавам грязного мундира капли – и встал! Сидевший рядом мужик в изумлении протер глаза, и тоже поднялся, даже выпрямился.

– Где мы сейчас, где тот дом, где мы были раньше? – спросил твёрдым голосом раненый, смотря как бы сквозь человека.

– ...Да мы тута рядом, и, слышь, ваш благородь..., дом..., он там-то... вот, – запинаясь, ответил мещанин и махнул рукой куда-то в сторону. – Вынесли нас, стало быть, басурманы оттуда, квартируют там теперь, и склад у них там, так-то, ваше....

– Как звать тебя? – перебил его Кутайсов, смотря теперь в упор единственным глазом.

– Я... это..., Тарасовы мы, Владимиром величать и Андреевич по батюшке, ваш благородь! Губернии Пермской меща-

нин по происхождению, – был ответ.

–Так слушай меня внимательно, Тарасов Владимир, Андреевич по батюшке, – твёрдо и уверенно сказал раненый. Я граф Кутайсов Александр Иванович, начальник артиллерии русской армии, приказываю тебе оказать помощь Отечеству своему!

Но затем, менее уверенно, уже срывающимся голосом, но также смотря в глаза, сказал:

–...Не приказываю, но..., прошу тебя..., помочь мне, ибо один не справлюсь. Мы..., должны, ...можем..., нам надо поджечь тот склад, и..., дом, дабы далее пожар сей разошёлся и выгнал из Москвы неприятеля!

Было уже почти три часа ночи, когда два человека, ступая неуверенно и пошатываясь, подошли к забору вокруг старого доходного дома. Внутри было тихо, окна не светились, во дворе виднелись только слабые отблески от фонаря часового. Сам он, сидя возле здания сарая на пустом бочонке, уже слегка закемарил, наклоняясь и опираясь на упёртое в землю прикладом ружьё. Кутайсов думал было наудачу атаковать его прямо от ворот, быстро добежав и надеясь, что французский солдат не успеет прийти в себя и отреагировать. Но мужик потянул его за собой вправо, тихонько без скрипа отворил одну из досок и они прокрались во двор прямо позади сидящего человека. Так как оружия у них не было, голову часовому просто проломил ударом валявшегося во дворе обломка брёвна. Ржавый замок, повешенный на старую

и хилую дверцу сарая, Тарасов выломал тоже очень быстро. Кутайсов обратил внимание, что, несмотря на немощь и не выходящий из головы хмель, его вынужденный помощник отличался большой физической силой. Внутри стояли три пушки на лафетах, стволы которых ярко сверкали, несколько ящиков с ядрами и гранатами, а в углу, к вящей радости графа, было расставлено около дюжины тридцатифунтовых бочонков. Александр Иванович провёл ладонью оставшейся руки по мокрому лбу и указал на порох Тарасову:

– Три штуки неси в дом, одну – к соседнему забору, быстрее давай!

Сам он, отмокнув от ружья часового острый трёхгранный штык, пробил и аккуратно раскурочил донце еще одной бочки, и, прижав ее к телу и обхватив здоровой рукой, медленно побрел от сарая к крыльцу дома, рассыпая по всему двору чёрный порошок. Дул сухой ночной ветер, и, повернувшись, Кутайсов оценил его направление: прямым в сторону центра города, к Кремлю.

Может быть, удастся запалить не только один этот дом, если вдруг повезёт. А если нет – то он сделал все, что мог!

– Слышишь, все, что мог! – вдруг пылко воскликнул граф, потряхнув поседевшими кудрями и обратив изуродованное лицо прямо в небесную черноту.

Силы теперь оставили его окончательно, он опустился на голую землю рядом с входом в дом, тяжело дыша, пульс колотился, зубы скрипели от резко пришедшей боли. В голо-

ве вдруг закутились все картины его жизни: беззаботное детство в батюшкиной усадьбе, первая любовь с юной черноглазой цыганкой, табор которой стоял на соседнем лугу, начало службы полковником в гвардии, темные бессонные ночные часы, когда он упорно штудировал книги по артиллерийской науке, променяв на это развеселые офицерские кутежи, первая блистательная встреча с императором, первые сражения: кровавая метель Эйлау и мясорубка Фридланда, Вена и Париж, запойное изучение языков и вечерние беседы с блестящими французскими генералами – прошлыми и будущими соперниками. Затем непрерывная, изнуряющая работа по артиллерийским преобразованиям: сотни бумаг, десятки инспекций, долгие часы раздумий, когда, чтобы отвлечься от очередной реляции, он метался к незаконченным четверостишиям, затем к геометрическим чертежам, а потом обратно, стремясь и успевая закончить все разом. Встреча с Берестовым, растопленный камин, зимняя ночь и тихий голос посланника, рассказывающий ему о природе и сути гласа грядущего. Бесконечная череда светских балов, брызги шампанского и шуршащие платья прелестных фрейлин. Гром, грянувший с первыми шагами врага по его родной земле, решительное отчаяние Островно, огнедышащий жар стен Смоленска и грозная ярость Бородино, наконец, жуткое ранение и плен. Это закутилось в бесконечной воронке, как будто соединилось со всей Вселенной и растворилось в ней навечно, когда Александр Иванович в последний раз в жизни

пришёл в себя и разлепил единственный воспалённый глаз. Мужик с удивлением смотрел на него, не понимая, что происходит, но тут же тьма, накрывшая двор доходного дома, вдруг раздвинулась, прорезанная скрипом входной двери и пляшущим лучом масляного фонаря: на крыльце, щурясь в ночную мглу, стояла старуха в чепце и ночной сорочке. Кутайсов и Тарасов на мгновение застыли на месте.

– Эй, а ну, чего вы удумали, эй-ей, тревога, пожар! – вдруг завизжала, заверещала она, сразу вцепившись хмельному в бороду и подбираясь к его горлу. – Запалить, спалить, мою собственность, да я все за неё отдала, жизнь отдала, чтоб в Москве жить, убью тебя...!– и стала наносить Владимиру Андреевичу тяжелые, увесистые удары по голове, никак несоизмеримые ни с ее малым ростом, ни с хилым телосложением.

– Гад, сука, тварь, не выйдет, убью-ууу...!– захлебываясь, едва не шипела она.

В доме, казалось, начали просыпаться, медленно, словно нехотя, загорелись свечи в двух окнах, да и с улицы уже раздавался топот бегущих ног и конское ржание. Ещё чуть-чуть – и весь план умирающего Кутайсова, а также чей-то высший замысел падет прахом! Но тут ошарашенный Тарасов, резко повернувшись, отбросил Юлию Алексеевну на землю, и, ухватившись крючковатыми пальцами, из последних сил сдавил ее горло, одновременно крича:

– Давай, ваш бродь, быстрее, жги, взрывай!

Удушая хозяйку, Тарасов даже в темноте разглядел, как выпучились в ужасе ее щучьи глазки, раскрылся в немом крике узкий змеиный рот, ища последнего глотка воздуха. Владимир Андреевич вспомнил, как почти тридцать лет назад он встретил ее во время своей поездки на уральские прииски, как она несколько раз избавлялась от рождённых ими детей, как стремилась, уговаривая его, продать все и поехать в столицу ради того, чтобы начать там новую жизнь, как уже здесь загнала его в долги, споила, отобрала дом и землю, бросила его умирать в грязной подворотне. Все это пронеслось в его голове, он ещё сильнее сжал руки на горле своей бывшей жены. Старуха Юлия Алексеевна, оскалившись как вурдалак, дернулась ещё раз, и затихла навсегда, упокоившись на земле своей московской собственности.

В этот момент ворота, закрипев, отворились, и внутрь, стуча шпорами и размахивая факелом, вбежал де Кроссье с несколькими гвардейцами, и на мгновение замер – он увидел в отблесках огня лежащего бездыханным часового, два тела, сцепившихся у крыльца в яростной хватке, и своего пленника, медленно ползущего ко входу в сарай с тлеющим фонарем в уцелевшей руке.

– Нет, стой! – воскликнул шевалье, вырвавшись из оцепенения ужаса, но было уже слишком поздно. В своём последнем усилии умирающий Кутайсов упал вовнутрь склада, раздался звон бьющегося стекла светильника.

– Пора! – последняя мысль пришла извне в его мозг, он

ещё успел увидеть в своём воображении желто-белый русский флаг с чёрным императорским орлом, развевающийся среди знакомых силуэтов ветряных мельниц Монмартра, а затем все вокруг потонуло в ослепительном сиянии.

Дощатый сарай, превращённый в артиллерийский склад, оглушительно бухнул огромным ослепительным разрывом, разбрасывая в стороны целый дождь горящих деревяшек, пылающих пучков травы, острых сверкающих кусочков металла. Де Кроссье отлетел назад, контуженный взрывной волной, и, поднимаясь, сразу свалился вновь, ибо стоявший перед ним доходный дом вдруг тоже взлетел на воздух со всеми там находившимися, поднимая кучи пыли и огненные брызги. По всему переулку посыпались пылающие головешки, они падали на крыши и стены других строений и мгновенно зажигали их в сухом ночном воздухе. Огнедышащее пламя начало быстро разгораться, и через полчаса уже пылал весь квартал, повсюду сновали испуганные, не знающие, что делать, солдаты и носились обезумевшие лошади. Бегущие языки огня подбирались прямо к ведущему к Кремлевским стенам узкому деревянному мостику через Язу, превращаясь в большой пожар, заполняющий все пространство вокруг....²³

²³ Место начала и причины возникновения пожара Москвы 1812 года до сих пор обсуждаются историками.

Глава 29

2019 г., Максим Шмелев

То, что он изготовил, стояло прямо здесь же, на ковре у французского окна роскошного гостиничного номера, балкон которого выходил прямо на оживленную Тверскую. Длинный цилиндрический чёрный футляр, к нему прикреплены три бруска грязно-белого цвета, в каждом бруске – полупрозрачная палочка, а от неё идут провода прямо к лежащему тут же старому китайскому мобильнику, все выглядит просто и кустарно.

– Черт подери, ну неужели каждый дилетант может вот так сам сделать обыкновенную грязную бомбу, которая будет угрожать целому городу! – подумал я, и медленно, не опуская рук, повернулся.

Человек уже уложил на ковёр у двери трепещущее тело девушки, и, целя в меня из пистолета, с деланным любопытством спросил:

– Откуда ты узнал-то про это?

– Тяни время... – буквально почувствовал я тот голос в затылке, – ...жди момент!

– Я опущу руки, ладно? – осторожно спросил я. – Неудобно, блин!

Злата тихо простонала, буквально выдохнула. Кровь впитывалось ковром, насколько я мог судить, рана была тяжелая и она умирала. Лозинский покосился на неё, она стекленеющим взглядом смотрела в мою сторону.

– Опускай! – приказал он, качнув стволом в мою сторону. – Рассказывай!

– Думаю, ты мне все равно не поверишь..., ну ладно, спрошу вначале, насколько ты знаком с релятивистской физикой, червоточинами Кипа Торна, теорией квантовых струн...?

– Чего за хрень? – уставился он на меня и нетерпеливо дернул пистолетом.

Так и думал, далее 8 классов и техникума у тебя не дошло. Попробуем по-другому....

– Мне сказал Соболев Евгений Иванович, которого ты убил. Резерв отеля я нашёл у тебя там же, в Голицыно, – объяснил я.

– Так, – Лозинский закричал, присаживаясь в стоящее у двери кресло. – А он откуда узнал?

– Без понятия.

– Ладно. А эта шляха? – кивнул головой в сторону Златы.

– Не знаю, только что её встретил, здесь.

– Ещё кто-то знает?

– Без понятия. Думаю, вряд ли. Что это ты хочешь взорвать? Что там такое у окна?

Он ухмыльнулся, дуло пистолета по-прежнему смотрело на меня, сливаясь с его самодовольным выражением лица в

какую-то бесформенную массу. Я потряс головой, снимая с себя оцепенение. Было реально очень страшно.

– Ты все равно умрешь через минуту, так что скажу тебе, ладно. Там стержень из кобальта. Фонит о-го-го как. Завтра, в 15-00, как будет это идиотское шествие людей с портретами, на них рухнет отсюда облако радиоактивной пыли. Здорово я придумал? – и вновь ухмыльнулся.

Злата, кажется, уже перестала дышать, вся её блузка и махровый палас под ней были буро-красные.

– Не уверен, – как можно более равнодушно сказал я. – Не уверен, что рванет как надо, не уверен, что стержень твой взрывчатка испепелит в мелкую радиоактивную пыль, чтобы её переносило воздухом, не уверен, что энергия взрыва и обломки уйдут наружу, а не останутся здесь в номере. Думаю, всего несколько обломков будет, ну пофонят здесь немного и их заберут для утилизации. Слабовато, не впечатляет, если честно. Вопрос – зачем? Зачем надо было убивать трёх людей и пытаться убить ещё несколько тысяч?

Он смотрел на меня взглядом убийцы – я знаю этот отрешенный и доверительный взгляд, взгляд того, кто убил однажды и готов убивать дальше, или того, кто предал однажды и готов предавать дальше – таких людей никто и ничто в этом мире не изменит.

– Кто ты вообще такой? – спросил он, наконец. – ФСБ, ГРУ, ФСО или просто мент? На фига ты вообще в это ввязался? Ты же только с ней пришёл, я слышал через дверь,

с вами нет группы захвата, ОМОНа и прочей швали. Вы что, вместе с этой телкой, в войнушку играете, чтоли? Ну-ка, остороженько, двумя пальцами правой руки, достань и брось мне свой портмоне, живо!

Я медленно сделал это, и, не сводя с меня глаз, он пролистнул все отделения моего бумажника.

– Так, – сказал он, рассматривая мою визитку. – Шмелев Максим Николаевич, менеджер по продажам. И что? А удостоверение сотрудника спецслужб – где оно?

– Его нету, – я развёл руками, следя за его реакцией. – Работаю в частном порядке. Она, – я сделал движение рукой, указывая на безжизненное тело Златы, – думаю, тоже так. Поэтому повторяю свой вопрос: зачем ты хочешь это сделать? Неужели не жалко людей, что завтра пойдут здесь, все красивые и нарядные, неся...

–...Дурацкие палки с рожами своих неполноценных дедок и бабок? И кто эти все люди – каловые массы, как недавно сказал один банкир, из Сбербанка, кажется. Да и кому они нужны – тем, кто жирует здесь рядом в квартирах за лимон баксов, отгородившись от них своими охранами да мигалками? Тем, кто каждый день имеет шлюх, вроде этой, в номерах крутых отелей, жрет икру и запивает ее икс-ошным коньяком, а потом тащится на мерсе с блатным номером на Охотный Ряд изображать, что блюдёт волю избирателей? Или, вот ещё, тому, кто крадет их мизерные пенсии, сидя в своей роскошной хате на Рублевке или Новой Риге,

тыкая пальцем в экран последнего АйФона и перебрасывая бабло в офшор для покупки себе нового бизнесджета? Неа! Да никому из власть держащих они не нужны. А я сделаю так, что они сгорят на глазах всего мира! И все, что имеют для себя эти вышестоящие твари, станет уже никому не нужно. Их прущая изо всех щелей самодозволенность и наглость власти лопнет, лопнет вместе с этим поганым городом от одной радиоактивной инъекции!

– Ну, то есть ты этакий врач, лечащий всех нас облучением, типа все наше больное общество! Да, круто придумал, – я говорил с надрывом, поражённый его словами. – А ты вообще знаешь, что бывает от воздействия радиоактивного кобальта? Вначале хриплый, непрекращающийся кашель, потом ужасная рвота, будут разрушаться все органы, и, наконец, лёгкие заполнятся кровью и наступит мучительная смерть. Ты бы такого хотел для себя, а, придурок? – и на этих словах я глянул не на него, по прежнему целящего в меня из пистолета, а на Злату, которая вдруг, на последнем издыхании, пришла в себя. Она смотрела в упор, как будто стараясь поймать мой взгляд, а пальцы на ее руке, там, где было то красивое кольцо, сложились в комбинацию, напоминающую латинскую V.

– Ладно, – сказал Лозинский, – хватит тут нам болтать. Времени мало, а дел у меня еще много. Все равно ни за тобой, ни за этой блядью издыхающей, никто не придёт, положу вас прямо возле бомбы, чтобы даже от тел ничего не

осталось. А там....

За десять секунд, пока он это говорил, я, наконец, осознал все ситуацию. Девушка, умирая, показала мне цифру 2, и я сообразил, что это значит. Вроде пистолет это ПМ, даже с заводским глушаком. Неужели она показывает число выстрелов, а их уже было 2, значит, она положила всего 2 патрона в обойму...!

И, напрягая все мышцы, я камнем бросился через весь номер к двери, туда, где сидел этот террорист-одиночка, ожидая в любое мгновение ослепительной вспышки перед глазами, а потом..., не знаю чего: яркого света, встречи с теми, кто шлёт звучащий в голове сигнал, или же просто забвения.

За эти пару секунд он успел нажать на курок только один раз и удивленно, непонимающе, глянуть на пистолет, почему нет выстрела. А в следующее мгновение я ногами и руками врезался в него, опрокидывая кресло, где он сидел, навзничь. Коленями я ударил ему в корпус, одновременно кулаками сокрушая голову. От резкого движения он не успел сгруппироваться и затылком ударился со всего маху в стену, я услышал ужасающий треск костей шеи. Он умер в тот же момент, когда спинка кресла коснулась ковра.

Я поднялся с его мертвого тела, глядя прямо в остекленные зрачки. Все было как в тумане, я понимал, что все кончено, но тихий стон девушки вновь вывел меня из оцепенения. Я подошёл к ней и увидел, как жизнь буквально гаснет в её прекрасных жгуче-чёрных глазах. Я так никогда и

не узнал ничего про неё: как она родилась в богатой номенклатурной семье в одной из бывших южных республик Союза, как после распада страны лишилась почти всего и уехала учиться в Москву, как ещё совсем юной девочкой жила с бизнесменом, погибшим в лихие 90-ые при разделе собственности, как стала потом содержанкой у бандитов с Рублевки, как, перестав соответствовать их запросам по молодости и доступности тела, стала подрабатывать эскортом в лучших гостиницах Москвы. Именно там, в номере Шератона, буквально в момент оказания своих интимных услуг одному из клиентов, чуждый зов впервые ворвался ей в затылок:

– Он планирует страшное, его надо убить, – надолго впечаталось в её сознании, и повторялось в течении почти месяца, до этого самого решающего дня. Тем клиентом как раз и был начинающий адвокатишка средних лет Дмитрий Лозинский, для показа своей важности и значимости даже давший ей свою визитку, в которой он, правда, числился всего лишь помощником юриста.

– Ничего себе карьеру сделал, учитывая возраст гораздо выше среднего! – подумала она тогда насмешливо, хотя деньги за проведённую ночь он выплатил, посетовав, правда, что за такую сумму она могла быть и пострастнее. Она не понимала, почему слышит голос в отношении именно этого человека. Но в такие моменты вдруг начинало нагреваться на пальце её кольцо – подарок отца и наследство его отдаленного предка, русского живописца-баталиста. Папа пода-

рил ей перстень в день окончания школы, вместе с историей про людей, которые слышат таинственный небесный глас, а через несколько дней безвременно ушёл в небытие.

Потом Злата еще несколько раз встретила с этим адвокатом, благо, её услуги он готов был пользоваться регулярно, даже начал считать её своей девушкой, пару раз устраивал сцены ревности. Она спокойно терпела, изображала страсть, и пыталась выяснить, что же он собирается сделать. И только два дня назад, когда он вырубился после трех рюмок водки и бурного секса (а на самом деле, очень слабенького), она, осмотрев его вещи, среди судебных бумаг нашла отдельно лежавший, нарисованный от руки корявый чертеж странного устройства, на деталях которого было написано «С4». А когда Лозинский сказал ей, что хочет устроить 8 мая прощальный вечер и уезжает, она, в очередной раз услышала голос:

– Пора, решайся, сделай это! – и, почувствовав теплоту перстня, позаимствовала у ещё одного своего постоянного клиента, бывшего бандита, пистолет Макарова с глушителем.

Я мог, глядя сквозь её уходящее сознание, только предположить, как все там было: может быть, она, ошарашенная нашей неожиданной встречей, двигалась не слишком быстро, а Лозинский, услышал случайно, ожидая её под дверью, наш разговор. Она не успела выстрелить в подонка, Дима перехватил её руки и первый её выстрел ушёл в сторону, вон в тот край роскошной дубовой кровати, где виднеется ды-

ра, а потом он, пользуясь своей физической силой, направил ствол ей в живот. Но теперь он лежал у входа мёртвый, и она медленно уходила, продолжая смотреть на меня в упор затуманенным, но спокойным взором. Злата ещё успела, протянув мне руку, пошевелить тонкими наманикюренными пальцами, указывая мне на кольцо, и тихо прошептать:

– Возьми... – а затем у неё пошла кровь изо рта, и я увидел, как её бездонные глаза навсегда погасли.

Я остался в комнате один, как на поле только закончившегося сражения, среди бездыханных тел. Нахлынувшее отпущенное успокоение сменилось чередой идей, которые наполнили сознание. Голос в мозгу не звучал, но все мысли были связаны с ним. Вот я, кажется, предотвратил неминуемую катастрофу, грязная бомба в центре Москвы завтра не взорвется, люди не погибнут, страшное заражение не наступит. Никто, скорее всего, так и не узнает, что это могло случиться. Даже если я сейчас просто уйду, забрав бумажник с документами, завтра ФСБ так или иначе обнаружит устройство и два тела и зачистит номер, а с учетом праздника даже побояться передать это в новости, дабы лишний раз не баламутить народ. Может быть, какой-нибудь чин из силовиков секретным приказом получит несколько звёздочек и орденов за блестящую операцию по предотвращению теракта в Москве, они это могут устроить. Но разве я сделал это для них? Для тех, кто ездит на «майбахе» с мигалками по специально перекрытым для них трассам, чтобы успеть на семей-

ный ужин в свой трехэтажный особняк, а все другие в этот момент толкнутся в созданной искусственно пробке, матерясь и строча сообщения в Яндекс Навигатор? Или же Злата и я рисковали сегодня жизнью для тех немногих избранных, кто покупает на спрятанные в офшорах налоги простых людей роскошные квартиры с прислугой, дизайнерским двориком и французскими окнами от потолка до пола в центре города? Ведь сегодня их бахвальная собственность была спасена нами от прихода в негодность от радиации и обесценивания до нуля. А может быть, спаслись от мучительной лучевой болезни мажоры, которые всю ночь тусуют в модных московских клубах, попивая за папины деньги алкоголь по 500 евро за бутылку и собирая лайки своим фотографиям за рулем нового «Ламборгини»? Или те, кто снимают на новый АйФон и радостно постят в Инстаграм, как их глупенькие смазливые девахи танцуют тверк на мемориале героям Войны или жарят шашлык у Вечного огня? Или те, кто нагло зарабатывает миллиарды на ежегодной перекладке асфальта и плитки в центре города, платя копейки за эту работу тысячам мигрантов, которыми наполнен когда-то хлебосольная и патриархальная столица, все окраинные районы которой теперь задыхаются от смога и миазмов, идущих со свалок и очистных сооружений? Ведь можно, как раковую опухоль, вырезать все это, точно облучить радиоактивной пылью от кобальта, взорвать это устройство со стержнем прямо сейчас, пока на улицах нет людей, не допуская жертв, разом решить

кучу проблем социального неравенства и нетерпимости. Вот ведь как получается! И это могу сделать я! Я – редактор истории, я тот, кто слышит голос наших далеких потомков и может, следуя ему, выполнить простое действие и навсегда все изменить!

Неужели упомянутый этим Лозинским банкир был сильно прав? Простые люди – экскременты, на которых наплевать власть имущим, тем, кто держит в руках всю собственность, все заводы, скважины, шахты, отели, магазины и стадионы, и тем, кто всеми ими управляет. А я сейчас разом лишу их самой дорогой части их состояния, той, что золотом огней пентхаузов и серебром хромированных дисков элитных автомобилей разлеглась вдоль широких московских улиц и проспектов. Стоит мне только аккуратно выложить взрывное устройство на балкон, как-нибудь его зафиксировав и накрыв, уехать куда-нибудь подальше из города и позвонить на прикрепленный к брускам С4 смартфон. И все! Если этот лежащий в углу в скрюченной позе с навсегда застывшим взглядом убийца и террорист Лозинский собрал бомбу правильно, над ночным городом взметнется и сразу осядет облако невидимой радиоактивной пыли. Завтра, нет уже сегодня, ведь время без 15 минут час ночи, не состоится ни парад, ни шествие, ибо все вокруг будет фонить. Закроются торгующие по безумным недоступными для большинства москвичей шмотками и аксессуарами сверкающие магазины, дорого отделанные офисы компаний, смысл бизнеса

которых состоит в основном в выкачивании ресурсов и переводе денег, прекратиться безумное и ничего не дающее простым людям монструозное строительство, перестанут работать министерства с жирующими на наши налоги чиновниками. Возможно, конечно, я утрирую и мощность устройства гораздо меньше, но все равно, Кремль рядом, такой удар может изменить историю города и страны. Итак, ведь и сам я такой же, никому не нужный обычный человек. И сейчас я сделаю это...!

Кольцо Златы, которое я неосознанно все это время держал в закрытой ладони, вдруг резко стало заметно теплее. От неожиданности я разжал руку и чуть не выронил его на ковёр. Я рассмотрел перстень: обычный серебряный, явно старинный, без надписей и гравировок, темно-красный плоский полупрозрачный камень, с несколькими неровностями, неограниченный, но излучающий внутренний свет и тепло. Почему девушка в свой последний миг жизни заставила меня взять это кольцо? И вдруг я почувствовал, буквально ощутил всеми клеточками мозга, как открылся канал связи. Их сигнал на сей раз был сильный и разборчивый:

– Не делай этого! – услышал я, и убеждение, подобно сверхновой, засияло у меня в сознании. – Не надо, этого не должно произойти!

Ошеломлённый, как в тумане, я сел за стоявший тут же в номере стол, достал из ящика так кстати нашедшиеся там бумагу и карандаш и быстро написал:

«В номере 618 возле окна на полу – взрывное устройство с радиоактивной начинкой. Террорист и гражданское лицо убиты во время захвата. Вызывайте срочно ФСБ».

Сложив записку, я упаковал ее в конверт, также лежавший в ящике. Потом ещё раз окинул взглядом номер, мертвого убийцу Лозинского, чёрный футляр у окна, девушку, бывшую редактором, и во имя этого отдавшую жизнь. Бросил взгляд на ее кольцо я подумал что оно, похоже, каким-то образом усиливает связь, вот вдруг, как только я его коснулся, сразу же показалось, что мысленный вызов стал сильнее и яснее. Дальше, вновь как в тумане, я закрыл дверь, спустился на лифте, в котором мы пол-часа назад ехали вместе со Златой, назад в фойе отеля, и, не говоря ни слова, только положив конверт на стойку перед вечно занятыми администраторами – кстати уже новыми, а того парня, что назвал мне номер, не было на месте, – аккуратно и нарочито медленно вышел на ночную Тверскую.

Идя пешком в сторону Кремля, я ещё раз сжал кольцо в ладони. Водоворот разных мыслей шел в голову, я слышал разные команды, принимал в себя разные идеи, череда разных событий, прошлых и, главное, будущих, потоком шла через мое сознание. Я, наконец, понял, что сейчас я сделал все правильно, но главное, осознал, сколько ещё мне предстоит сделать. Касаясь потеплевшей поверхности красного камушка, я, кажется, постиг предназначение, как и многие почтальоны и редакторы истории, владевшие этим перстнем

задолго до меня.

Глава 30

1812 г., Дмитрий Неверовский

Неверовский уже в который раз нетерпеливо проехал вдоль строя, похлопал трепещущий бок своего боевого коня, затем приподнялся в седле, пытаясь разглядеть, что происходит на берегу речки. Там, правее, верстах в двух, за уже начавшим терять золотые и красные листья лесом, разворачивалась основная баталия этого октябрьского дня. Гром орудий доносился ясно и отчетливо, вдали, за берегом, виднелись очертания батальонов неприятеля, но команды наступать пока не было. Черт возьми, по диспозиции основной удар две русские колонны наносили по левому флангу Мюрата через лес, но основные силы должны были поддержать их, двигаясь по равнине прямо к реке²⁴. Два корпуса стояли в боевом построении, с развёрнутыми знамёнами, пушками во фронте и ждали – чего? Дмитрий Петрович остановился, посмотрел вперёд, пытаясь разглядеть французские знамёна, а потом раздраженно махнул рукой. Передовой барабанщик, молодой безусый корнет, вопросительно посмотрел,

²⁴ Тарутинское сражение (18 октября 1812 года) – бой между русской армией и французским авангардом под командованием Мюрата, на реке Чернишня Калужской губернии. Закончился разгромом и отступлением французов.

полагая, что это сигнал к атаке, но генерал только покачал головой. Медлительность и неорганизованность его бесила. Успех сражения зависел от синхронности действий всех трёх наступавших русских колонн, но, когда первая из них, с правого фланга, ранним утром уже налетела на мюратовы аванпосты, войска центра даже ещё не подошли к густому лесу, который прикрывал французские позиции. А его дивизия только строилась для выхода из лагеря под командованием генерала Милорадовича²⁵.

Вот и он сам, чуть впереди, с блестящей офицерской свитой, гарцует на своей арабской лошадке, по обыкновению обмотав шею разноцветной шалью. Нервно крутит в пальцах табакерку, тоже ждёт приказа к атаке, наверняка не понимая, что творится впереди и почему такая задержка. Но вдруг отделяется от свиты и быстро скачет к нему, останавливаясь у крайнего батальона.

– Смир-но! – громко командует Неверовский, и новобранцы благоговейно замирают при виде легендарного командира.

– Ну что же братцы, в бой хотите? – улыбаясь и подбоченясь спросил генерал Михаил Андреевич.

– Так точно, ваше высокооо...пре...ствоо! – отвечал дружный хор солдатских голосов.

– Хватит еще боев на ваш век! – загадочно, но громко, от-

²⁵ Милорадович Михаил Андреевич (1771-1825) – генерал, военачальник и политический деятель, герой Отечественной войны 1812 года.

ветил Милорадович, и направил лошадку прямо к Неверовскому.

– Дмитрий Петрович, – тихо и спокойно сказал он. – Нету приказа выступать пока. Говорят, фланг сокрушили, вроде как, отходит Мюрат, но что-то уж больно медленно. Соболаговолите двинуть дивизию вперёд шагов на триста, но не ближе, а в бой пока не соваться.

И, приняв салютование Неверовского, поскакал вперёд. Первая линия по команде двинулась за ним, приминая ещё не пожухшую траву.

Дмитрий Петрович ехал задумчиво, события последних нескольких месяцев все крутились в голове и пока ещё болело, поднывая, пораненное при Бородино плечо. После сражения он пытался в штабе разузнать судьбу Кутайсова, но никто ничего не говорил, а только молчали, странно при этом переводя тему на другое, знакомые офицеры и генералы. Пока один из адъютантов Ермолова, молодой поручик Николай Муравьев, видимо находившийся в благостном задоре от только что прикрепленного на мундир, сияющего всему лучами ордена святой Анны, не вышел с ним приватный разговор и сообщил:

– Его сиятельство граф Кутайсов погиб при доблестной атаке нашей днём на занятую французами батарею в центре. Я лично поймал его коня после боя и отвёл к его высокопревосходительству. Там было все в крови, но тела сыскать не удалось. Сказывают, что его светлость главнокомандующий,

узнав сие, был крайне зол, ибо артиллерия лишилась командира в самый важный момент баталии.

– Итак, – размышлял Неверовский, – Берестов погиб, Кутайсов погиб. Если и есть сей глас, то кто же теперь слышит его?

Граф тогда говорил, а он запомнил, что таковые люди особенно часто являют себя в годину тяжких испытаний, когда судьба отчизны висит на волоске. Но вот сейчас – оно же самое. Наполеон в Москве, а Мюрат перед ним опять, и неизвестно, сможем ли его одолеть. Правда, по диспозиции, на авангард французов должна навалиться вся русская армия, сил явно больше у нас. Но солдаты не обучены, много «стариков» пало при Бородино, взять его дивизию: опять почти все новобранцы, пороху не нюхали, все также, как это было тогда под Смоленском, а не прошло и трёх месяцев. Значит, чтоб вновь спасти армию и Россию, должен появиться кто-то из посланников. Или все напрасно?

Дивизия почти подошла к узкой, заболоченной речке, и, согласно указанию Милорадовича, остановилась. Неверовский подъехал к группе офицеров, окружавших командующего на небольшом пригорке, с которого открывался вид на поросшую кустами равнину позади водной глади. Стрельба на правом фланге, за лесом, прекратилась, были видны наступавшие русские колонны и сновавшие туда-сюда среди редких кустарников конные фигурки казаков. Французы отходили по всему фронту, за рекой уже даже не было бата-

льонных каре. Впереди, у самого берега, на пыльной дороге из Тарутино, стояла деревенька в несколько домов, один из них горел, другой был сильно разрушен ядрами. Позади неё каким-то чудом уцелел деревянный мостик, открывая прямую дорогу к столице. Командующий указывал на этот мост и объяснял офицерам порядок прохождения полков и их развертывания в боевой порядок прямо за речкой на случай атаки. Но тут один из адъютантов указал Милорадовичу на вестового, скакавшего к ним с правого фланга. Молодой гусарский подпоручик быстро подъехал, отсалютовал и соскочил с коня для доклада.

– Ваше высокопревосходительство, я от его превосходительства Орлова-Денисова, докладываю, левый фланг неприятеля сокрушён, мы взяли сорок пушек, полторы тысячи пленных, десять знамён. Мюрат бежит, казаки его преследуют, уже не ближе двух вёрст отсюда!

И, подойдя ближе, сокрушенно и слегка упавшим голосом, добавил:

– Его высокопревосходительство Карл Федорович Багудт поражен в атаке неприятельским ядром. Наповал....

Милорадович, сняв шляпу, медленно перекрестился, что-то прошептав про себя. А затем, с полными грусти глазами, но с прежней веселостью в голосе, сказал, обращаясь к офицерам:

– Что же, голубчики мои, не выпало нам подраться сегодня! Мюрата, похоже, и без нас разбили!

А затем, указав Неверовскому на избушки впереди, добавил:

– Дмитрий Петрович, прикажите вашим егерям занять пока сию деревеньку и мост, кто знает, вдруг его неаполитанское величество возжелает воротиться, свои знамёна забрать!

Позади раздался дружный взрыв хохота офицеров свиты....

Начиная с тусклого рассвета этого октябрьского дня ше-валье Пьер де Кроссье был все время в состоянии ярости, переходящей почти в неконтролируемое бешенство. У него до сих пор жутко болели ребра, контуженные почти месяц назад, при устроенном этим русским взрыве дома. Он в раздражении видел, что сбываются самые мрачные пророчества, сказанные ему неведомым гласом: армия разлагалась внутри этой московской котловины, половина зданий в которой уже представляла собой обугленные развалины, оставленные бушевавшим пять дней кряду огнём, дисциплина катастрофически упала, все занимались только грабежом и пьянствовали, а отряды, отправленные по окрестностям города за фуражом и провизией, не возвращались, захваченные либо истреблённые местным ополчением. Но главное, что его смущало и даже пугало – это неожиданная, ранее неслыханная противоречивость указаний, которые он вдруг стал получать, как будто бы неизвестные советчики и сами не зна-

ли, что следует делать.

Первое предложение стало приходить к нему все три дня, пока он валялся с контузией в лазарете:

– На север, на Санкт-Петербург! – приходила отчетливая команда.

Только поднявшись на ноги, он бросился с этим к маршалу. Мюрата он нашёл во временном путевом дворце где-то на севере от горящего города, тот только что вернулся с охоты вместе с императором и выслушал своего раненного адъютанта, даже не сходя с лошади.

– Хорошо, де Кроссье! – сказал он, весело скаля свои жемчужные зубы. – Я передам сей совет его величеству, впрочем, этот вариант сейчас советуют ему многие, включая господ Даву и Нея. Император пока колеблется, но, надеюсь, ваше предложение прибавит ему уверенности в правильности сего решения. Только если эти варвары не превратят и свою северную столицу в подобие вот этого, – и он кивнул в сторону чёрного дыма, заволакивающего половину неба.

Но уже через две ночи, когда пожары стихли, а корпус его маршала был отправлен из Москвы на юг, искать невесть куда девшуюся русскую армию, глас как будто поменялся:

– Немедленно идти на юг, в Украину! – пришла команда в голову де Кроссье, когда среди ночи он проснулся на биваке, обливаясь потом от боли в груди и ужаса от повелительной силы услышанного.

Метаморфоза была столь невероятной и неожиданной,

что вначале он даже ей не поверил, сославшись на бред, вызванный ранением, но на другую ночь все повторилось в точности. К Мюрату с этой новостью де Кроссье смог попасть только на третий день, маршал с кавалерийским авангардом сильно оторвался от основного корпуса, двигавшегося более медленно из-за недостатка лошадей и провианта. Король Неаполя, услышав шевалье, на сей раз покачал головой в сильном раздражении:

– Слушайте, де Кроссье, как вы понимаете, мне сейчас совсем не до ваших видений, откуда бы они не происходили. Я должен найти и атаковать этих чертовых русских! Но вы, если желаете, можете попробовать ещё раз получить аудиенцию у нашего императора и сказать ему об этом лично!

И он отправил шевалье обратно в Москву с донесением. В штаб де Кроссье попал через два дня, но тут же выяснилось, что его величество крайне занят.

– Через месяц можно попробовать, если сейчас назначить, но ранее никак, – лениво, но твердо, заявил ему один из дежурных офицеров при особе императора.

Он промотался в городе две недели, квартируя в чудом уцелевшем после огня амбаре на Якиманке, уезжая в штаб рано утром и возвращаясь уже за полночь, видя везде ужасающее состояние некогда боеспособной армии, теперь превратившейся в шайки грабителей и мародеров, слонявшихся по улицам в поисках еды и имущества, только Гвардия, квартировавшая вокруг уцелевшего в пожарище Кремля, все

ещё представляла собой образец дисциплины и порядка. Наконец, в штабе он получил новую депешу для маршала и прибыл с ней только вчера под вечер, в деревню Винкова, где квартировал Мюрат и недалеко от которой, по слухам, стояла вся армия русских. К маршалу, который почивал после очередной успешной охоты, его сразу не допустили, и шевалье, раздосадованный, отправился отдыхать на расположившийся на лесной опушке, у речки, бивак кавалерийского полка. Там он заснул тяжелым тревожным сном прямо у костра, укрывшись старой вонючей попоной, но не проспал и двух часов. Глас впился ему в мозг в самый темный ночной час, и, открыв глаза, он понял две вещи: что армии нужно уходить из этой проклятой чужой страны немедленно, и что он сам не переживет следующего дня. Рядом, возле огня, сидел незнакомый де Кроссье немолодой бородатый майор, командир эскадрона конных егерей, и спокойно, растягивая удовольствие, курил трубку, окружённый крепким табачным запахом. Шевалье встал, разминая затёкшие ноги, и присел рядом, протянув к костру озябшие ладони.

– Далеко ли русские сейчас? – спросил он офицера.

– Их лагерь примерно в двух лье отсюда, – был ответ, и офицер неопределенно махнул рукой вдаль на юг, примерно обозначая направление.

– Как! – взорвался шевалье. – Русские совсем рядом! А мы так спокойно спим на биваках! Они же могут атаковать в любую минуту!

В его голове моментально возникла картина, увиденная вечером в лагере: корпус Мюрата расположился на широкой равнине вдоль речки, между двумя большими лесами, полки стояли далеко один от другого, расстояние между флангами было больше лье. Неприятель сможет ударить по всему фронту и смять их, разбивая по частям. Наверняка эти русские так и сделают завтра, нет, уже сегодня! Сегодня он предстанет, возможно, перед теми, чьи голоса он слышит. Но он ещё может попробовать все изменить! Как изменил этот проклятый русский генерал, перед смертью посеявший пожар в своём городе. Он, шевалье Пьер де Кроссье, род которого уже давно хранит тайное знание, должен применить его в самый необходимый, решительный момент, именно сейчас. Скоро начнётся бой! И, подскочив с места и изрядно напугав пожилого майора, он громко закричал:

– Майор, поднимайте свой полк, немедленно! Русские сегодня атакуют!

– Как так? – захолопотал майор. – Да что вы, господин полковник, как можно? Офицеры наши штабные ещё вечером совместно обедали, русские желания воевать не выказывали, говорят, перемирие скоро!

– Немедленно эскадрону подъем! – скомандовал де Кроссье, но затем раздраженно махнул рукой и вскочил на коня.

– Вот совсем же безумец, с ума они там в Москове, на зимних квартирах, похоже, сходят! – подумал кавалерийский майор, и, вновь присев у костра, вернулся к своей трубке.

Де Кроссье помчался к деревеньке у речки, стук лошадиных копыт поднимал встреченные на пути отдыхавшие биваки. Растолкав часовых на входе и ворвавшись в палатку маршала, он, к своему удивлению, увидел, что Мюрат не спит, а уже поднялся и сидит на стульчике у зеркала, а рядом суетиться его придворный цирюльник. Увидев своего адъютанта, мокрого от скачки, с выпученными глазами влетевшего в помещение, маршал резко вскочил на стуле и случайно даже порезал шею о лезвие брадоброя.

– Дьявол вас забори, де Кроссье! – громогласно заорал он. – Что это за...? – и выдал длинное гасконское ругательство.

– Ваша светлость, русские сегодня нас атакуют!

– Черт, какие русские, они сидят в лагере, только их офицеры ездят в гости к нашим аванпостам. Или...? У вас опять пророчество?

– Да! Скорее! Поднимайте лагерь! Вот! – буквально простонал адъютант, кинул изумленному Мюрату доставленные из Москвы бумаги и выскочил из палатки: только что новая мысль вонзилась ему в голову, он осознал, русские вот-вот нападут на их левый фланг, войска которого стояли в сильном отдалении, у самого леса.

Вновь взлетев на коня, он напоследок, дабы пробудить спящий лагерь, сделал залп одновременно из двух своих пистолетов, резко и громко, а затем, отбросив их на землю, понёсся сквозь уже распускавшийся рассвет вдоль реки, к

опушке. Но он так и не успел, его бешеная скачка оказалась бесполезна. Уже промчавшись менее полу лье, он с ужасом услышал орудийные залпы, яростная пальба доносилась как раз с левого фланга, впереди него. Проехав чуть дальше он взлетел на небольшой холм, и оттуда вдруг открылось зрелище бегущих солдат и преследовавших их по пятам со свистом и улюлюканьем русских казаков. Везде летели ядра, от лесной опушки стелился белый дым от орудий, там же виднелись зеленые ряды наступавших русских батальонов. Он не успел! Мысль о скором неизбежном конце запульсировала в его голове, выбивая все другое. Он ещё попытался остановить нескольких паникующих гренадёров, развернуть их и заставить сопротивляться, но вдруг сам оказался в гуще атакующей русской кавалерии. Машинально лошадь понесла его обратно, а он рубил направо и налево саблём, грозно крича, пока казацкая пика с хрустом не вонзилась ему между лопаток....

– Ваше высокопревосходительство, деревня и мост заняты, частей неприятеля поблизости не обнаружено! – командир егерей его дивизии, полковник Воейков, вытянулся перед Милорадовичем. Тот смотрел на него своим орлиным взором с искренним, почти детским удовольствием, оттого как споро и быстро его солдаты делали своё дело: перед мостом, в ста аршинах, уже была расставлена цепь стрелков, а в небольшой ложбине, прямо рядом с дорогой, выкатили батарею из семи пушек, направив их по секторам в сторону

неприятеля. Полковник вдруг сказал:

– Там, у деревни, нашли офицера французского, поражён смертельно, но еще в сознании, стонет, зовёт какого-нибудь генерала. Что делать с ним?

Неверовского как будто пронзила мысль и, опережая всех, он ответил, обращаясь к командующему:

– Михаил Андреевич, я бы съездил, посмотрел, если позволите!

– Сделайте любезность, Дмитрий Петрович, – отвечал Милорадович. А я, пожалуй, в штаб доеду, доложу главнокомандующему о сегодняшней виктории!

Егерский полковник повел Неверовского правее, в обход деревни. В уже пожухлой траве, то тут, то там, виднелись куски оружия, борозды от долетевших ядер, чуть дальше лежало несколько тел и бродили оставленные лошади.

– Мы коня увидели, на нем всадник лежал, как стали ловить его, он и свалился, а конь красавец, и офицер видно высокий, мундир с иголочки, не иначе как эскадронный командир али адъютант, – объяснял полковник Неверовскому. – Он копьем в спину ранен, глубоко вошло, насквозь. Где-то здесь был, ежели ещё не кончился, – и он, поведя взглядом, указал генералу на что-то, белевшее возле зарослей невысокого кустарника.

Дмитрий Петрович как будто предчувствовал, кого он сейчас увидит, и сразу узнал французского офицера. Де Кроссье лежал на боку, бледный и грязный, мундир залит

кровью, острие пики торчало у него из груди чуть ниже горла, он не стонал, но хрипло и часто дышал. Неверовский видел такие ранения и по опыту знал, что жить несчастному оставалось менее часа. Француз, услышав приближающиеся к нему шаги, поднял голову, и, посмотрев на генерала полными страдания глазами, молча несколько раз поднёс кончики пальцев к губам. Неверовский присел на траву рядом, открыл свою походную флягу и приставил горлышко ко рту де Кроссье, тот жадно выпил несколько глотков, но затем поперхнулся, дёрнувшись, кровь пошла у него изо рта, пузырясь, но, собрав последние силы, шевалье прохрипел:

– ...Генерал, мы проиграли эту войну, я..., отчетливо... слышу это сейчас.

– Вы сражаетесь благородно и храбро, но мы защищаем свою землю! – ответил Неверовский, и взглянул французу прямо в глаза. – Я помню вас, полковник, и я знаю, что вы слышите. Вы предвидели заранее о сегодняшнем вашем поражении, так ведь?

Де Кроссье закрыл глаза, ничего не ответив. Но затем, когда он вновь взглянул на русского, в его взоре не было той муки и боли, Неверовский увидел там теперь спокойствие и... какую-то покорность, понимание неизбежности и прощание.

–...Ген..., генерал, послушайте меня. Ведь..., никогда нельзя сказать, как повернутся события, и даже посланники грядущего не способны..., не могут этого сделать. Знае-

те, генерал, я давно..., почти пятнадцать лет уже..., слышу этот глас..., и всегда я передавал его пророчества другим: ... своему генералу, ... своему императору, ... своему маршалу, тем, кто, как я думал, вершит историю. И на пути своём я встречал других посланников, таких же, как и я сам. Да, генерал, то были..., все..., разные люди, офицеры, чиновники, даже был один прусский поэт..., но все они...

Раненый захрипел и закашлялся, Неверовский взял его за руку, приложил ещё раз флягу к сухому рту. Де Кроссье слабел, пульс почти не прощупывался, темная кровь толчками выходила из раны в груди, оставалось всего несколько минут. Шевалье сжал руку русскому, заговорил быстрее, хрипя, Неверовский с трудом разбирал французские слова:

– Послу...шайте, вы, русские, посланники, совсем другие, отличаются..., от нас. Мы только..., говорим сильным..., что слышим, что им надо делать. А вы же пытаетесь сами что-то изменить, вы же сами..., действуете. Я видел вас с тем..., генералом, в Смоленске, это я пытался тогда убить его и мне не повезло. Но он погиб, я видел, а теперь будет ваш черёд. Вы – сейчас уже посланник, глас придёт к вам. И пока вы обращаете сами эти пророчества в ремесло, ваш народ непобедим! Я только что это понял, мне страшно сознавать это, но наш император должен..., узнать..., и уходить отсюда, из этой страны!

Гримаса боли отразилась на его лице, и он простонал:

– Все..., прощайте, генерал, дайте мне вашу руку!

Пьер де Кроссье в последнем усилии сжал пальцы Дмитрия Неверовского. Он мог бы ещё рассказать этому русскому про виденную им гибель Кутайсова, про других посланников, которых он знал. Он мог бы поведать про весь свой боевой путь и служение гласу грядущего, но вдруг отчетливо понял, что его время закончилось. Он в последний раз закрыл глаза и увидел небо, края которого расступились, как будто принимая его к себе.

Потрясённый, Неверовский своей рукой ещё раз провёл мертвому по векам, закрывая их навсегда. На душе было пусто, хотя и спокойно. Идеи уже начали приходить в голову как будто откуда-то извне, главной из них была полная уверенность в том, что Наполеон уже сегодня будет выходить из Москвы. Он вдруг почувствовал что-то у себя в боковом кармане мундира, опустил руку и нащупал кусочек металла, показавшийся ему вначале удивительно тёплым. Достав перстень Кутайсова, он медленно надел его себе на указательный палец, ещё раз глянул на застывшее тело де Кроссье, и, подозвав своего полковника, медленно поехал с ним обратно, к своим полкам....

Эпилог

30 г. нашей эры

Овцы протяжно блеяли и не хотели идти вперёд под палящим солнцем полудня, даже понукаемые и нещадно окочуливаемые по сочным бокам тонкой тростью пастуха. Жара была нестерпимая, и юный черноокий мальчишка гнал отару к мутной речке, желая поскорее облегчить страдания животных. По пути, справа от пыльной разбитой дороги, построенной легионерами лет двадцать назад, двое обнаженных по пояс, загоревших на солнце и измазанных в грязи людей, весело стуча топорами, обрубали брёвна для постройки небольшой хижины. Небогатый торговец заплатил им 25 динариев за работу, которой они занимались уже дней десять. Младший из плотников, худой мужчина лет тридцати, смуглый, длинноволосый, с небольшой бородкой и усталыми, но глубокими грустными глазами, выпрямился от своего бревна и, вытирая рукой катящийся по лицу пот, спокойно и почти безразлично посмотрел на мальчика. В этот самый момент стоящее в зените светило, казалось, сверкнуло ещё сильнее, и человек слегка пошатнулся, поднеся свободную ладонь с узловатыми натруженными пальцами к затылку. Плотник чуть наклонился вперёд, казалось, к чему-то

прислушался. Овцы, работа, пастух, зной исчезли из его сознания, время вокруг остановилось. Он теперь слышал только убедительный, тихий голос, вещающий ему простые человеческие истины.

Ему говорил..., да не важно, кто. Бог, Яхве, Йегова, создатель – главное, тот, кого он почитал. И это почитание он должен теперь был передать, казалось, всему миру. Он вдруг осознал, что если он сделает, как его просят, вся история людей, все их будущее, уже никогда не будут прежними. Глас грядущего стал для плотника дорогой, той дорогой, по которой он хотел идти и вести за собой всех, кто его окружает.

Он любил их всех теперь. Вся его прежняя жизнь, лишения, нужда, бедность, тяжелая работа, уже казались чем-то незначительно далеким. Глас вещал ему про его новое предназначение и рисовал в воображении цветные яркие картины. Он учился любви: к ближнему, к богу, к самому себе! Он вдруг понял, как можно сохранить эту любовь в своём сердце и как передать ее другим.

В своём воображении он ясно увидел пологий холм на окраине небольшого города, много людей, сидящих, стоящих и полулежавших на раскалённых камнях и в пыли, тем не менее, внимательно и даже благоговейно слушающих то, что он им говорит.

Потом он увидел сад с поникшими в ночной тиши оливковыми деревьями, себя среди молодых людей у костра, услышал топот ног приближавшихся римских солдат, короткую

схватку и . . . , затем вновь увидел себя: избитым, искалеченным, истекающим кровью, бредущим в толпе соглядатаев по улице, согнувшимся от боли, жажды и тяжести лежащего на спине перекрестия из двух грубо обтёсанных (он сам бы никогда не допустил такую работу) кедровых брёвен. Но он не изгнал это чувство из сердца даже когда его, уже полумертвого, водрузили на крест, казня по обычаям пришедших в его страну завоевателей, а та любовь, которую он выдохнул из себя перед последним вздохом, казалось, на мгновение окутала весь мир.

Но потом плотник увидел, что люди, пользуясь его именем, попрали эту любовь. Он видел, как непонятные правители под его изображением, роскошно одетые в сверкающее золото и блистающие камни, провозглашают от его имени завоевательные походы и войны, как льется реками человеческая кровь, как воины убивают друг друга неведомым ему оружием, как рубят головы и отрезают груди женщинам, как кидают в огонь плачущих детей, как сотни городов и десятки государств уничтожаются, возрождаются и вновь уничтожаются, и все якобы ради служения его слову. Он видел как одни люди сказочно обогащались, пользуясь трудом тысяч других людей, как вырубались леса, истощались и уничтожались плодородные долины, высыхали озера и реки, а на их месте ставились колоссальные каменные столбы разных форм и расцветок, ради жизни в которых те же люди были готовы лгать, воровать, убивать, и, подставляя его имя, назы-

вать себя последователями его слова и учения. Как, на протяжении веков, они вырывали из недр земли полезные им металлы и топливо, как создавали из них средства и устройства, позволяющие обрекать других на гибель. Он увидел дикий железные башни в воздухе и на воде, вихри огня, невероятные облака дыма и пыли, напомнившие ему песчаные бури в давно исхоженной им вдоль и поперёк пустыне – но эти бури сметали на своем пути города и поглощали жизни целых народов! Он видел страшные болезни, заражающие огромные страны и территории, увидел больных и здоровых страждущих, искавших спасения в стенах храмах – под картинами с лицом, его лицом! В его сознании промелькнула череда разных лже-пророков, которые проповедовали якобы от его имени, стремясь при этом только к личной наживе, обрекая всех своих последователей на нищету и гибель. И он ещё много чего увидел: весь ужас человеческой истории за несколько тысячелетий после него пролетел в его воспалённом мозгу, а он, простой плотник Иешуа, был как будто вдохновителем этой истории, ее центральной фигурой.

Он не видел и не знал только одного – чем все это закончилось? Сознанием, позывом своей души, всем опытом своей скитальческой жизни он понимал, что это не может продлиться вечно, что человечество, которое он только что неизвестно по чьему наитию увидел, которое много веков будет разрушать само себя, в конечном итоге обречено на неизбежную гибель, полное и безусловное уничтожение. Но

именно этот момент как будто расплывался, закрытый белесым туманом, как будто говоря ему, что неопределенность это ещё не конец, что из точки, где он находится сейчас, туда ведёт бесчисленное множество путей, что он, как и многие другие, подобные ему, ещё смогут все изменить.

Плотник тяжело вздохнул, оставил свой топор, и, не слыша удивленных окриков товарища, медленно пошёл вслед за отарой в сторону грязно-серой, окружённой по берегам склонившимися ивами речки. Там, прямо в воде, стоял, опершись на деревянный треснутый посох, длинноволосый и бородатый мужчина дикого вида, одетый в грязную и мокрую накидку из верблюжьей шерсти. Перед ним, погрузившись в воду почти до пояса, склонилось несколько мужчин и две женщины, он им отрывисто и даже торжественно что-то им объяснял, время от времени прикладывая руку прямо к их волосам и опуская таким образом в волны по самый подбородок. При этом человек как-то смешно поднимал глаза в небо и потрясал своим посохом, навершие которого было украшено большим полупрозрачным камнем кораллово-красного цвета, сохраняя при этом отрешенное выражение волосатого лица. Но когда плотник приблизился, неизвестный проповедник вдруг неожиданно выпрямился, опустил в воду свою суковатую палку, и, опершись на неё, словно впечатал во вновь пришедшего взгляд, полный одновременно удивления, поклонения и... покорности.

Иешуа уверенным шагом ступил в илистую воду, свет-

ло-коричневую от намытого с берегов песка. Она показалась ему удивительно холодной, видно у самого берега, разрывая древнее русло, били ключи, даруя прохладу даже самому жаркому дню. Подойдя к группе людей он, присев, склонился перед проповедником, вода скрыла его почти по грудь, концы длинных волос чуть намокли.

– Ты следуешь за мной, но будешь далеко впереди меня! – тяжелым, отрывистым басом сказал ему этот человек. – Моё время прошло, приходит твоё. Я долго искал тебя, но я знал, что мой путь не будет напрасен. Что ты теперь хочешь? Тебе же ведомо все, что ведомо мне, и гораздо больше!

– Нам обоим сейчас надлежит исполнить свою правду! Посему делай, что должен, ибо наше грядущее есть не прямая дорога по земле, а тернистый путь в небеса! – ответил Иешуа, и протянул руку к проповеднику, ожидая свершения его обряда.

Красный камень, венчавший посох, ярко сверкнул в падавших с неба лучах.

•

Здесь и далее по тексту имеется ввиду советский самолет-штурмовик ИЛ-2.